

Вячеслав Килеса

ИСТОРИИ,
РАССКАЗАННЫЕ ВЧЕРА

АННОТАЦИЯ

Роман «Истории, рассказанные вчера» впервые был опубликован в 2002 году в журнале «Алые паруса», затем дважды выходил в составе сборников (2004 и 2011 годы). В форме небольших рассказов он рассказывает об истории семьи Мудрак, пытающейся освободиться от родового проклятия. Место действия: город Карасувбазар (Белогорск) Крымской области, время действия: от 30-х годов 20-го века до 1999 года. Главные действующие лица романа - мама Лиза, ее дочери Даша и Лида, сын Гриша, колдун и некромант Вечеслав Мудрак. Рисунки к книге выполнены имеющим международную известность крымско-татарским художником Рамисом Нетовкиным. 25 августа 2005 года на 3-ем Международном Тернопольском книжном форуме книга «Истории, рассказанные вчера» была признана «Лучшей книгой 2005» в номинации «универсальность художественного мировоззрения», ее автор стал лауреатом украинской литературной премии имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.).

Сборник «Истории, рассказанные вчера» написан простым, доходчивым языком, обладает занимательными сюжетами. По своему содержанию книга глубоко патриотична, учит любить и уважать свою Родину, семью, друзей, ориентирует сознание на высокие моральные ценности.

Художники: Рамиз Нетовкин (г. Белогорск), Жанна Будакова (село Апери острова Карпатос, Греция)

ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ВЧЕРА

ОТ АВТОРА

Детство - самый значительный отрезок жизни, и не только потому, что в нем закладывается то, что проявится и определит собой зрелости в детстве человек свободен от тех необходимостей, которыми сдавит его позднее общество и государство. Детство настроено на доброту, веру, любовь и надежду, и мир взрослых воспринимается как состоящий из множества мам и пап, для которых самое главное - твое существование; как мир, где взрослые всегда готовы уступить и пожертвовать своими целями для счастья маленького человека. Детство - это то, что, провожая в прошлое, всегда хотелось бы иметь в будущем, что вызывает у повзрослевших грусть и сожаление, и желание - хотя бы мысленно - вернуться назад, заглянув в чужое детство, всегда похожее на свое.

В «Истории...» каждое событие проникнуто иррациональным духом, столь же убедительным и имеющим право жить, как и достоверность научного фолианта, - это и называется художественным произведением, позволяющим тем, кто читает, забыть о сумрачном вечере и отложенных на завтра неприятностях, и снова стать тем, кем ты был когда-то: в прекрасной эпохе, не помнящей начала и не верящей в то, что наступит ее конец. И пока у нас есть память и возможность ее оживлять, погружаясь в волшебный мир авторского воображения, наша жизнь никогда не будет дорогой в никуда, и сквозь любую непогоду и осаду шальной печали всегда постараются пробиться, освещая и согревая душу, лучи бредущего по ту сторону добра и зла веселого детства, готового смеяться над всем, кроме своей или чужой боли. Готового прийти и протянуть вам, читатель, руку бескорыстной помощи.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Длинный хвост молнии, словно плетью, ударил по зазвеневшему стеклу. Получив поддержку, стихнувший было дождь набросился на небольшой дом, застывший в окружении высоких, усыпанных гранитными валунами, гор.

Сидевший в огромной красном кресле мужчина пятидесяти - пятидесяти трех лет равнодушно поднял лицо, взглянул в сторону окна и вернулся к изучению лежавшей на столе старинной рукописи в черном переплете. Перевернув несколько страниц, задумался и негромко произнес:

- Наверное, Адонис был прав и мы напрасно позволили спалить ее в Александрии. Побольше писцов, расширенный тираж - и кто знает, кому молилась бы средневековая Европа!

Закрыв рукопись, он положил ее на стол и включил дисплей. На экране появилось изображение красивого юноши, разговаривавшего с кем-то по телефону. Взглянув в сторону мужчины, юноша быстро отключил телефон и согнулся в поклоне:

- Слушаю, сир!

- Сараево - требовательно произнес мужчина.

- Все идет по плану - торопливо заговорил юноша. - Фердинанд убит, Англия готовится к военным действиям. Мировая война неизбежна.

Помолчав, юноша почтительно добавил:

- Очень изящная операция, сир! Кто бы мог подумать: гибель незначительной особы - и такие последствия!

- Да, в этом, как и в любом деле, главное: найти камешек, который сдвинет лавину, - кивнул мужчина. - Все?

- По Сараево - да. Но, осмелюсь напомнить, начинается операция, к которой вы когда-то проявили интерес.

Юноша замолчал, глядя на недоуменное лицо мужчины, потом поспешно проговорил:

- Место действия - Украина. Родовое проклятие. В восемнадцатом веке - наш выигрыш, в девятнадцатом - ничья. Сейчас - решающая часть.

- Да, вспомнил - задумчиво сказал мужчина. - Церковная разведка, граф Мудрак. Что ж, это будет любопытно.

- Прикажете начать, сир! - вытянулся юноша.

- Да - кивнул мужчина. - Но без философии и абстракций, в каком-нибудь бытовом варианте.

Экран потемнел.

Мужчина встал, потянулся и медленно подошел к окну. Змеиная лента молнии дотронулась до стекла и опала, бессильно скользнув к земле. Дождь стихал.

- Все на свете имеет конец, - отвернувшись от окна, мужчина вернулся в кресло и, раскрыв "Евангелие от Иуды", вновь углубился в чтение.

ДОМ

Как, детки, удобно расселись? Родя, подвинься, пусть Полина устроится. Все?! Тогда слушайте.

Раньше о нечистой силе люди многое знали, потому как ближе к ней жили. А потом машины появились, самолеты летать начали - это и людям не всегда приятно, что уж говорить о русалках, леших и прочих тварях. Часть из них попряталась, в темные места ушла, а другие, наоборот, в город подались, и в таких страшилищ превратились, что не дай вам бог, детки, с ними повстречаться. Древняя нечистая сила добрее к людям была, даже иногда выручала, а нынешняя... Ладно, об этом в другой раз, а сейчас расскажу, что сама видела.

Наша семья в Крым после гражданской войны переселилась, да и не столько переселилась, сколько бежала. Бабушка моя очень богатая была, свою усадьбу имела: вместе с дедом бабушку в этой усадьбе и сожгли. А мы вначале в Кривой Рог подались, а затем в Карасувбазар: здесь у отца знакомый жил. Когда убегали, мама Лиза успела немного золота захватить: решили на него дом купить.

Карасувбазар тогда большим городом был: в основном татары его населяли, но и других народов хватало. Улицами так и селились: здесь русские, там украинцы, дальше греки, армяне. Ремесленный город был и очень религиозный: у каждого народа свой бог, своя церковь, свое кладбище.

Отец на Ханджаме дом присмотрел, но мама Лиза привыкла дворянский нором проявлять, на своем настаивать. Нашла дом возле дороги на Мушаш: большой, красивый, комнат много и цена дешевая. Отец сомневаться начал, тем более что знакомый не советовал: дом за последние пять лет трех владельцев поменял, странное в нем происходило, - но хозяин, пожилой армянин, очень упрашивал, даже цену сбавил, да и маму Лизу еще никому переубедить не удавалось, - так мы в этот дом и вселились.

Поначалу все радовались, особенно дети. Нас в семье четверо было: Грише - десять лет, мне - семь, Лиде - шесть, а Оле - пять. Меня с сестричками в одну комнату поместили, а Грише, как старшему, отдельную выделили. Гриша в школу ходил, я гусей пасла, Оленька мне помогала, а Лида маминой любимицей была, всегда возле нее вертелась: ее дома и оставляли. Хотя и там работы хватало: мы, кроме гусей и кур, корову держали, свиней, овец, так что мама Лиза с рассветом вставала и позже всех ложилась. Никакой крестьянской работы не чуралась, всему научилась, даром что дворянка и по-французски говорить умела. А отец в Марьяне кладовщиком работал, за материальные ценности отвечал. Тогда грамотный человек в цене был, а у отца все-таки высшее техническое, хотя он и скрывал это; да и мама все дворянские документы и фотографии как-то сожгла. Гришу, помню, очень что расстроило.

Так вот, первый месяц все хорошо было, хотя мама и жаловалась, что кто-то за ней подглядывает и в затылок дышит, но папа над ней посмеивался: он, когда в Петербурге учился, атеистом стал и верил только в физиологию. Для нас же, детей, самым важным было то, что лето на улице, птицы поют, фруктами объедаться можно. Но однажды вечером всей семьей всполошились: ужинали за столом во дворе и вдруг слышим: в комнате сепаратор заработал. Мама днем из молока масло сбивала и там его оставила.

- У нас гости? - отец спрашивает и нас глазами пересчитывает.

- Нет, - мама говорит.

Все за столом, даже кошка Мурка о мою ногу трется: а услышала звук сепаратора - зафыркала, хвост взъерошила.

Отец встает и идет в дом; мы, конечно, за ним, потому как интересно. Доходим до двери, за которой сепаратор гроыхает - и вдруг стук смолкает. Заходим: никого нет и в других комнатах пусто; сепаратор стоит на столе, а рядом в горшочке-кусоч сбитого сливочного масла.

- Ничего не понимаю! - мама восклицает. - Я это молоко на утро оставила, для завтрака.

- Н-да! - отец недоверчиво хмыкнет. - Что ж, попробуем, какое масло неизвестный гость соорудил.

И руку к столу протягивает. А Оля как закричит; «Тятя, не трогай! Его нельзя кушать!».

Тогда все по-настоящему перепугались. На Олю смотрим, а она бледная, глаза полузакрываются и ручками к отцу тянется. Отец Олю очень любил; подбежал, обнял ее, по головке гладит: «Хорошо, доченька, не расстраивайся, выбросим это масло».

И действительно: в бумагу завернул, вынес за ворота и на улицу кинул. Я потом видела, как соседский Полкан это масло лизал, а через день его мертвым нашли. То ли убили, то ли сам отчего-то умер -никто разбираться не стал.

Оля болезненной росла, часто уединялась, думала о чем-то. Мама ругала ее за это, Лиду в пример ставила. А отец и я Олю любили. Она добрая была и очень ласковая: никому плохого слова не скажет, даже когда обижали. И животные к ней тянулись: она с ними, как с людьми, разговаривала. Я слышала, как она и деревьям что-то шепчет. И к нашему дому тоже странно относилась: приложит ушко к стене и словно слушает что-то, а потом улыбнется и штукатурку рукой гладит. Я однажды, когда гусей пасли, задала об этом вопрос, а она задумалась и говорит: "Дому плохо очень: его для добра строили, а заставляют злом заниматься. "Кто заставляет? - спрашиваю, но Оля так и не ответила.

Сепаратор еще несколько раз срабатывал, но мы уже не пугались (как сказал отец, страшнее гражданской войны ничего не будет); потом мама его во двор вынесла и он больше не тархтел. Зато однажды в окно кто-то ночью стучал, отец выходил, но никого не было, а утром оказалось, что в сарае околела корова. Мы долго горевали, особенно мама Лиза. Еще посуда иногда гремела, на чердаке

скрипело, но мы на это не реагировали: уставали очень, работая, и старались лучше выспаться. Только Оля расстраивалась и начала просить дом оставить и в другой переехать. Мама объяснила, что денег на покупку нового дома нет, но Оля так и не успокоилась: похудела, лицо прозрачное стало.

А в первое воскресенье сентября, когда завтракать сели, слышим в доме траурную музыку. Побежали туда и видим в той комнате, где мама продукты хранила и хозяйством занималась, на одной из стен странное зрелище: на белом фоне двигалось множество темных человеческих фигурок. Я замерла, не понимаю ничего и лишь удивляюсь, почему человечки и двигаются, и остаются, не исчезая, и кто играет такую красивую мелодию, - и тут мама воскликнула: «Это же похоронная процессия!» Теперь и я всматриваюсь и различаю: на телеге гроб с покойником, священник кадилом машет, музыканты инструменты в руках держат, а остальные просто идут и все как живое. Мама схватила скатерть, начала стенку закрывать, а человечки и по скатерти вышагивают. Тогда мама окно наглухо занавесила - и стало еще отчетливее все видно, особенно лицо покойника: заостренное, злое, с длинным носом.

Отец остолбенелый стоял: наверное, с атеизмом прощался; потом кричит маме: «Беги за попом!» Мама взглянула удивленно - мы в церковь почти не ходили, лишь посты соблюдали, - оделась и ушла. А нас отец завтракать погнал, затем работать заставил и в ту комнату заходить запретил.

Поп часа через два появился; я слышала, как он объяснял отцу, что его в этот дом уже приглашали, но его молитвы перед чертовщиной бессильны: она каждый сентябрь на стене возникает и до полуночи не исчезает. Впрочем, он готов еще раз освятить комнату.

Обряд, который творил в доме поп, видел только Гриша: меня и сестренку отец отвел до утра к знакомому, а на следующий день на стене ничего не было, лишь висела в углу икона да пахло лампадным маслом.

Происшествие родителей напугало, и они заговорили о том, что дом, как он ни удобен, надо продавать, и весной отец этим займется. А пока готовились пережить зиму: мама насолила в бочках грибов, наквасила капусты; скирда сена во дворе выросла. Однако возникли трудности с картофелем - нашим главным зимним продуктом, - поскольку погреба в доме не оказалось и хранить картошку было негде. Мама обязала отца вырыть погреб: наметили его копать в той комнате, где чудеса происходили и запасы хранились. Тут опять Оля закапризничала: побледнела вся, заплакала; мама решила, что у нее болезнь начинается, и в кровать уложила.

Отец копал погреб несколько дней и почему-то дышать в доме становилось трудней и трудней; мы все во дворе старались делать, хотя осень и превращалась в позднюю. На четвертый день отец вдруг закричал, зовя маму; мы поспешили за ней. Отец стоял в трехметровой яме и показывал: «Смотрите, на что я наткнулся!» Мама нагнулась и ахнула: «Неужели гроб?!»

Услышав такое, я Лидку отпихнула и наперед продвинулась. Точно: крышка гроба поблескивает, медью оббитая.

- Как быть? - мама спрашивает. - Обрато землей забросаем?

- Еще чего! - сердится отец. - Мы тогда совсем без погреба останемся. Меня на работе через два дня в Симферополь надолго посылают, поэтому завтра нужно погреб закончить. Я этот гроб здесь же в глубине зарюю, пол глиной обмажу,

стенки кирпичом выложу - и будет великолепно. Покойнику хорошо, и мы с погребом.

- А гроб ли это? - засомневался Гриша. - Гроб медью не оббивают. Вдруг это сундук разбойничий и там золото лежит: давайте откроем.

Гриша приключенческими романами увлекался и мечтал клад найти; прошлым летом я и Лида даже в поход с ним за кладом на Дорткуль ходили, но ничего не нашли.

- Прекрасная мысль! - оживился отец. - Возможно, там действительно деньги хранятся, на которые новый дом купить можно.

Мама, собиравшаяся критиковать Гришине предложение, при словах «новый дом» вздохнула и махнула рукой: делайте что хотите!

Гриша лопату принес, отцу помогать, и вскоре гроб откопали. Отец поддел топором крышку, дернул - и гроб раскрылся.

Это действительно был гроб, так как в нем лежал покойник, но драгоценностей и золотых украшений сверкало на нем столько, что хватило бы, как подсчитала мама, на выкуп всего Карасувбазара. Покойника я сразу узнала: это его везли на телеге, когда на стене похоронная процессия светилась.

- Чудеса! - изумилась мама. - Судя по одежде, он лет сто назад жил, а выглядит, словно вчера похоронили.

- Потому что гроб медный, воздух не пропускает, - отец авторитетно поясняет. - Или каким-то раствором тело смазали: люди в старину многое умели. Снимать украшения?

- Нет! - мать головой качает. - Душа протестует. Святотатство - мертвецов грабить.

- Конечно, оно так и правильно, и праведно - хмурится отец. - Но как тогда новый дом покупать? Я малость возьму, чуть-чуть.

Сдергивает с покойника ожерелье и маме подает. Та взяла, а у самой пальцы дрожат. Мы хотели ожерелье потрогать, но мама прикрикнула на нас и сразу его в спальню отнесла, и велела никому о находке не рассказывать.

Прибив крышку на место, отец зарыл гроб в погреб, под глиняным полом. «Все равно больше одной зимы здесь не проживем» - пояснил он. Ночью он и мама волновались очень, почти не спали, словно чего-то ждали, но эта и другая ночь прошли спокойно. Отец достроил погреб, сделал в нем лестницу и уехал на неделю в Симферополь. Гриша за ним увязался: у него каникулы в школе наступили, - и осталась дома одна «девичья команда».

Гриша и Лида к находке гроба отнеслись как к интересному приключению, да и родители себя в этом уверили. Я присоединилась бы к их настроению, но поведение Оли смущало. Последнее время Оля с постели почти не вставала, плохо себя чувствовала, и очень расстроилась, узнав о гробе и ожерелье. «Нельзя ничего у него брать, - повторяла она. - Он и так злится, что на его могиле дом построили и жизнь продолжают, а тут частицу того, для чего он существовал, отняли. Он отомстит, страшно отомстит».

- Кто он, этот покойник? - спрашивала я. - И откуда ты все знаешь?

- Мне дом рассказал, хотя и ему мало известно. Покойник когда-то, чтобы богатым сделаться, нечистой силе душу продал, а потом обмануть ее пытался, в Киево-Печерской лавре укрылся. Однако нечистая сила его сюда выманила и умертвила, но себе забрать не смогла: на нем святой дух Лавры остался.

Покойник должен еще преступление совершить, чтобы в аду успокоиться. Дом пытается помешать мертвецу, но ему мало что удастся: селившиеся в доме люди обычно своими проступками умножали силу покойника и ослабляли мощь дома.

Об услышанном Оля молчать велела - это тайна дома, я ее просьбу выполнила, но чего-то все время страшилась и когда на следующую ночь меня разбудил мамин крик, я, казалось, была к этому готова, хотя такого ужасного крика я никогда в жизни не слышала. Вскочив с кровати, я, Оля и Лида побежали на мамин голос и, добежав, застыли на месте. При свете луны было видно, как покойник, схватив левой рукой, очень длинной, маму за горло, пятится к погребу; в другой руке сверкало взятое отцом ожерелье. Почему-то сейчас покойник казался более мертвым, чем тогда, когда лежал в гробу. Мама уже не кричала, а покорно шла за мертвецом, хотя идти тому было трудно: пол под его ногами проваливался, и он с усилием вырывал из очередной ямы свои ступни, продолжая приближаться к гробу. Мы стояли, леденя от страха, - и тут наше оцепенение прервал Олин крик: «Отдай маму! Меня возьми!», и, подбежав, Оля вцепилась в одежду покойника. Мертвец замер, потом, оттолкнув маму, стряхнул ожерелье ей под ноги, схватил Олечку и прыгнул назад, в проем погреба. Стенки дома затряслись, закачались, словно при землетрясении; наверху треснула балка, и часть крыши, обрушившись, завалила погреб. «Бежим!» - закричала мама и, подхватив меня и Лиду, выскочила во двор. Дом, еще раз качнувшись, замер. Я и Лида прижались к маме, и сердца наши стучали так, что казалось, вот-вот разорвутся. Мама успокаивала нас, гладила по голове и, прямо в ночных рубашках, повела к знакомым; оставив нас там, вместе с несколькими мужчинами, удивлявшимися, почему землетрясение задело только наш дом, вернулась искать Олю. Откопали ее к рассвету; мама сказала потом, что ни гроба, ни покойника в подвале не оказалось. Я ей тогда не поверила, а сейчас думаю, что мама говорила правду.

Когда хоронили Олю, она лежала в гробу с одухотворенным, почти счастливым лицом, а мы все время плакали и не было у меня в жизни более горького дня. Бедная моя сестричка, как я любила тебя и люблю до сих пор, и последняя мысль моя перед смертью будет о сыне - вашем папе, о вас, мои внуки, и о ней, Олечке, царствие ей небесное!

За ожерелье мы купили дом на Ханджаме и сразу в него перебрались. А старый дом очень быстро обветшал и рассыпался и к весне на его месте образовался пустырь. Там и сейчас никто не строит и даже трава растет плохо, и я, попадая туда, всегда вспоминаю Олечку, а мама Лиза вообще целый год ходила по ночам к развалинам и плакала, как на могиле. Я лишь потом поняла, что Олечка поменялась с мамой смертями, чтобы та могла нас вырастить: время-то было голодное, тяжелое.

ВОРОЖЕЯ

Ах, мои милые: опять к бабушке пришли! Садитесь, садитесь... О чем вам рассказать? О любви?! Чему ты смеешься, Полина: сейчас для Саши и Миши самое время с любовью знакомиться, а потом и твоя очередь наступит. Любовь - это игра, в которую играют всю жизнь, иногда очень серьезно. А если участвуют

в ней одаренные личности, то любовь удивительные формы принимает. Мне такую любовь испытать не довелось, зато увидеть ее увидела.

Мой отец был очень красивый мужчина, и многие женщины на него заглядывались, но он лишь мать и замечал, ни на кого внимания не обращал. И мать его сильно любила: все в семье делалось так, чтобы отцу угодить. Только у отца одна страсть была, которая матери не нравилась: в карты играть. Первые годы в Карасувбазаре он еще сдерживался, а после смерти Олечки неделями дома не ночевал. Вначале мама ходила, разыскивала его, а потом махнула рукой и ждала, когда явится: с повинной головой и пустыми карманами. Мамины уговоры, плач не помогали: отец клялся, обещал исправиться - и вновь исчезал.

Мама не знала, что и предпринять, - и тут посоветовали ей сходить в соседнее село Карачоль к гречанке Элине, известной ворожее: она обязательно поможет. Мама собралась и пошла, а через час возвращается: растерянная, запыхавшаяся. «Дома все в порядке?» - спрашивает у Гриши: он, я и Лида за столом во дворе сидели и подсолнухи лутили. «Да, мамочка!» - отвечаем дружно. Мама присела за стол, помолчала и говорит: «Не могу идти к этой гречанке, что-то не пускает, словно за подол дергает. Да еще воробей несколько раз впереди меня садился и в мою сторону бежал, крылышками размахивал: будто назад уговаривал повернуть. Я и камешки в него бросала, и с дороги сворачивала: а он все впереди меня скачет. Так и вернулась».

«Меня возьми! - я выскочила. - Мне с воробьем легко справиться: он поменьше, чем гусак».

До семнадцати лет я гусей в степи пасла и большим специалистом по птицам считалась.

Мама посмотрела, вздохнула и согласилась: «Ладно, дочка!». И через месяц, когда отец вновь пропал, меня одела и повела с собой.

Наш дом на окраине Ханджамы располагался, и Карачоль от крыльца виднелась. Но идти пришлось долго, часа полтора: по степи, потом вдоль Феодосийского шоссе. Трава начинала выгорать; я бегала за кузнечиками и чувствовала себя счастливой.

Дом ворожеи нашли сразу: белые стены под красной черепицей. Постучали, вошли в сени, после разрешающего окрика Элины - в комнату. Я надеялась увидеть старуху с острым кадыком и клюкой, но в чисто прибранной и опрятной комнате стояла красивая тридцатипятилетняя женщина, пристально смотревшая на маму большими черными глазами.

- Все-таки пришла, - не ответив на приветствие, произнесла Элина. - Думала - не дойдешь. Значит - судьба. Знаю, но расскажи ты.

Мама запинаящимся, неловким голосом поведала о своем горе. Ворожея не столько слушала, сколько разглядывала маму, затем опустила глаза: «Муж вернется сегодня: увидишь раньше, чем дойдешь до порога дома. Завтра жди меня вечером».

Повернулась и вышла в другую комнату. Мы постояли и поплелись обратно. Мне ворожея понравилась, а мама осталась недовольна: «Наглая какая! Ничего, кроме гонора, нет!»

Зайдя в наш двор, мама спросила у сидевшей за столом Лиды: «Отец дома?». «Нет», - отвечает Лида. «Я так и думала», - бормочет мама. Взяла метлу и принялась дорожку к крыльцу подметать, а я возле Лиды устраиваюсь и наше

путешествие ей рассказываю. Домела мама до порога и только собирается на него ступить, как раздается голос: «Лиза, детки, здравствуйте!» Смотрим: отец стоит во дворе и улыбается виновато. Мама его за стол усадила, покормила, потом в дом увела и долго там беседовала.

Мое повествование так заинтересовало Лиду и Гришу, что они еле дождались прихода ворожеи. Но первыми ее почему-то почувяли гуси: они забеспокоились, загоготали, затем открылась калитка и вошла Элина. Мы сидели за столом во дворе; Элина направилась к отцу и, подняв к его лицу блестящий шарик, велела: «Смотри сюда!» Отец взглянул и словно окаменел. «Забудь про карты! Забудь про карты! Жду тебя к себе!» - ясно и отчетливо несколько раз повторила ворожея, повернулась и направилась к воротам. На ее пути трепыхалась, роясь в земле, курица; Элина взглянула на нее, и курица, закудахав, точно ее ударили, помчалась прочь. Мы сидели как приклеенные, не в силах встать; возле ворот ворожея обернулась, махнула рукой - и нас будто отпустило что-то.

Утром курица, попавшая к ворожее в немилость, сдохла, а вечером отец с работы домой не пришел. Мать ждала его, сцепив руки, выглядывала за ворота, потом оделась и побежала в сторону Карачоля. Меня и Лиду спать уложил Гриша, а ночью я проснулась и слышала мамин плач. Позже я узнала, что мать в тот вечер долго бродила вокруг дома ворожеи, но свет в нем не горел, калитка была заперта, а на стук и крики никто не отозвался.

На следующее утро мама побежала к отцу на работу, но он там не появлялся, зато знакомые видели его в доме ворожеи: помогал ей по хозяйству. Мама опять собралась в Карачоль и меня взяла: я после смерти Олечки любимой дочкой у отца была: к Грише он относился равнодушно, а Лиду недолго любил.

Шли мы быстро; лицо мамы точно сухим огнем горело: я ее никогда такой не видела. Зашли в Элинин двор; собака на цепи рванулась в нашу сторону, но мать на нее даже не посмотрела. Входная дверь оказалась не заперта: мама вошла без стука, я - за ней. Видим: отец за столом сидит, чай с Элиной пьет, а нас не замечает. Мама к нему: «Володя! Володенька!» - а он словно не слышит. Я тогда отца за шею обняла, плачу, кричу: «Папа! Папочка!» Тут отец вроде очнулся, обнял меня: «Даша! Лиза! Что вы здесь делаете?». "Мы за тобой пришли, - мама говорит. - Пойдем отсюда!» А Элина чай допила и улыбается: «Он останется здесь». Мама ей: «Это мой муж!». «Был твой, а сейчас мой. Ты свой род продолжила, теперь я должна это сделать».

- Зачем женатого человека завлекаешь? - мама спрашивает. - Вокруг столько холостых: любого взять можешь.

- У Володи кровь хорошая, талантливая: я такую первый раз встретила, - чувствуется дворянин в двенадцатом колене. Забудь о нем и уходи. Чтобы не горевала, денег дам столько, сколько захочешь.

- Оставь деньги себе - отдай мужа!

- Нет.

Мама тогда к Элине метнулась, чтобы ударить, а та руки открытыми ладонями на маму направила - и маму словно ветром назад отбросило и о стенку ударило. Мама упала и лежит. Я испугалась, обнимаю ее: «Мама, вставай, мамочка!» Мама поднимается, за стенку держится, на отца смотрит и говорит: «Володя, пойдем отсюда! Эта ведьма тебя погубит, а у нас дети. Я тебя очень люблю, Володя». И по-французски стала что-то ему говорить. Я в первый и в последний раз слышала,

чтобы мама по-французски говорила. Отец напрягся, пытается встать - и не может. Взглянул на Элину и головой поник: «Уходи, Лиза. Я тебя люблю, а без нее жить не могу. Не мучайте меня, у меня сердце вот-вот разорвется».

Мама тогда замолчала, за мою руку ухватилась и прочь пошла. Всю дорогу я плакала, а мама даже слезинки не обронила, только думала о чем-то.

Со следующего дня мама все хозяйство на нас перебрала, а сама по селам отправилась: искать ворожею сильнее Элины, чтобы отца вызволить. Но никто за такое дело не брался - объясняли, что Элина - ворожея в седьмом поколении, а это очень высокая квалификация. Наконец, отчаявшись, мама решила сама магии выучиться: отнесла богатые подарки одной старой ворожее, жившей в Карасувбазаре, и начала брать уроки. Какие-то книги читала, из трав настои делала; домой только поесть приходила. А мы, дети, с утра до вечера хозяйством занимались, даже школу посещать перестали: я на кухне все делала, а Гриша и отца, и мать в работе заменял.

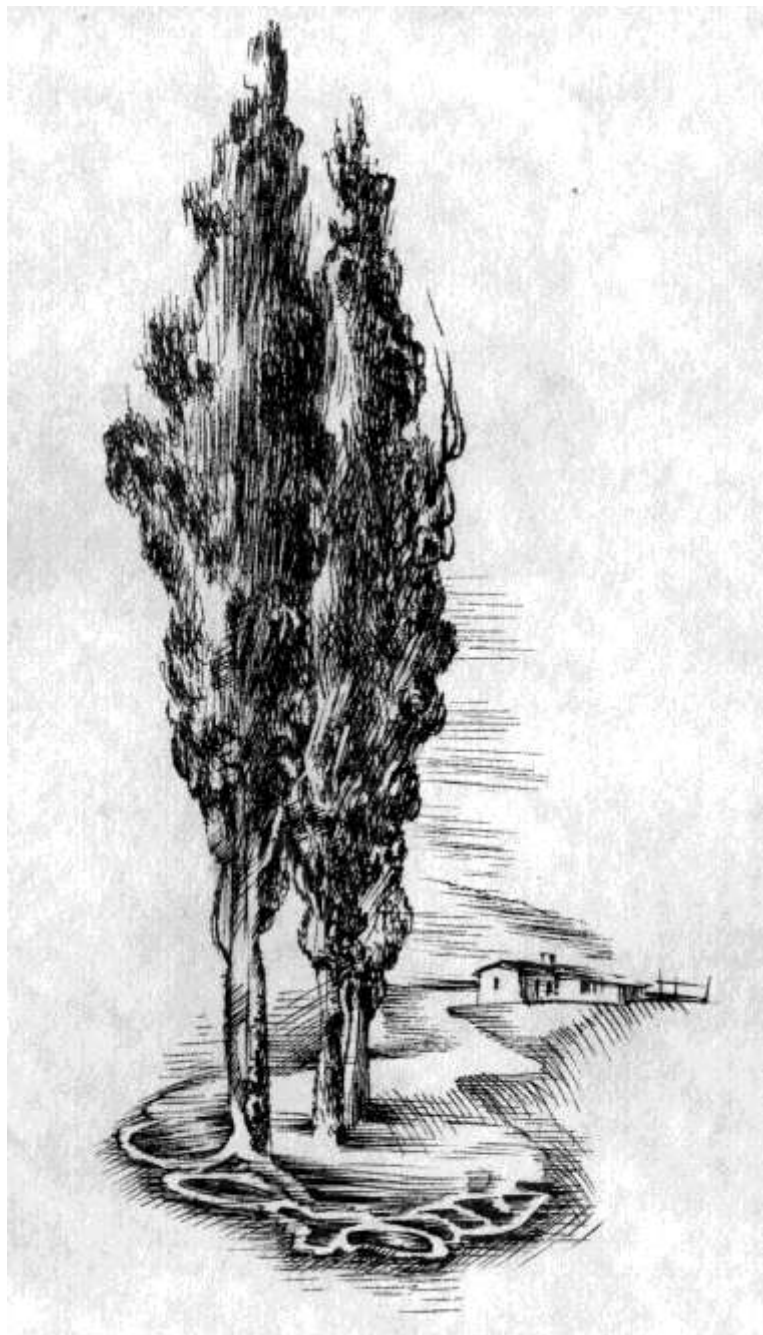
Отца мы не видели уже несколько месяцев. Слышали от знакомых, что он по-прежнему у Элины живет, и она беременна. Мама вслушивалась в новости сумрачно и еще более рьяно за магию принималась. В доме появилась высаженная в ящички герань (от вредных излучений - мама пояснила), подсвечники со свечами; мама иногда зажигала их, всматривалась в огонь и шептала: «Поутру встает солнце красное, а как ночь - придет луна нежная. Солнце красное распрекрасное, луна нежная безмятежная. И никогда они не встречаются, оба разом нам не являются. Так и суженый мой пусть с Элиной не встретится, никогда пусть с ней не слюбится. Как сказала, так и сбудется». И сжигала на свече вырезанную из бумаги женскую фигурку. Еще мама два платья пошила: одно ярко-красное, а другое - гнетущего черного цвета, и несколько варежек с прокладкой из березовой коры и листьев.

В один из весенних вечеров мама, вскипятив в котле какие-то коренья, долго водила свечой над остывающим варевом, что-то бормотала - и вдруг в котле все забултыхалось, забулькало. Мама засмеялась и кричит: «Дети! Сюда!» Мы сразу прибежали. Все это время мама с нами почти не разговаривала и даже Лиду ласкать перестала: такая чужая стала, что мы ее бояться начали. Гриша собирался вообще из дома уйти, но ему меня и Лиду жалко было.

Сейчас смотрим: сидит мама веселая, счастливая. «Завтра утром, - улыбается, - будем отца возвращать. Звезды нам благоприятствуют, к тому же Элина скоро родить должна, у нее вся сила сейчас в плод уходит. Но вы помочь должны, одна не справлюсь». Объяснила, кому что делать, вшила каждому в одежду какие-то камешки и корешки - чтобы от Элиной порчи спасти, а в полночь сходила с Гришей на кладбище и отрубила у росшего там тополя несколько веток. Пояснила: «Тополь силу у человека забирает, а нам у Элины как можно больше отнять ее надо».

На рассвете я и мама направились в Карачоль. Мама нарядилась в ярко-алое платье, надела рукавички с корой березы; в одной руке она держала тополиную ветку, в другой несла сетку с бутылками, наполненными чудодейственными растворами.

Чем ближе подходили к Карачоли, тем больше я боялась: «Мама, а если тетя Элина вновь нас плохо встретит?». «Не волнуйся, дочка, Элина сейчас в лесу в росной траве валяется, силу для плода собирает».

Зашли в Элинин двор, и к нам кинулся черный пес. Я и испугаться не успела, как мама, освободив одну руку, направила ее на пса, проговорив что-то при этом, - и пес остановился, лег на землю и заснул. Зашли в дом: отец на диване сидит. Я к нему: «Папа! Папа!», - а он словно не слышит.

Подожди! - мама говорит. - Его отпоить надо.

Надела мне на руку рукавицу, дала тополиную ветку, обрызгала ее чем-то из бутылочки и возле окна поставила: «Держи ветку вот так и с места не сходи. Ты нас сейчас от Элининого взгляда защищаешь: увидит, что здесь происходит - пропадем!». Я вцепилась в ветку, не шевелюсь, хотя и поглядываю краешком глаза, чем мама занимается. А она вытащила ситечко и три раза через него воду перелила; затем в воду что-то из двух бутылочек покапала, подержала над водой руки, пошептала - и отцу дает:

«Пей!». Отец выпил и словно очнулся: «Лиза, Даша? Как вы здесь оказались? Какая ты красивая, Лиза!». «Собирайся, домой пойдем», - мама торопит.

Поспешили обратно: мама отца ведет, а я с веткой, как с флагом. «Ты уж потрудишься, дочка!» - мама просит - разве откажешь?!

Дома поели наскоро, потом мама отвела отца в его комнату и велела оттуда не выходить. Переделалась в черное платье и повторила нам, кто что должен делать. Во дворе береза росла: мама к ней прижалась, постояла, потом объявила: «Все, дети, с богом: Элина уже близко!» - и в дом вошла. Мы надели рукавички с березой и взяли тополиные ветки, маминым раствором обрызганные: Гриша и Лида выскочили с ними на улицу и в кустах спрятались, а я возле будки Шарика укрылась. Ждем. Минут через десять калитка распаивается и Элина входит: лицо злое-презлое, а живот огромный. Я Шарика с цепи спускаю, кричу: «Куси!» - и на Элину показываю. Шарик зарычал и к ворожее помчался. Та обернулась к Шарика и руки на него наставила: Шарика приподняло вверх и к будке отшвырнуло. Я за веткой сидела, меня не затронуло, а будка треснула и развалилась. Мама так и хотела, чтобы первый, самый сильный удар колдовской энергии Шарик и будка на себя приняли.

Тут мама с рукавичкой и тополиной веткой на крыльцо вышла, мелом круг возле себя очертила и начала Элину разными поносными словами ругать - даже мне муторно стало, хотя мама и поясняла, что худые слова человека расстраивают и обессиливают, а хорошие мощи прибавляют, и для борьбы с Элиной нужно все применять. Но Элина ни на что не реагировала, молча к матери приближалась, и лишь когда услышала, как мама о ее будущей дочке выражается, остановилась, глазами засверкала, ладони выставила и на маму направила, а та тотчас руки в круг сцепили и на уровне груди поставила. Элина напряглась, ладони белые сделались, пальцы, словно звериные когти, согнулись, - а мама шепчет что-то, с места не сдвигается, лишь по меловому кругу синеватое пламя мелькает. Минут десять стояли, потом Элина расслабилась, руки опустила, повернулась и назад направилась, - но тут Гриша и Лида с улицы все подходы к калитке тополиными ветками забросали. Элина остановилась: если сейчас, обессиленная, она к этим веткам дотронется, то ребенок может родиться мертвым.

- Чего ты хочешь? - повернулась Элина к крыльцу.

- Забуди о моем муже, - мама говорит.

- Нет, - Элина головой качает. - Твое счастье, что моя сила в ребенка ушла, не то я твой дом вместе с крышей перевернула бы.

- Вот я своим счастьем и воспользуюсь,-мама с крыльца сходит и к Элине идет. - Надеюсь, что несколько ударов кладбищенской веткой тебя образумят».

Элина пятиться начала, потом, возле самых ворот, кричит:

- Твоя взяла! Забирай Володю - мне ребенок дороже!.

- Клянешься? - мама спрашивает.

- Клянусь! - Элина подняла вверх руку со скрещенными пальцами. - Мое слово верное!

Мама рукой мне махнула, я подскочила и тополиные ветки от ворот убрала. Элина несколько шагов сделала, остановилась и просит: «Дай в последний раз на него посмотреть». «Нет, - мама отвечает. - Насмотрелась уже». И хотела Элину веткой за ворота выгнать, но тут голос от крыльца раздается: «Лиза, что случилось?» Я оглянулась: отец на крыльце стоит, - не выполнил мамин запрет из дома не выходить.

- Володя! - Элина кричит. - Это я, твоя любимая! Прими мой взгляд, на прощание!

И так на отца посмотрела, что он, словно столб, застыл. А Элина засмеялась, калиткой хлопнула и ушла. Так все и закончилось.

Мама долго отца травами отпаивала, к другим ворожеям водила, но он все равно странным остался. Разговаривал, улыбался, на работу ходил - и все время словно вспоминал что-то. Мама даже в карты ему играть разрешила: но он о них и не думал.

Элина родила девочку, через год продала дом переселенцу и куда-то уехала. Отец после этого еще два года жил, а однажды лег на кровать да так и лежал: не разговаривал, от еды отказывался - и все улыбался чему-то. Так с улыбкой и умер.

Мама никогда больше не колдовала и нас этому не учила: «Каждому роду на земле свой удел. Я чужим делом занялась - вот и поплатилась!». Она долго каялась, что отца у Элины забрала: пусть бы он лучше с ней был - живой!

КЛАДБИЩЕ

Какие дети пришли к бабушке: опрятные, умытые! А Родик сегодня в новой рубашечке: красивый, важный! Мой старший брат Гриша, когда мама Лиза покупала обновку, радовался и гордился. Я и Лида даже посмеивались над ним, но он на нас внимания не обращал: «Отцепитесь, малышня!» - говорил.

Гриша способный к языкам был: немецкий язык лучше школьного учителя знал и английский самостоятельно выучил. У нас в доме много книг на иностранных языках было: Гриша даже в Симферополь покупать их ездил. Особенно гетевского «Фауста» любил: наизусть страницы из него декламировал.

Грише как раз семнадцать лет миновало, на него многие девчата засматривались, но он только о Марии Уманской мечтал, своей однокласснице. Красивая была девушка: она, как и Гриша, в войну погибла, только он в 1941-м, на острове Ханко в Балтийском море, а Марию в январе 1943-го болезнь убила.

Красивые всегда своенравны: Марии нравилось Грише голову морочить, власть над ним показывать: то насмешку над ним придумает, то свидание назначит, а мимо с другим парнем пройдет. Гриша обижался, переживал очень, а когда однажды летом Мария поцеловала при всех Гришиного соперника Ваню Ханарина, Гриша совсем расстроился и решил, как Фауст, продать свою душу дьяволу. Его еще мама отругала: Лидка хрустальную вазу разбила, а на Гришу свернула, - тот и оправдываться не стал.

Время нечистой силы наступает на земле с двадцати четырех часов до часа ночи, - это Гриша хорошо знал. И, когда все в доме заснуло, Гриша встал, оделся и отправился на кладбище. Август был, в небе звезды разбивались и вниз падали, воздух травянистыми ароматами одурманивал. А у Гриши душа - как струна натянутая.

В городе имелось несколько кладбищ; Гриша пошел на то, которое за Ханджамой расположилось: там Олечка и отец похоронены были. Сначала степью шел, потом Феодосийскую дорогу пересек и к кладбищу вышел. Как и везде, кладбище высокой стеной из ракушечника огорожено было; для похоронных процессий открывались деревянные ворота, а рядом для посетителей - железная калитка.

С усилием толкнув взвизгнувшую калитку, Гриша ступил на кладбище и по усыпанной песком тропинке направился вглубь. Ярко светила луна, освещая

кресты, оградки, надгробные памятники, разросшиеся между могилами кусты и деревья. Дойдя до середины кладбища, Гриша остановился, гадая, сколько сейчас времени. словно в ответ на его мысли порыв ветра со стороны Карасувбазара донес отчетливый бой часов: это возвещал полночь установленный на площади радиорепродуктор.

После очередного удара часов наступила тишина: такая отчетливая и прозрачная, что Гриша испугался нарушить ее громким голосом. «Дьявол, приди и купи мою душу! Дьявол, приди и купи мою душу!» - зашептал он. Повторив это несколько раз, он замолчал и прислушался. Было тихо; потом из глубины кладбища донеслось, приближаясь, мяуканье. Вскоре на соседнюю могилу вспрыгнул

огромный черный кот. Глядя на Гришу сверкающими зелеными глазами, он разинул пасть в громком вопле: «Мяу!».

Холодок ужаса схватил Гришу за сердце: он почувствовал вдруг, что затеял нечто безрассудное и страшное, от которого не будет ни удачи, ни счастья. Черный кот соскочил с могилы и, словно вырастая в размерах, начал медленно красться к Грише. «Бежать! Немедленно бежать!» - мелькнула у Гриши мысль; он рванулся и понял, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Бросив в отчаянии взгляд на видневшиеся неподалеку могилы Олечки и отца, Гриша прошептал их имена. И тут же раздалось новое мяуканье: с Олиной могилы соскочила неизвестно откуда взявшаяся белая кошечка и прыгнула на черного кота. Тот зашипел, обороняясь; они сплелись в визжащий клубок из когтей и голов, потом клубок распался и два пятна - белое и черное - отскочили друг от друга. Черный кот выгнул спину и грозно заурчал, глаза его сверкали от ярости; белая кошечка, прихрамывая, отступала, на ее боку в нескольких местах виднелись кровавые раны, но когда черный кот вновь направился к Грише, кошечка перегородила ему дорогу. «Папа, помоги Оле!» - безнадежно воззвал Гриша, и серый кот, перемахнув через изгородь, вцепился черному коту в горло. Кувыркнувшись, черный кот сбросил с себя серого, сбил лапой прыгнувшую на него кошечку и зафыркал, заурчал, - но не так победоносно, как раньше. На несколько секунд черный кот и его противники застыли в странном треугольнике, потом черный кот отвернулся и, негодуя мяукая, исчез в том направлении, откуда появился. Шмыгнув в тень ограды, растаяли в темноте серый кот и белая кошечка, - и таким покоем повеяло вокруг, что Гриша подумал: а не пригрезились ли ему все? Глубоко вздохнув, он успокоил бившееся толчками сердце и, радуясь, что может опять передвигать ногами, зашагал обратно. Пройдя метров десять, обогнул большой куст, глянул вперед и оцепенел: на могиле, стоявшей вплотную к тропинке, странным серебристым огнем полыхал крест. Как рассказывал потом Гриша, он тогда понял выражение «волосы встали дыбом», потому что шевелюра на его голове зашевелилась и поднялась торчком. Минуту, а то и больше, стоял он, глядя на трепыхающееся, беспокойное пламя. Подул ветер, тучи закрыли луну, сгустив кладбищенскую темноту. Сворачивать с тропинки, продираясь сквозь кусты в обход полыхающего куста, казалось еще опаснее, чем путь вперед, и Гриша, глядя под ноги и стараясь не смотреть направо, зашагал по песочному покрытию, шепча «Отче наш» и ежесекундно ожидая чего-то страшного. Вскоре тропинка свернула в сторону и Гриша понял, что крест остался позади; оглянувшись, он не увидел ничего, кроме белых надгробий и черных пятен темноты. Облегченно вздохнув, Гриша ускорил шаг - и вдруг услышал, что позади него кто-то идет. Резко обернувшись, он остановился: вокруг никого не было, но стоило только двинуться вперед, как вновь захрустел песок под ногами тяжело идущего человека, почти вплотную приближающегося к Грише в жутком стремлении схватить его за горло. Гриша опять развернулся, обезумевшими глазами всматриваясь в пустоту и тишину кладбища, затем вновь зашагал вперед, стараясь не слушать прилипающего к спине топота. «Главное - не бежать!» - уговаривал себя Гриша. Мама объясняла, что у спасающегося бегством и натыкающегося на новую опасность человека от страха может разорваться сердце, - и Гриша пытался идти помедленней, с надеждой поглядывая на приближающуюся калитку, - но когда до нее осталось метров двенадцать, не

выдержал и помчался вперед, чувствуя, как догоняет его бросившийся в погоню убийца. Достигнув калитки, Гриша толкнул ее, но - Гришино сердце упало в пятки - калитка не открывалась. Собравшись с силой, Гриша всем телом ударился о калитку, ощущая, что если она не откроется, он умрет, - и калитка распахнулась. Выскочив наружу и толкнув калитку обратно, Гриша на подгибающихся от слабости ногах подошел к росшей неподалеку березе и обнял ее. Он стоял долго, высыхая от липкого пота страха, и только почувствовав, как вернулись уверенность и легкость движений, направился домой.

О своем путешествии на кладбище Гриша рассказал лишь мне, и то не сразу, а осенью, когда его забирали в армию. К этому времени он помирился с Уманской, обещавшей его ждать и выйти за него замуж, но началась война - финская, затем Отечественная, ничего от их надежд не оставившая. «Похоронку» на Гришу мы получили только в 1946 году, а до этого надеялись и ждали, и даже боялись расстроить печальной вестью о смерти Марии. Мама ездила на Ханко, пыталась отыскать Гришину могилу, но узнала, что бомба попала в катер, на котором он плыл, и теперь его могила - все Балтийское море.

СОН

Что, детки, дождь идет? Ничего, первые осенние дожди - благодатные, после них грибы хорошо растут. Такие дожди делают воздух прозрачным, а душу - чистой, и наполняют воображение видениями. Я помню, как однажды после такого дождя я и Лида пошли на Дорткуль грибы собирать. Мне тогда тринадцать лет было, а Лида - на год меня моложе. Набрали две корзинки грибов, Лида на землянику наткнулась, а мне захотелось вниз, на восточный склон Дорткуля спуститься. Там давным-давно кладбище было, но от него ничего не осталось, кроме вросших кое-где в землю надгробных плит. Ни грибов, ни земляники я здесь не искала, даже если попались бы - не взяла: мама предупреждала, что на кладбищенской земле ничего полезного для рта не растет. Поэтому я просто между надгробий бродила, пыталась надписи на них разбирать, а потом присела на краешек одной из плит и на солнышке греюсь. Разомлела, даже дремать начала. Образы какие-то в голове мелькают, звуки раздаются. И чудится мне, что кто-то шепчет: «Пошарь рукой под моим надгробием». Я вздрогнула от неожиданности, по сторонам смотрю: никого нет. Нашла неподалеку ветку и сунула под плиту: вдруг там змея живет и меня заманить хочет! Шарила-шарила - ничего нет. Тогда руку засовываю и натыкаюсь на что-то маленькое, круглое. Вытаскиваю, а это колечко: красивое, золотистое. Надела на палец, и оно так впору пришлось, что и снимать не хочется.

Слышу сверху: «Даша! Даша!». Лида идет, корзинки с грибами тащит и возмущается, что я на нее такую тяжесть оставила. Показала я колечко; Лида, конечно, тоже полезла под плиту, но ничего не нашла и всю обратную дорогу мне завидовала.

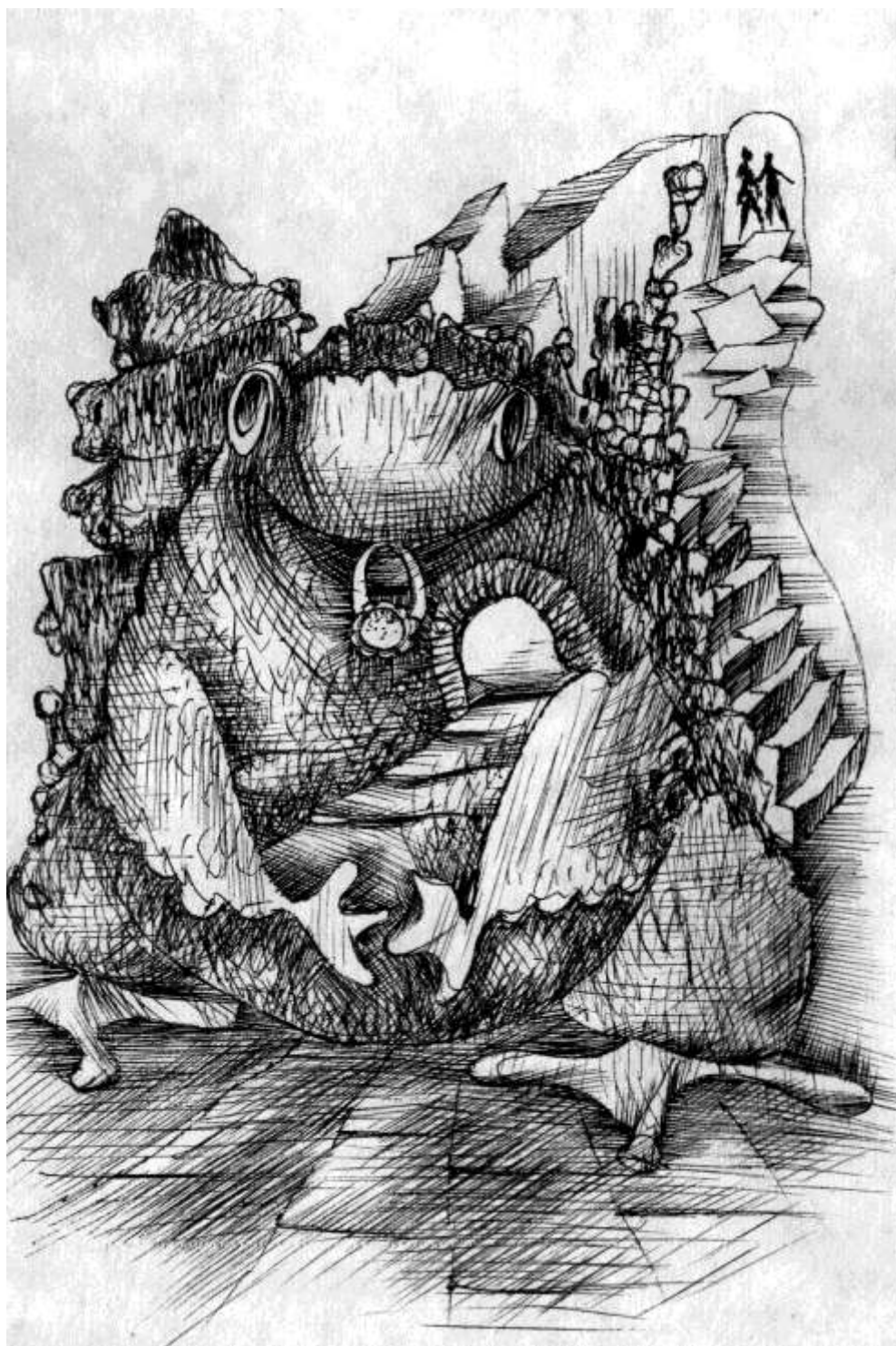
Маме ничего говорить не стали: мало ли что ей в голову взбредет, еще потребует колечко выбросить, а оно мне так понравилось, что и спать с ним улеглась. Но, наверное, напрасно, потому что ночью приснился мне страшный сон: лежат передо мной в лунном освещении развалины мечети Хан-Джами - ее в XVII веке Селим-Гирей Хан построил, разгромив под Карасувбазаром войско

Голицина, а годы и советская власть разрушили, - и в остатках стены в левом углу светится изумрудным цветом небольшая плита. Я нажимаю на ее верхнюю часть - и что-то происходит, а я, ошеломленная, стою на этих развалинах одна-одинешенька - это я хорошо запомнила - и на что-то решаюсь.

По утрам я обычно сны забываю, а этот так отчетливо помню, точно наизусть его выучила. Не удержалась, Лиде все рассказала. Та загорелась: сон волшебный, пойдем ночью к Хан-Джами. Я говорю: «Если я и пойду, то одна: сон именно этого требует. Но никуда ходить не собираюсь, потому как страшно, да и мало ли что приснится».

А в следующую ночь сон повторился, и в третью ночь-тоже. У меня голова от этого сна болеть начала, и решила я, что нет другого выхода, как ночью к Хан-Джами отправиться. Лиду предупредила, чтобы она увязаться за мной не вздумала, и, когда все заснули, вылезла из окна и направилась к развалинам мечети. На улицах тихо-тихо, луна из-за туч подглядывает, окна пересчитывает. Пыль от дневного солнца остыть не успела и так приятно босые ноги теплом обволакивает! В общем, хорошо, только боязно. Дохожу до мечети - я днем здесь побывала, но ни один из камней не светился, а Лидка вообще все развалины перешупала, хотя и безрезультатно. Сейчас присматриваюсь: светится в левом углу плита. Тревожно стало, но успокаиваю себя, нажимаю на верхнюю часть плиты: и угол стены с полом словно разъезжаются, открывая ступенчатый ход вниз. Тут мне сразу домой вернуться захотелось, но как вспомнила, что опять сны мучить будут, вздохнула и спускаться начала. Свечу взять не догадалась, но кольцо на пальце, словно ночник, загорелось, и при его тусклом свете я увидела, что ход выложен из камня и ведет по наклонной из стороны в сторону. Иду, иду - и тут ход на три части разделился. Думаю, куда свернуть, а кольцо направо, в самый узкий проход подталкивает. Я - девочка послушная, туда и направилась - и не зря: проход расширяется и дверью заканчивается. Толкаю дверь, - а она не открывается. Кручусь возле двери, как лиса возле сыра, и нечаянно кольцо к двери прикладываю: та и распахнулась. Вхожу осторожненько и в комнате оказываюсь: как две наших спальни, только мрамором выложена. Кувшины большие стоят, а на стенах сабли и кинжалы развешены: одна другого красивее. Брожу, рассматриваю: в одном кувшине жемчуг оказался, в другом - алмазы, остальные - золотыми монетами набиты. Любуюсь драгоценностями и вдруг слышу в отдалении глухой вопль. Задрожала, со стенки кинжал сорвала и перед собой держу. А крики не стихают и что-то знакомое в них чудится. «Неужели Лидка?!» - думаю. Открываю дверь и по проходу обратно бегу, Лиду выручать: она хоть и вредина, но сестра.

Добегаю до развилки: вопли оттуда слышатся, где проход самый широкий. Сворачиваю туда и вижу Лидку: ее в проходе с двух сторон железные решетки заперли, и она сидит между ними, как попугай в клетке. «Прекрати орать! - говорю. - И объясни, как ты здесь оказалась?» «Я за тобой шла, - хнычет. - Мне интересно было. Я и свечу взяла, видишь?» - показывает. «Вижу, - подтверждаю. - Ну и сиди со своей свечой, а я домой пошла». Тут Лидка, конечно, зарыдала. Дома я от нее плачу, когда она маме на меня ябедничает, а сейчас наоборот получилось. «Ладно, - успокаиваю. - Выручу я тебя, только маме ничего не рассказывай». Лидка чуть ли не на колени становится, на все соглашается.

Начала я решетки дергать, а они даже не шевелятся. Я и кольцо прикладывала, и наговоры шептала - ничего не получается. Тогда догадалась по полу поползать и тотчас рычажок нашла: дернула - решетки в потолке исчезли.

Лида выскочила, обняла меня, дрожит. «Успокойся, - говорю. - Пойдем сокровище рассматривать». У Лиды сразу колени дрожать перестали и глаза загорелись. Возвращаемся в узкий проход, идем - и вдруг туннель влево поворачивает, а я точно помню, что в прошлый раз все время прямо шла. Зажгла Лидину свечу, осветила: камень на камне лежит, тайников не видно. «Пойдем назад, - к Лиде обращаюсь. - Не нравится мне это». А для Лиды главное - сокровище. «Трусиха! - ругает меня. - Всегда такой будешь!». Отправились дальше. Свечу повыше держу, потому что кольцо совсем потускнело. Лида позади

шагает, в затылок дышит. Смотрим: ход на две части делится: Лида подталкивает в тот, что пошире. Я человек сговорчивый, туда поворачиваю. Несколько шагов сделала, и тут кольцо сверкнуло и почернело. Остановилась: «Не пойду, там какая-то ловушка похуже твоей клетки». Лида собиралась гордо вперед пройти, но про клетку услышала, съежилась и назад шмыгнула. У нее с собой молоток был, для защиты и нападения: я его перед нами бросила, и тут же плита под ним провалилась. Лида даже ахнула от страха.

Повернули обратно, по второму ходу направились. У Лиды энтузиазма поубавилось, поближе ко мне жметя. А меня лишь упрямство толкает, и не хочется от Лиды «трусиха» слышать.

Идем, идем - и в какую-то комнату попадаем. Поднимаю свечу повыше: и комната заискрилась от развешенных повсюду бус и ожерелий. Лида взвизгнула от счастья и к ним побежала. Руками по стенам шарит, шарит, а взять ничего не может: драгоценности словно уплывают от нее, не даются. Я тоже попробовала бусами завладеть: ничего не получается, только расстроилась. Посутились минут десять, устали, сели на стоявший в углу комнаты сундук, ноги свесили, отдыхаем. Разговорились, по сторонам глазеем, и тут Лида спрашивает: «Интересно, что в сундуке? Вдруг золото!». «Давай проверим!» - соглашаюсь. Слезли с сундука, крышку поднимаем: она тяжелая, еле открыли. Заглядываем внутрь: там что-то черное виднеется. Лида только до него дотронулась, а оно как зарычит! Отскочили в сторону, смотрим: из сундука собака выбирается - огромная, черная, страшная. Испугалась ужасно! Собака зубы скалит, словно улыбается, и к нам идет. Я кричу: «Лида, бежим!» Выскочили из комнаты, свеча погасла, но кольцо немножко светит, видно, куда ноги ставить. Мчимся, как угорелые, а сзади рычанье доносится, не отстает.

Я надеялась, что быстро до выхода из подземелья добежим, а его нет и нет, и начинаю понимать, что в новом туннеле находимся. Устали очень, Лида спотыкается, слезы роняет: «Не могу больше! Сестричка, не бросай меня!». Останавливаюсь: все-таки старшая, да и кинжал держу. Вглядываюсь в темноту: собаки не видно и рычание стихло. Стоим, дрожим, мокрые обе, как мыши. «Куда идти? - думаю. - Назад из-за собаки опасно, остается - вперед. Неужели до самой смерти блуждать здесь будем?»

Беру Лиду за руку и веду. Ход то опускается, то поднимается, и непонятно, то ли уже за Карасувбазар под землей вышли, то ли на одном месте кружим. Натыкаемся на боковой туннель; уселись на корточки и спорим: Лиде хочется прямо идти, а я уговариваю в туннель свернуть. Спор еще долго тянулся бы, потому как Лида упрямая и я не подарочек, но тут слышим: «шлеп», «шлеп». И кольцо опять почернело: я уже понимаю почему, свечу выше поднимаю, чтобы опасность разглядеть - и ничего не вижу. Тут Лида меня в бок толкает и смеется: «Трусиха, это к нам жаба спешит!» И точно: из глубины коридора жаба скачет. Лида за- умилялась: «Ах ты малышка: в гости к нам торопится!», а меня словно осенило: «Бежим! - кричу. - В маминых книжках написано, что жаба как слуга злого духа создана и ему посвящена!». Хватаю Лиду за руку, а она упирается, не верит, - но в это время жаба надулась, сделалась фиолетовой и как прыгнет на Лидку - еле я успела в туннель эту дурочку втолкнуть! Теперь Лида, конечно, заорала и первой помчалась; мне только и оставалось, что за ней следовать. Бегу и молитвы шепчу: прошу от злого духа избавить и на свободу выпустить.

Встречаем очередную развилку: куда сворачивать, понять не могу, а нужно торопиться - позади жабые шлепанье слышится. Вдруг в правом проходе свет загорелся: я туда Лиду и потащила. Гадаем, откуда свет взялся, - и обнаруживаем впереди человека в светящейся одежде, постепенно от нас удаляющегося. «Дяденька, подождите!» - кричу, обрадованная, что наконец-то живую душу встретили. Человек обернулся, и мы замерли от ужаса: стоит перед нами скелет в переливающейся одежде, ухмыляется и костлявой рукой машет, следовать за собой предлагает. На кольцо глянула - блестит, вздохнула и Лиду, хотя она и упиралась, за скелетом повела. В один проход свернули, потом в другой, - и тут скелет показывает, что в яму прыгать надо. «Мы наверху живем - объясняю, - а не в глубине земли», но скелет по-прежнему вниз показывает. Заколебались, назад оглядываемся: а тут жаба из-за угла выпрыгивает - огромная, ростом с теленка. Мы в яму и соскочили. Смотрю: опять туннель. Побежали по нему и на ступеньки, вверх идущие, натыкаемся. Обрадовались очень. Лида меня оттолкнула, хотела первой подняться, но поскользнулась и упала: так ногу разбила, что идти не может. Обхватила ее, тащу волоком и слышу, как жаба все ближе и ближе шлепает, а кольцо все темнее и темнее становится. Наверху проем показался, свет луны мелькнул, - и в это время жаба рядом задышала. Вонь от нее невыносимая, пасть громадная и язык, как змеиное жало, шевелится, - и очень мне захотелось оставить ей Лидку на завтрак и в проем выскочить. Но Олечка вспомнилась, ее крик: «Меня возьми!», - и я, закрыв собой Лиду, повернулась к жабе лицом. Чувствую: что-то будет, и тут жабий язык, как плеть ко мне метнулся. Нагнулась резко, и язык, со свистом схватив над моей головой воздух, опять в пасть убрался, а я, размахнувшись, кинжал швырнула: прямо в жабий глаз. Заревела жаба, на задние лапы поднялась и на меня идет. Лидка от страха сознание потеряла; тяну ее наверх и понимаю, что жаба сейчас глотать нас будет, а мне и швырнуть в нее нечем, только кольцо на пальце антрацитом переливается. Жаба уже до Лидиных ног добралась и пасть раскрыла; снимаю тогда кольцо и в жабью глотку бросаю: и вдруг жаба замерла и заревела так, словно внутри нее костер разгорается. Пользуясь заминкой, Лиду подхватываю и из последних сил наверх вытаскиваю, - и тут за спиной словно бомба взорвалась: гул раздался, вспышка по глазам резанула и стена вместе с землей в проем рухнули, полностью его закупорив. Счастливая, что живы остались, отволокла Лиду в сторону, в сознание привела, а потом на себе домой несла: вместо сокровища, сном обещанного.

Утром мама от Лиды все узнала. В постель ее уложила - ногу лечить, а меня побила сильно и отругала. Плакала я, но скорее от обиды, а не от боли, потому что уже тогда понимала, что мама всегда так ко мне относиться будет, - и только через тридцать лет в последнем, предсмертном письме из Ашхабада, где мама надорвалась, Лидиных детей выращивая, попросила у меня мама прощения: за то, что никогда не любила. Но я ее так и не простила.

УПЫРЬ

Усаживайтесь, мои милые, усаживайтесь: Миша и Санечка здесь, Илоночка и Дина вот сюда, а Полечка и Родик ко мне поближе. Ну что, все довольны? Как

хорошо, когда в старости тебя хоть кто-нибудь навещает! По-настоящему живут только молодые, старики лишь доживают. И горько бывает, когда никто, кроме одиночества, в гости не ходит. Вспоминаешь, кому добро делала, кому здоровье и силы отдавала: где они? Может, это неблагодарность, а возможно, просто короткая память, потому что и я в молодости лишь о себе думала и на стариков, как на помеху, смотрела.

Ох, отвлеклась! Знаю, зачем пришли: о нечистой силе послушать. Да, детки, кроме меня, никто вам о ней не расскажет: сейчас все наукой объяснять привыкли. Это меня мама на жизненных примерах всему научила: идем, а она объясняет, что, когда ракита ветви над рекой свесит, значит русалка там сидит и лучше туда не подходить. Учила перекрестков дорог остерегаться: бесы там часто невидимый хоровод водят, и если пыль столбом крутится, значит, ведьмину свадьбу справляют. Рассказывала мама, что однажды в такой столб пыли ее сосед нож бросил и тот сразу кровью покрылся, а сосед через месяц умер. Когда я маленькая была, мы на Украине жили и там тогда волки попадались, - так мама объясняла, что при встрече с волком нужно смотреть на его задние лапы: если они коленями вперед, как у человека, значит, это оборотень и от него ничем, кроме заклинаний, не спасешься. Еще женщин с замотанной щекой остерегаться советовала: так иногда ведьмы ходят, чтобы лицо свое скрыть, - и надо стараться, чтобы такая женщина тебе дорогу не пересекла, иначе неприятностей не оберешься. Я однажды маминому совету не вняла, так на следующий день упала и ногу сломала.

Мама Лиза очень упырей боялась и много о них говорила. Когда кто-нибудь из соседей или знакомых умирал, мы всегда за гробом с покойником присматривали: если через гроб черная кошка перепрыгнет, то он обязательно в упыря превратится и на кладбище его лучше не провожать, а то он с ответным визитом придет. Конечно, если догадаются осиновый кол в гроб или в могилу забить, тогда покойник из могилы не вылезет, по это редко кто делает, обычно родственники не позволяют, а потом сами же от упыря и страдают. Упырям, чтобы на земле продолжать ходить, необходимо человеческую кровь пить, от нее у них сила появляется, - вот и стараются после смерти к родственникам и друзьям в доверие входить и до их горла добраться.

Одну такую историю я от бывшего одноклассника Васи Мирошниченко знаю. Я только восемь классов закончила, дальше меня мама в школу не пустила, домашним хозяйством заниматься заставила. Я и в кино в первый раз в семнадцать лет пошла, а до этого ничего, кроме ухода за скотом и кухни, не знала. У Васи иначе сложилось: он среднюю школу закончил, потом в армию уехал. Жил он вместе с бабушкой: родители его во время «ежовщины» исчезли - они крупные посты в Москве занимали, - а Вася как раз у бабушки в Крыму отдыхал, о нем забыли.

Васина бабушка ворожеей слыла, - к ней однажды моя мама за помощью обращалась, чтобы отца у Элины отнять. Врачей тогда почти не было, у знахарей и ворожей лечились, поэтому у Пелагеи Максимовны - так Васину бабушку звали - посетители ежедневно толпились, и каждый подарок приносил, так что Вася в достатке жил, не жаловался.

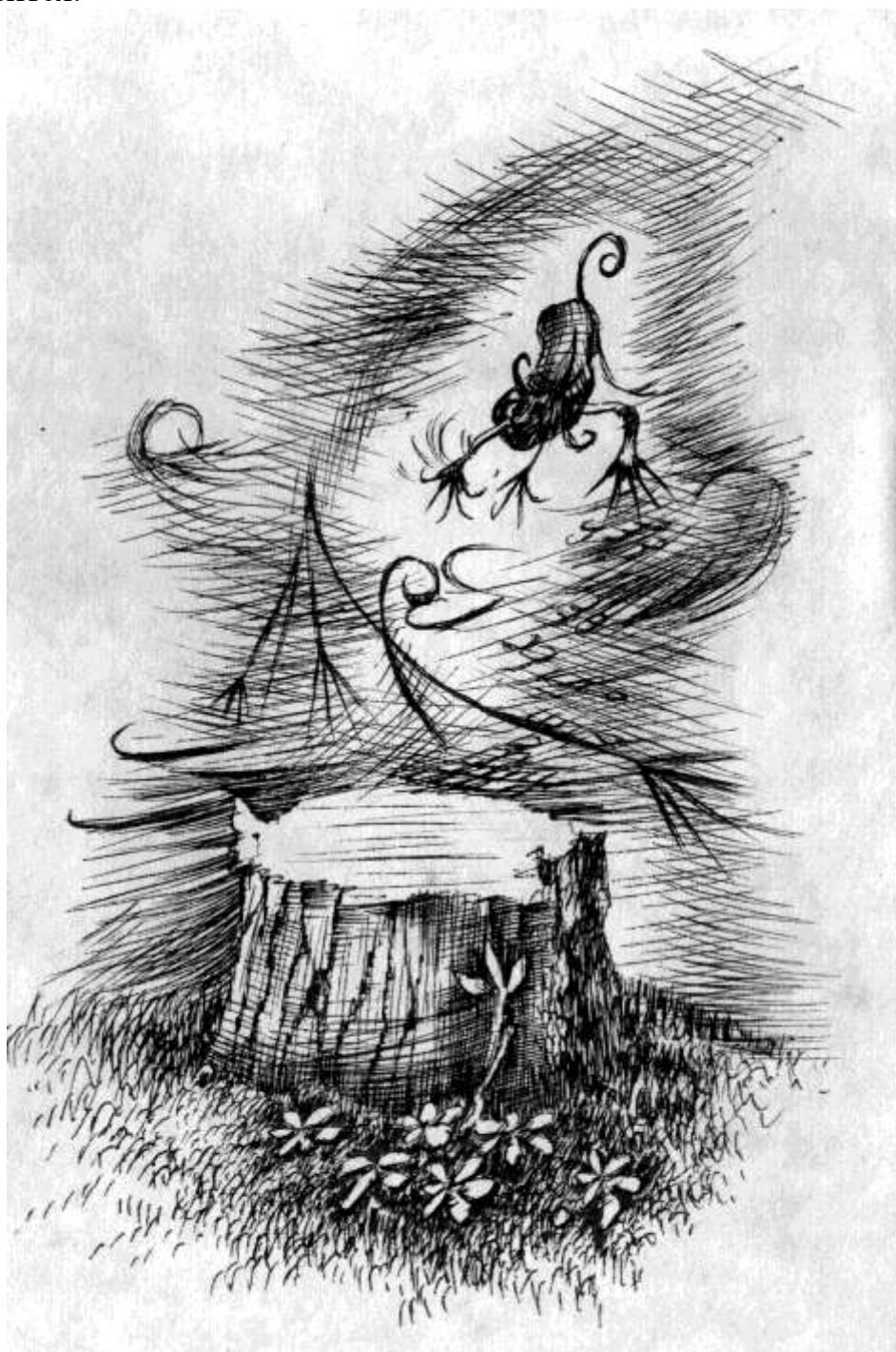
Еще в школе Вася с Ниной Петровой подружился. И на вечера, и в кино - везде они вместе ходили. Нинины родители этой дружбе не радовались - они в

райисполкоме служили, и для их репутации знакомство с неблагополучной семьей ни к чему было, - так что Нина или к Васе в гости приходила, или они на Дорткуле в лесу встречались. Там у них даже место свое имелось: пень возле старой сосны.

Вася на севере в армии служил, на подводной лодке. Нина ему письма писала, он отвечал ей, и так у них дело к свадьбе шло. А потом Васе сообщили, что его бабушка умирает и Васю видеть хочет; начальство его отпустило, и успел он Пелагею Максимовну живой застать. Побеседовали, попрощались; Пелагея Максимовна завещала своему внуку крест заговоренный - «оберег» от злых сил - и скончалась. Похоронили ее, и Вася вновь в армию уехал. А перед отъездом весь вечер с Ниной Петровой у старой сосны сидел, в любви объяснялся. И договорились они, что через год, в вечер праздника Ивана Купала - 23 июня - вновь у старой сосны встретятся: Вася как раз демобилизоваться должен.

В молодости время быстро летит; это в старости оно ковыляет и каждая минута - как капля воды в пустыне: вот-вот кончится, последней окажется. Через год распрощался Василий со своим флотским экипажем и домой направился. Последний месяц писем от Нины он почему-то не получал: тревожился очень, на свидание опоздать боялся, но все сложилось удачно и вечером двадцать третьего июня автобус привез Васю в Карасувбазар. Забежав в опустевший после бабушкиной смерти дом, оставил чемодан, поужинал и на Дорткуль отправился. Нашел старую сосну, сел на пенек и ждет. Темнеть начинает, волнуется Вася: неужели не явится? Когда слышит: сучья затрещали, а потом и Нина между соснами показалась - красивая, в белом платье, коса на голове кругом уложена. Вася навстречу поднялся, обнял ее, целует. «Ой, Нина! - говорит. - Какая ты холодная, и лицо белое. Замерзла?». «Да, немножко», - Нина улыбается. Сели они рядом, разговаривают, новостями делятся. Вася о будущей свадьбе заговорил, Нина со всем соглашается: «Ты - мужчина, как скажешь, так и будет». Вася вспомнил, что у него кулек с вишнями есть: купил, когда на свидание шел. Угостил Нину; сидят, косточки сплевывают. Вдруг Нина говорит: «Вася, совсем я замерзла: можно, тебе на колени сяду и обниму?» - и на Васиные колени усаживается. Растерялся Вася от неожиданности: никогда Нина такой смелой не была, - И по неловкости кулек с вишнями на Нинино платье уронил, все выпачкал: «Ох, что наделал!» - испугался. Нина вишни сбросила: «Не волнуйся!». Обняла Васю за шею и губами тянется, но что-то ее словно оттолкнуло. «Что у тебя на шее висит?» - спрашивает. «Бабушкин подарок, - Вася объясняет. - «Оберег» от злых сил, по ее словам, только я ни в какие силы не верю: ни в божественные, ни в нечистые». «Правильно! - поддакивает Нина. - Давай его снимем: атеисту с крестом ходить некрасиво». «Конечно!» - соглашается Вася и начинает крест снимать. Уже совсем снял, а потом вздохнул и обратно повесил: «Не могу: бабушке обещал даже спать с ним - все-таки это ее предсмертная воля». «Ну и дурак! - Нина разъярилась. - Сними крест или я уйду». Вскочила и так зло на Васю глазами сверкнула, что тому не по себе стало. «Нина, не сердись! - просит. - У тебя даже глаза красные стали. Ты что, простудилась?» «Да, простудилась! - Нина отвечает и руками к нему тянется. - Сейчас сама крест сниму».

Вася в сторону отшатнулся, смотрит на Нинины глаза, а они все краснее и краснее. Темно вокруг, луна сквозь облака просвечивает. Глянул на часы: время к полночи близится.

«Нина, домой пора, - говорит. - Твои родители сердиться будут: поздно уже».

«Еще часик побеседуем - и пойдем, - упрасивает Нина. - Ты что, не рад меня видеть?»

«Рад, конечно», - Вася отвечает, а самому муторно на душе, беспокойно. Уселись рядом на траву, и кажется Васе, что от Нины прямо-таки ледяным холодом веет. Наступила полночь, и все в лесу словно преобразилось: потемнело, жутким стало. Нина захохотала вдруг, на ноги поднялась;

Вася тоже вскочил, смотрит на Нинино лицо, а на нем глаза, как два красных факела, сверкают. И тут Нина что-то выкрикивать начала - страшное, непонятное, - потом руки подняла и попыталась Васю обхватить. Испугался он, оттолкнул Нину, да так сильно, что та упала, но даже не ойкнула, встала на ноги и опять к

Васе направилась, и все время какие-то заклинания произносит. Схватил Вася Нину за руки - вновь ее оттолкнуть, а Нинины руки как железные стали, ничего им сделать не может и чувствует, как они к его горлу подбираются. Закричал он от ужаса, отпрыгнул и бежать бросился. Мчится он по лесу и кажется, что деревья ему ветками дорогу преграждают. Оглянулся: Нина сзади настигает, за одежду схватить старается; Вася еще быстрее помчался. Выскочил из леса на шоссе и через мост к своему дому несется. Вскочил в сени, дверь на засов закрыл и слышит, как Нина открыть их пытается. В комнату бросился: вспомнил, что форточка настежь, - а с той стороны Нина уже стоит, норовит через форточку окно отпереть, - и рука у нее все длиннее и длиннее становится. Ахнул Вася, схватил икону и по Нининой руке ударил; зашипела она, словно ее обожгли, и руку одернула: Вася форточку сразу и закрыл. Нина перед окном маячит, кулаком грозит и опять заклинания произносит. Потемнело все, как перед грозой, и через забор черная собака перепрыгнула, передними лапами на подоконник оперлась и хохочет, а Нина в двери бьется и начинает их выламывать. У Васи от страха волосы на голове зашевелились; схватил он бабушкину тетрадь с заговорами и стал их вслух читать: Нина и черный пес взвыли и от дома отпрянули. Нина на запад обернулась, начала звать кого-то, - и возле нее огромная жаба появилась. Прыгнула жаба на стену дома и та дрогнула, затрещала, вот-вот развалится. Жаба отскочила, к новому прыжку готовится; Вася глаза закрыл, смерти ждет и вдруг слышит: петухи запели. Открыл глаза: Нина и нечистая сила обратно через забор перепрыгивают.

Вася до утра не заснул, боялся очень. А когда солнце взошло, пошел к соседям разговаривать и узнал, что Нина Петрова за неделю до Васиного возвращения неожиданно умерла и на кладбище похоронена. Вася рассказал, что с ним приключилось: удивились все, к священнику Васю повели, а тот предложил на кладбище сходить. Пришли толпой, Нинину могилу откопали, гроб открыли и ахнула: Нина как живая лежит, а платье все вишнями перепачкано. Тогда кто-то из самых смелых голову ей топором отрубил - и алая кровь потекла из раны. Тут уж ни у кого сомнений не осталось: проткнули сердце упыря осиновым колом и в землю зарыли.

Нинины родители хотели на Васю в суд подать - за осквернение могилы, но не решились: да и Вася вскоре продал дом и уехал. Я на поезд его провожала, нравился он мне, но сердцу не прикажешь и, кроме как друга, ничего он во мне не увидел. Тогда-то и рассказал Вася эту историю, хотя я и раньше кое-что слышала.

Вот, детки, какие чудеса на свете случаются. Из земли мы вышли и вновь в нее уйдем, и многое нас с ней связывает, в том числе и непонятное.

ДОМОВОЙ

Я, Полечка, не согласна. Войну каждый по своему видел, не всем она горе несла: многие из тех, кто продукты распределял, большие богатства нажили. И Родиона зря обидела. То, что ты старшая, обязывает к уступкам. Меня этому, как и многому другому, война научила.

Немцы в Карасувбазар 31 октября вошли, через пять месяцев после начала войны. Зима в тот год была ранняя и суровая, немецкие мотоциклы в сугробах застревали, солдаты толкали их, чертыхаясь, а Лида и я в окна подсматривали и

смеялись. Прямо смешинка привязалась. Мама Лиза увидела, заругалась: "Дылды здоровенные: одной - четырнадцать, другой - пятнадцать, а ум, как у малолетних. Отойдите от окон!" С неохотой, но послушались, и только потом поняли, как мама Лиза права: в дальнем доме по этой же улице солдат, увидев смеявшегося через окно мальчишку, из автомата его расстрелял.

Немцы ввели комендантский час, с обысками приходили, оружие и продовольствие искали. Мама Лиза на чердаке и в огороде тайники для продуктов сделала, переживали, как бы не нашли, но Бог миловал, а у соседней полкабанчика копченного забрали и хозяина в наказание в тюрьму бросили.

У нас дом большой был, с двумя комнатами, кухней и коридором, поэтому нам сразу постояльца вселили: сначала немец Ганс жил, а ближе к лету, когда Ганса на фронт отправили, румын Пешта его комнату занял. Ганс вредный был, орал на нас, если его белье постирать не успели или пыль в комнате находил, и только в последний вечер шнапса напился, фотографии своих детей показывал и плакал, что убьют. А Пешта смеялся постоянно и что-то на румынском рассказывал. Когда его на машине привезли, он глаза на нас выпучил и орет счастливо: "Баби! Три!" К маме Лизе подскочил, обнять хотел, а потом нос сморщил и пятится: "Не баби, а швинки!". Еще бы: мама Лиза, как только немцы в город вошли, сама не мылась и нам мыться и чистить зубы запретила. Лида долго злилась, пока с ее подружкой Валею несчастье не случилось.

Зима прошла быстро: мы ее в доме провели, потому как одежда подходящая и обувь отсутствовали, и когда начиналась бомбежка, в галошах к подвалу на огороде бежали.

От бомб много домов пострадало, а наш не затронуло. Мама Лиза объясняла, что у нас домовой сильный, не позволяет свое жилье и домочадцев обижать. "А мы ему помогать должны - говорила мама Лиза. - Чем лучше к дому относиться будем, тем благодарнее он окажется." В доме ни одной трещины не было, мама Лиза постоянно его выбеливала, а когда в сентябре соседнее здание бомба развалила, заставила меня щепки и мусор, взрывом заброшенные, с крыши убрать, - я вся передрожала, боясь свалится, особенно когда веником каменного петуха обмахивала, - его отец перед смертью из гранита вытесал и на коньке крыши прикрепил.

Мама Лиза для домового всегда молоко в блюде под кровать ставила, а когда еды не оказалось, воду в миску наливала. Словно о ребенке заботилась.

Я о домовом вспоминала, когда он начинал в игры со мною играть: то тапочки спрячет, и я в Лидиной тумбочке их нахожу, то подножку сделает и радуется, наверное, если носом о пол шмякаюсь. А как-то, когда в постели лежала, цветы на подушку бросил. Мама Лиза удивилась: "Явно к тебе неравнодушен, - на Лиду только изредка внимание обращает". Конечно: Лида обид не прощала и когда однажды на ровном месте споткнулась и головой ударилась, то домового почем зря чихвостила. А я к неприятностям с улыбкой относилась и Лиде объясняю, что домовому скучно, пусть развлекается.

От домового много пользы было. Если он по чердаку топал и черепицей на крыше гремел, мама Лиза знала, что неприятности ожидаются и готовилась их встретить. Когда двадцать второго июня немцы Севастополь бомбили, то в таких местах, как Карасувбазар, только к обеду узнали, что война началась. А мама Лиза, услышав ночью, как домовый тревожится, еще утром со мной и Лидой на

все наши деньги соль, спички, мыло, подсолнечное масло и консервы в магазине купила и тайники для них приготовила, - догадывалась, что к вечеру магазинные полки опустеют и магазины закроются. А весной следующего года мы к Марии Уманской в гости собрались, с днем рождения поздравить, но послушали, как черепица гроыхает, и дома остались, а вечером выяснилось, что ээсовская "душегубка" по улицам ездила и всех, кто на евреев похож или не понравился, с собой забирала.

Город в оккупацию притихший был; каждая семья радовалась, когда сутки без беды прожить удалось. Те, кто немцам пошли служить, увереннее себя чувствовали, но мама Лиза таких презирала: "Оккупант - всегда враг, даже когда добрым прикидывается. А помогающие врагу свою родину топтать без души остаются".

Немцы старались население разобщить: доносы поощряли, деньги за них платили. Когда Николая Спаи вешали, на площадь всех согнали." Кого пугать?! - злилась мама Лиза. - Храброго смертью не испугаешь, а трус еще вчера перепуган". Мама Лиза сильно в тот день расстроилась: Николая Константиновича, работавшего до войны председателем горисполкома, она за честность уважала.

Несколько сот человек убили, но предателей в городе от этого не прибавилось. Помню, Колю Бойко на улице встретила - он классом старше меня учился. Многие знали, что он в партизанском отряде связным был, и от меня он ничего не скрывал, гранату показывал и объяснял, как немцев легко дурить. Ах, Коля, Колюшка! Ни он, ни я не знали тогда, что вскоре, случайно схваченный полицейскими, он этой гранатой себя подорвет.

Весной стали молодежь на работу в Германию сманивать. В клуб всех собрали, фильм показали, обещали большие деньги и поездки по Европе. Даже я заинтересовалась, пока мама Лиза подзатыльник не дала: "Сыр в мышеловке тоже на вид приятен!". А Витя Реутов и еще несколько ребят из школы решили ехать. Я их вместе с родителями к автобусу проводила: Витя на гитаре играл - лучший гитарист школы был, - остальные ему подпевали. В следующий раз я Витю после войны увидела: с искалеченной рукой, больного, измученного, - он один из ребят выжил.

Новых добровольцев не оказалось и начали другое придумывать, чтобы в Германию отправить. На медкомиссию вызывали, и кого врач здоровым признал, в автобус заталкивали. Спасибо врачу Ломакину: у меня от грязи кожа красными пятнами покрылась, так Николай Федорович немецкому врачу доказал, что у меня заразное чесоточное заболевание, и мне справку дали, что по состоянию здоровья работать в Германии не могу. Я теперь, когда немцы облаву на молодежь устраивали, дома оставалась, а Лиде по-прежнему приходилось по кустам и на речке прятаться.

В сентябре объявили, что школа открывается. Лида учиться любила, сразу туда заторопилась. Рассказывала потом, что директором - пучеглазый немец, а учителя те же, довоенные. Восемь дней в школу ходила, а на девятый рыскает утром по комнатам, портфель не может найти. "Ты спрятала! - на меня кричит. - Я вечером его приготовила и на тумбочку положила". Одноклассник Лидин, Женя Фоминых, зашел: "Директор велел обязательно на уроках присутствовать: списки

сегодня составлять будут, на паек записывать". Побежала и я во все углы заглядывать: нет портфеля, словно испарился. Лида упала на кровать и ревет:

- За что такое невезение?! Не пойду в школу, пока портфель не отыщется.

- Тогда школа и без меня обойдется - решил Женя. - Погода жаркая: пошли на речку купаться!

Лида согласилась, а я отказалась - красные пятна на теле берегла. Занялась постирушкой и уборкой: мама Лиза с рассвета до темна в саду работала, фрукты для немцев собирала, и домашние хлопоты мне достались. Квартиранта у нас пока не было: Пешта неделю назад в Керчь переехал, швейную машинку тайком прихватив. Мама Лиза даже заплакала, когда узнала: очень эта машинка нас выручала.

Выполочила я сорняки в огороде, двор метлой вымела и комнатами занялась. Мою полы - и под кроватью, куда дважды заглядывала, на Лидкин портфель наталкиваюсь. "Ну, домовой, - говорю сердито, - Лидка всего тебя изругает. Она теперь без записи на паек осталась".

В это время калитка открывается и тетя Клава, Женькина мать, во двор забегает.

- Где Женька? - спрашивает.

А сама взволнованная, дышит тяжело.

- На речке - отвечаю. - С Лидой туда пошел.

- Слава Богу! - тетя Клава восклицает и на скамейку обессилено падает. - Мне только что соседка, Вера Ивановна - она в школе учительницей работает, - рассказала: во время второго урока подъехали к школе автобусы, немцы с автоматами школу окружили, всех старшеклассников в автобусы загнали и в Симферополь повезли, в Германию на поезде отправлять. Как только они уехали, учителя с остальными учениками по домам разбежались. Школа, считай, закрылась.

Посидела, отдышалась и к калитке пошла:

- Нужно ребят предупредить, пусть спрячутся: вдруг домой придут искать!

А я вышла на середину комнаты и кланяюсь:

- Спасибо тебе, домовой: если б не затея с портфелем, ехала бы сейчас моя сестричка в неволю.

Засунула я Лидин портфель в шкаф и обедом занялась: сорвала в огороде щавель, выкопала несколько картошек, растопила во дворе печь и борщ варить поставила. Благодаря травам, овощам и фруктам летом мы немножко отъедались, зато зимой от голода пухли.

Вдруг слышу: автоматная очередь вдалеке раздалась, потом еще одна. Испугалась: так просто никто стрелять не будет. Выглянула на улицу: никого - все по домам попрятались. Смотрю: в той стороне улицы, что к речке ведет, Лидка показалась. Бежит изо всех сил и в руках что-то несет. Я калитку нараспашку и жду. Лидка во двор забежала, пот градом, и автомат за приклад держит. В комнату шмыгнула, автомат под мамину кровать спрятала и на стул села, отдышаться не может.

- Откуда у тебя? - кричу. - Ты зачем в дом принесла? Сумасшедшая!

Лидка рукой махнула: помолчи, мол, дай дух перевести, потом, минут через десять, рассказывает.

- Мы на берегу загорали, когда эсэсовские солдаты купаться пришли. Оружие и обмундирование у кустов сложили и даже часового не выставили. Я Женьку подначиваю: "Слабо автомат украсть?!" Я в шутку сказала, а он всерьез обиделся.

Велел мне одеться и у дороги ждать, а сам к оружию полез. Прибегает вскоре с автоматом:

- И внимания никто не обратил! - хвастает. - Пойдем, в огороде закопаем.

Прошли несколько улиц и на полицейский патруль наткнулись. Женька через забор прыгнул, я - за ним, а следом полицейские. Пробежали метров пятьдесят, полицейские стрелять начали. Женька мне автомат сунул: "Я их отвлеку, а ты убегай". Я напрямик через огороды помчалась, а Женька остался.

Вдали вновь послышалась стрельба. Лида, вскочив, забегала по комнате:

- Хоть бы с Женькой все благополучно было!

- Ты уверена, что никто тебя не узнал? - спрашиваю.

Лида глаза опустила:

- Один из полицейских - Нузет Басыров: тот, что возле твоей подружки Айше живет. Я слышала, как он меня по имени звал.

- Что ж ты молчала! - вскакиваю. - Быстро меняемся платьями. Если что, на себя все возьму.

Пока Лида переодевалась в другое платье, я в комнату заскочила и автомат из-под маминой кровати к себе под матрац переложила. Его бы, конечно, на мусорную свалку выбросить, но куда днем понесешь?!

Загнала Лидку на чердак, надеваю ее платье и тут полицейские во двор вваливаются.

- Сестра где? - Басыров спрашивает.

- Ушла куда-то, - отвечаю.

- Давно?

- Да.

- Автомат у нее не видела?

- Нет. Зачем ей?!

- Понятно! - говорит Басыров. И, обращаясь к своим, велел: "Начинайте искать - вначале огород и пристройки, потом дом".

Лопату взял и смотрит: землю ею копали?

Полицейские разбрелись: кто в огород, кто в сарай, а один на чердак полез. Слышу вскоре Лидкин визг: с чердака ее стаскивают.

- Куда автомат дела? - Басыров спрашивает.

Лидка молчит. Тогда Басыров размахивается и по лицу ее бьет.

- Не тронь сестру! - кричу и Басырова за руку хватаю. А он руку вырвал и меня толкнул, - так сильно, что на полу оказалась.

Басыров размахивается - снова Лидку бить, - и тогда она говорит:

- Он под кроватью.

- Показывай.

Заходят в дом, я встаю и за ними плетусь. Бок болит - о камень ударилась, но терплю, не плачу. И у Лидки щека красная, губы распухли, а в глазах - ни слезинки.

Лида на коленки возле маминой кровати встала и рукой шарит, автомат ищет.

- Куда он делся? - удивляется и на меня смотрит.

Я шаг вперед делаю:

- Сестра себя оговаривает. Это я автомат принесла и под матрац положила.

Поднимаю матрац, а там пусто. Под кровать заглядываю: ничего!

- Не понимаю - к Басырову обращаюсь. - Тут он лежал.

Посмотрел на меня Басыров с прищуром и головой кивнул:

- Ладно, будем искать.

Дом, двор перерыли - нет автомата.

- Может, вы дурочками прикидываетесь, а автомата здесь не было? - спрашивает Басыров и себе возражает:

- Люди видели, как сюда несли.

- Какие люди? - спрашиваю.

- Хорошие! - смеется. - Придется в тюрьму вас отправить - до выяснения.

Тут калитка открывается и немецкий офицер входит: высокий, широкоплечий, лицо надменное.

- Новый начальник гестапо! - Басыров ахнул. И своим:

- Смирно!

Полицейские застыли, словно волшебным веретеном укололись.

Только офицер через порог переступил, Басыров кратко все доложил.

- Что с мальчишкой? - офицер спрашивает.

Я удивилась: немец, а по-русски слова произносит, причем без акцента.

- Пуля в грудь попала. Сейчас без сознания, в госпитале.

Немец по комнате прошелся, по стенам глазами пошарил и командует:

- Девчонок с матерью в тюрьму - я вечером ими займусь, а возле мальчишки выставить пост: чтоб не сбежал, когда очнется.

Повернулся выходить и вдруг за мамин портрет - он на столе стоял - глазами зацепился. У мамы портрет с молодых лет сохранился, когда она еще в Петербурге жила.

Я поразились, как у немца лицо изменилось: смотрит на портрет, словно привидение увидел. Ко мне обернулся и спрашивает:

- Кто она вам?

- Мама - объясняю.

- В Смольном институте учились?

- Да.

- А где отец?

- До войны умер.

- Та-а-к! - еще раз внимательно дом оглядел и тихо произносит:

- Кто бы мог подумать: Лиза - в этой развалюхе! Ну-ну!

И улыбнулся: зло, торжествующе. У меня дрожь по спине прошла от его улыбки.

Немец вновь Басырову приказывает:

- Доставьте сюда Елизавету Январовну: только без грубости! "Опель" возле дома стоит - передайте водителю, чтобы отвез.

- Яволь, герр майор! - вытянулся Басыров и выскочил из дома.

- Побудьте во дворе! - велел немец остальным полицейским, а нам: "Можете сесть".

Сам тоже на стул уселся и думает что-то. Только недолго думал: Басыров опять забегает и в руках автомат держит.

- Вот, герр майор: в машине лежал, на заднем сиденье.

- Вы шутите?! - немец вскочил.

- Никак нет! Водитель клянется: от машины не отходил.

- Доннер веттер! - воскликнул немец и вместе с Басыровым выскочил из дома.

Смотрим с Лидкой друг на друга, я глазами наверх показываю: его, домового, проделки.

Возвращаются немец и Басыров. Немец говорит:

- Прежние приказы отменяю: автомат найден, инцидент исчерпан. С автоматом и тем, кто его потерял, я разберусь, а вы возвращайтесь к патрулированию. И никаких разговоров на эту тему!

- Яволь, герр майор! - вытянулся Басыров, а сам удивлен невероятно: немцы и за меньшую провинность, чем кража оружия, расстреливали.

Ушли полицейские, а немец остался. Возле стола остановился и на мамин портрет уставился. Долго-долго разглядывал, потом повернулся и вышел.

Маму Лизу новости ошеломили: особенно когда о немце рассказали. Открыла сундук, вытащила из шкатулки старые фотографии, перебрала их и нам одну показывает:

- Этот?

На фотографии немец возле памятника Петру Первому стоит: молодой, улыбающийся.

- Он!

- Не самая радостная весть, - мама Лиза говорит. - Карл Бенкен в одном институте с вашим отцом учился и первым за мной ухаживать начал. До свадьбы чуть дело не дошло, пока с Володей меня не познакомил. Потом жалел об этом: я только Володей с тех пор и жила. В двадцатом году он с родителями в Германию уехал, а мы решили остаться. И вот как судьба повернула.

Положила фотографию в шкатулку и сундук закрыла.

- Хватит азиатничать, превращаемся в европейцев. Ставь, Даша, на печку ведра с водой, искупаемся, переоденемся в чистое и вспомним, что дворянского рода. Натура у Карла решительная: потеряем его уважение - швырнет под расстрел и думать забудет.

Утром из комендатуры бумагу принесли, от трудовой повинности маму Лизу освобождающую. А вечером Бенкен появился: лицо холодное, словно из ледника вынули. Мама Лиза на пороге его встретила: красивая, в белом платье.

- Здравствуй, Карл!

Подошла и в щечку поцеловала:

- Спасибо, что глупость моей дочери простил.

Бенкен остановился, маму внимательно осмотрел.

- Что ж, - говорит, - красоты не убавилось, а ума, надеюсь, больше стало.

- Величина ума - понятие относительное, от собеседника зависимое, - мама Лиза улыбается, восхищения старается добиться. - Одних и знанием букваря удивишь, а других только математикой Лобачевского поразить можно... Приглашаю на чай!

Мы для заварки чабрец и мяту использовали и чай вкусным оказывался. А если удавалось кусок хлеба заработать или на вещи выменять, то ужин получался богатый. Сегодня мама Лиза фрукты собирать не поехала и мы без хлеба остались, - но немцу об этом говорить не стали.

За чаем мама Лиза рассказывала, как мы оказались в Карасувбазаре. Немец молча слушал, сказав кратко о себе, что родители погибли от английской бомбы, а сюда перевелся из Франции, - с кем-то из начальства не поладил.

Мама Лиза выглядела оживленной и беспечной, но я чувствовала ее растерянность: Бенкен вел себя не так, как ожидалось - словно не было между ними прошлого и он по необходимости поддерживал разговор с малознакомой женщиной. В нем, в его поведении чувствовалось что-то опасное: как у тигра, вышедшего на охоту.

Допив чай, Бенкен поднялся и сухо сказал:

- Пойдем, поговорим.

И направился в соседнюю комнату. Мама Лиза покорно последовала за ним; перешагнув порог, она закрыла дверь, и я заметила, как дрожат у нее пальцы рук.

- Господи, как я боюсь! - прошептала Лида. - Этот немец - самое страшное, что я видела в жизни.

Разговаривали они минут двадцать. Слов слышно не было; мы сидели, прижавшись друг к другу, напряженно поглядывая на дверь. Наконец она распахнулась.

- Я - офицер победившей армии, - продолжая разговор, немец подошел к столу и повернулся к маме. - Ваши мужчины сбежали, оставив вас вместе с имуществом и территорией как нашу законную добычу.

- Ты хочешь уподобиться дикарю, волокущего за волосы женщину из побежденного племени в свою пещеру? - Мама Лиза всматривалась в Бенкена, словно в затопленную шахту, обещавшую быть золотиносной. - Это говоришь ты, читавший мне Гейне и Гете и восхищавшийся успехами цивилизации?!

- Забудь о том Карле! - Бенкен почти кричал. - Я о нем забывал все эти годы: когда бросал в Неву кольца, купленные к нашей несостоявшейся свадьбе, когда так и не смог жениться, потому что не встретил никого равной тебе, когда из романтика стал циником и выбрал работу, где ежечасно нужно превращать людей пытками и допросами в животных. Помнишь сказку о джине, запертом в бутылке? Первое тысячелетие он обещал, что того, кто освободит его, сделает богатым, во время второго тысячелетия своему спасителю обещал бессмертие, а в третье тысячелетие поклялся убить первого, кто откроет бутылку... Мы встретились в начале третьего тысячелетия. Потому, что это начало, делаю послабление: идешь в наложницы - щажу дочек. Иначе эсэсовский полк, идущий маршем на фронт и остановившийся в городе, получит вас в подарок.

Мама Лиза побледнела:

- После изнасилования можно выжить, объяснив себе, что кто-то физически оказался сильнее. Но можно ли выжить после добровольного изнасилования, когда разорвана и вымарана душа? Да, прокладывая дорогу своей жизни, я что-то поломала в твоей. Ты считаешь: это основание для приговора? Если твоему будущему нужна моя смерть, убей меня. Но на детях вины нет: зачем они тебе?!

Несколько секунд мама Лиза и Бенкен сражались друг с другом взглядами, потом Бенкен повернулся и вышел, бросив:

- До завтра! Решай!

Звякнула щеколда на калитке, загудел, стихая, мотор машины - Бенкен уехал.

Усевшись на стул, мама Лиза облокотилась на стол и, обхватив ладонями подбородок, надолго задумалась. Лида попыталась о чем-то спросить, - мама Лиза на нее и не взглянула. Словно объясняя кому-то, провела ладонью по воздуху: "Поведение смертника. Понимает, что убью его и себя". Потом встрепенулась, вскочила, и, обращаясь к нам, быстро проговорила:

- Собираемся. Будем бежать: хоть в лес, хоть к черту на рога!

Упаковав в рюкзаки теплые вещи, одеяла и захватив несколько картофелин и луковицу - наши запасы еды, - мы выбрались в темноту двора и застыли, ослепленные светом зажженного электрофонаря.

- Хальт! Цурюк! - расположившийся на крыше подвала немецкий солдат навел на нас автомат.

- Уехал, а водителя оставил, - на удивление спокойно констатировала мама Лиза. - Возвращаемся.

Устроив вещи на прежние места, я и Лида вопрошающе посмотрели на маму Лизу.

- Спать! - велела она. - Утро вечера мудреней!

Не знаю, ложилась ли мама Лиза. Проснувшись, я увидела ее возле настенного зеркала: распустив волосы, она приложила к затылку шило для ремонта обуви и, заплетя косу в узел, скрыла шило от посторонних глаз.

- Вставай, дочка! Печку пора растапливать.

Удивленная непривычно ласковым голосом, - мама Лиза только к Лиде так обращалась, - вскочила с кровати, умылась и, затопив печку, поставила кипятить чайник. Солдата, сидевшего во дворе на лавочке, старалась не замечать.

Позавтракав сваренным вчера борщом, занялись стиркой. Развесили белье на веревке и вокруг мамы Лизы уселись.

- Что ж, - мама Лиза нас обняла, - девочки вы взрослые, все понимаете. Решение я приняла и если оно вас одних оставит, долго не печальтесь. Живите дружно, работайте, род продолжайте. Время военное, трудное - но жизнь во все времена сложная. Старайтесь никого не обижать, но обид не прощайте. Помните: люди от природы добрые, обстоятельства их злыми делают.

Тут мы расплакались, особенно Лида. Вцепилась в маму, на шее виснет и просит:

- Не оставляй нас, придумай что-нибудь!

Я тоже реву, маму обнимаю.

- Не плачьте, девочки, - мама Лиза нас по голове гладит, - Беду нужно встречать с открытыми глазами. Жизнь иногда не стоит той цены, которую за нее предлагают. Когда вырастете, поймете.

И на меня смотрит:

- Даша, береги Лиду. Надеюсь на тебя: есть в тебе какая-то сила, - жаль, понять ее не успела.

Щеколда на калитке звякнула: Бенкен приехал и двух гестаповцев с собой привез. Зашел в дом; мы поднялись, стоим. Мама Лиза в белом платье, на сказочную принцессу похожая.

- Слушаю тебя, - Бенкен - напряженно, нервно.

- Я готова - мама Лиза его рассматривает, словно впервые увидела. - Поехали.

- А вещи? Чемодан?

- Зачем? Любовнице начальника гестапо в новой одежде ходить положено, желательно из Парижа.

Маму Лизу взглядом поизучал.

- Учти: сбежать не дам и убить себя не позволю.

- Так много говоришь, будто в пропагандисты готовишься - усмехнулась мама Лиза, потом повернулась к нам, поцеловала каждую крепко-накрепко и направилась к выходу. Бенкен за ней поплелся и лицо его было нерадостным: словно медведя за хвост поймал и не знает, как выпутаться.

- Мамочка! - Лида за ними рванулась; я ее обхватила, держу.

Мама Лиза по двору идет, словно не слышит. Возле груши, которую отец сажал, на секунду задержалась, по стволу ладонью погладила и вышла, не оглянувшись; немцы за ней гурьбой потопали.

- Ненавижу - Лидка меня оттолкнула. - Тебя ненавижу, всех ненавижу.

И плачет. Я тоже плачу: понимаю, что сиротами остались и маму Лизу в последний раз видели.

Тут на улице крик раздался, потом зашумели все. Мгновенно за калитку выскочила; Лидка за мной.

Смотрим: Бенкен возле дома лежит, голова в крови, а рядом каменный петух валяется - с крыши на Бенкена упал. Немцы вокруг столпились, галдят по-своему и мама Лиза в сторонке руки сжимает.

Бенкен голову приподнял, что-то немцам приказал, потом маму Лизу глазами нашел, улыбнулся и говорит:

- Я чувствовал, что сегодня умру.

Изогнулся всем телом, дернулся и застыл. Немцы погалдели, в "Опель" Бенкена перенесли и уехали, постового забрав.

- Пойдемте!

Мама Лиза обняла нас, в дом повела.

- Они не вернуться? - Лида спрашивает.

- Нет. Он приказал нас не трогать.

- Он добрый был или злой?

- Не знаю. Он сам этого не знал.

Домовому с тех пор не только мама Лиза, но я и Лида блюдечки под кровать ставили и едой делились. Представляю, какой он довольный ходил!

А мы продолжали жить, зачеркивая, как тюремный, каждый день оккупации, пока 13 апреля 1944 года, за несколько дней до Пасхи, в Карасувбазар, оставленный немцами, не ворвались на танках советские войска. "Наши пришли, наши!" - кричали мальчишки, оббегая дома. Солнце светило по-летнему, баяны и гармоники играли, мы обнимали солдат, дарили цветы и здесь же, на улице, танцевали. Лидка, конечно, лучше всех танцевальные "па" выделявала, я старалась не отставать и даже мама Лиза вальсировала с молодым полковником. Это был праздник всеобщего счастья, круживший головы от мала до велика: вот только Женьки Фоминых на нем не было - он так и не вышел из госпиталя.

НОВЫЙ ГОД

Заходите, детки, заходите! И Саша с вами пришел: как ты подрос, Сашенька, не видела тебя давно! Я помню, как по утрам водила тебя в детский сад. Родители твои тогда в Киржаче жили, а ты у меня целый год оставался. Помню, как светило солнце, отражаясь в куполе церкви - мы всегда мимо нее ходили, - и ты объяснял, что купол сделан из золота, и обещал, когда вырастешь, взять оттуда немножко и сделать меня богатой. Маленькие дети такие смешные, хорошие - и папа ваш таким был, - а потом уезжают, становятся взрослыми - и чужими, словно прохожий на улице. Вот и сестра Лида: сколько о ней заботилась, в школе ей помогала, - а она живет в Ашхабаде, работает в министерстве по транспорту и только перед праздниками обо мне вспоминает, открытки шлет.

Когда вместе вырастаешь, многое о человеке знаешь. Мама Лиза рассказала однажды, как приключилась история, для Лиды на всю жизнь памятная, а вам, наверное, интересная. Было это в конце пятидесят второго года, - как раз вскорости Сталин умер. Лида тогда в Харькове на пятом курсе автодорожного института училась и очень веселые компании любила. Маме Лизе, чтобы ее содержать, приходилось день и ночь трудиться: скотину на мясо выращивала, в лес за щавелем ходила и на базаре продавала, фрукты в колхозных садах собирала...

Так вот, под Новый год пригласили Лиду вместе с друзьями на дальний хутор поехать, праздник отметить. Обрадовалась она, платье поллучше надела, прическу новую сделала. Лида красивая была, Полечка ее напоминает, но не по характеру только: характер у Лиды был вредный, потому и кавалера постоянного не имела:

покрутятся вокруг нее, покрутятся, а споткнутся о ее злой язык - и к другой уходят. И на хутор поехала Лида без ухажера: вместе с подружкой Валею и ее женихом Андреем. Сначала электричкой добирались, а потом сошли на остановке, надеясь, что встретят. «Подходит парень - в черной шапке, сером полушубке», - спрашивает: "Вы к Пасюкам приехали? Я - их племянник, Сережа. Пойдемте, тут напрямик минут тридцать, не больше".

На улице еще светло было, шли весело, с шутками, а Лида вообще колокольчиком смеялась, так ее настроение приподнимало. Тропинка вначале поле пересекала, затем по лесу повела, потом вновь в поле вывела. Сережа возле Лиды пристроился - то под ручку поддерживает, то канаву перейти помогает, - таким галантным оказался, что Валя вслух позавидовала. Тишина вокруг, только от шагов скрип раздается и смех девчоночий звучит, - да снег серебрится, голубизной неба подсвечиваемый.

Пасюки - Нина Владимировна и Николай Михайлович, - обрадовались гостям, помогли пальто и полушубки снять, пожалели, что дочка Верочка, компанию пригласившая, утром по капризу жениха в его город уехала, с родителями знакомиться и Новый год встретить, - и попросили молодежь в комнатах располагаться, пока они подготовку к ужину будут заканчивать. Валя вызвалась помочь хозяйкам, а Лида предложила Сереже возле хутора погулять, чтоб аппетит получше был. Впрочем, это она так сказала, про аппетит, а на самом деле понравилось ей рядом с Сережей бродить, запал он ей в душу, как никто до него. Высокий, плечистый, глаза серые, волосы на голове черные, кудрявые - чем-то он Лиде Руслана из пушкинских сказок напоминал, и очень ей захотелось его Людмилой стать. Кокетничать Лида всегда умела, и Сережа быстро ее пленником оказался: смотрит влюблено, стихи читает, о нежных чувствах заговорить пытается. Лида даже испугалась такой страсти и под предлогом, что темнеть начинает, в дом Сережу повела, чтобы одной о случившемся порассуждать.

Электрический свет на хутор еще не провели, поэтому во всех комнатах, вставленные в канделябры, горели большие толстые свечи. Сережа отправился помогать родственникам, а Лида уселась в старинное кресло, перебирая события, и ощущение, что наконец-то встретила того, чей образ тревожил ее мечты, наполнило душу смятением и восторгом.

- Что мама сказала бы? - подумалось Лиде. - Обрадовалась, наверное: она так меня любит.

Лида представила маму Лизу, блистательную выпускницу Смольного института, чьи руки навсегда забыли нежность лайковых перчаток, а губы никогда не произнесут слова некогда привычной французской речи, - и в который раз подивилась этой потомственной дворянке, выбравшей в двадцатые годы вместо бегства в Париж тяжкое выращивание детей в нищей стране; почему-то мелькнула мысль о сестре Даше, к которой Лида, несмотря на младший возраст, относилась пренебрежительно, что вполне себя оправдывало: даже замуж ее сестра не смогла нормально выйти и сейчас мучается на квартире с трехлетним сыном Славиком, без надежды на алименты - так далеко бывший муж сбежал.

Раздался стук в ворота: к хозяйкам из ближайших сел начали съезжаться на розвальнях соседи, привязывая лошадей за уздцы к столбикам забора. Компания собралась большая, но дом был огромный, комнаты просторные, так что места хватило всем. Гости распаковывали привезенные с собой корзины, пополняя

расположенную на столах снедь домашней колбасой, сальтисоном, кусками окорока и даже свежезапеченными зеркальными карпами - их ловили, как пояснили Лиде, в расположенном на окраине леса озере. Семь лет после войны с немцами прошло, люди о голоде забывать стали, привыкали в сытости жить.

Сели за стол и начались тосты, здравицы в адрес хозяев, угощение. В полуголодном студенческом существовании Лиде редко выпадала возможность так вкусно поесть, и теперь она с наслаждением пробовала то одно, то другое блюдо, представляя себя принцессой за пиршественным столом, тем более что принц был рядом: подкладывал еду в тарелку, наполнял стакан вином, а когда завели патефон, тут же пригласил Лиду на танец и, нежно обнимая за талию, повел в ритме новомодного танго. Вокруг смеялись, разговаривали, звенели стаканами малознакомые люди, и Лиде захотелось остаться наедине с Сережей. Почувствовав ее желание, Сережа, прервав очередной танец, взял Лиду за руку и увлек в темную комнату, и там долго целовал, и Лиде казалось, что она вот-вот задохнется от счастья.

- Ты меня любишь? - внезапно спросил Сергей.

- Да! - прошептала Лида, с ужасом думая, почему она, первая институтская красавица, привыкшая кружить парням голову, так легко произносит это главное для девушек признание. - А ты меня?

- Очень! - с какой-то мрачной решимостью сказал Сергей. - Я не знаю, как будет дальше, но хотел бы, если все закончится благополучно, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна?

- Согласна! - кивнула головой Лида. - А что может закончиться неблагополучно?

- Все! - отрезал Сергей. - Главное: ты дала согласие, а остальное будет так, как сложится. И еще: если я исчезну, обязательно приходи вечером 6 января на берег озера: туда, где растет старый дуб. Придешь?

Конечно! - пожал плечами Лида, начиная подозревать, что Сергей ее разыгрывает. - Пойдем танцевать, пока ты новых глупостей не придумал.

Наплясавшись, начали петь песни, а когда часы пробили двенадцать раз, дружно выпили за Новый год и, высыпав на крыльцо, принялись салютовать празднику сигнальными ракетами и залпами из ружей.

Николай Михайлович разрешил Лиде выстрелить из ружья. После выстрела приклад сильно ударил Лиду в плечо, однако ее восторга это не омрачило и она закричала от радости, переполненная свалившимися на нее событиями: приятная поездка, обильный ужин, Сережино объяснение в любви, да еще впервые в жизни из ружья удалось выстрелить!

- Сережа, Сережа! - позвала она, оглядываясь по сторонам и нигде его не находя. - Ты куда пропал, Сереженька?!

- "Наверное, живот заболел" - подумала Лида, возвращаясь вместе со всеми к праздничному столу.

Прозвучало еще несколько тостов и гости по одному начали тянуться к выходу, чтобы сквозь мороз и снег поспешить к прогретым печками домам и теплым лежанкам.

- Это не ваша собака - она минут двадцать здесь сидит? - внезапно спросил Андрей Николая Михайловича, показывая на расположившегося в углу огромного, серого с черной подпалиной пса.

Лида тоже обратила внимание на эту собаку, которая, казалось, не сводила с нее глаз, но, занятая мыслями о непонятном исчезновении Сергея (в напрасных поисках она обошла не только комнаты, но и двор), выслушала ответ Николая Михайловича без особого интереса.

- Нет, нашу собаку два дня назад волк загрыз: непонятно, откуда он в наших краях взялся?! А эту псину, наверное, кто-нибудь из гостей привел... Давайте-ка за ваших родителей выпьем: чтобы они о вас, а вы о них всегда помнили.

- Никогда Лида так много спиртного не пила, но, к ее удивлению, сознание у нее оставалось ясным, вот только ноги плохо слушались, и она старалась не вставать со стула, с горечью думая о том, что Сережа, скорее всего, отправился вместе с кем-нибудь из гостей в село к очередной зазнобушке, и сейчас целует ее и насмехается над Лидиными переживаниями.

- Странно, все уехали, а собаку оставили, - проворчал Николай Михайлович. - Совсем народ пить разучился! Ладно, пускай до утра во дворе побудет, а там хозяин сам отыщется. Давай, любезный, шагай на свежий воздух.

Открыв дверь в коридор, Николай Михайлович позвал незваного гостя на улицу, а когда пес остался лежать, попытался толкнуть его ногой, - и отпрянул, увидев оскаленные клыки.

- Нужно едой завлечь - вмешалась Нина Владимировна. Взяв со стола кусок мяса, она поманила собаку к двери, - и остановилась, поняв, что пес не обращает на нее никакого внимания.

- Что делать будем? - растерянно спросил Николай Михайлович. - Вот соседушки: удружили!

- Давайте я попробую - неожиданной для себя вызвалась Лида.

Забрав у Нины Владимировны мясо, она помахала им возле собачьего носа и, неуверенно переставляя подгибающиеся ноги, побрела к выходу, ласково приговаривая: "Пойдем со мной, мой хороший, пойдем, моя умница!"

Все ахнули, увидев, как пес поднялся и покорно идет за Лидой. Доведя собаку до пустой будки, Лида положила мясо на снег и, ежась от холода, поспешила в дом.

- Ну и славно! - одобрительно произнес Николай Михайлович, пропуская Лиду в зал и запирая входную дверь на засов. - Теперь можно и спать укладываться.

Его слова были прерваны сильным ударом, обрушившимся на входную дверь со стороны улицы. Через минуту удар повторился.

- Что это? - недоуменно спросил Николай Михайлович.

- Это та собака на дверь прыгает, - раздраженно ответила Нина Владимировна. - Взбесилась она, что ли?!

Со двора донесся злобный протяжный вой. Услышав его, Николай Михайлович побледнел:

- Господи, помилуй: это волк воет. То-то мне псина странной показалась. Наверное, тот волк, что нашего Черныша загрыз. Но какой наглый: прямо в дом вошел!

Вой прервался, и на дверь обрушился новый страшный удар, едва не сорвавший скобу засова. Потом послышался треск дерматина: звериные когти яростно полосовали дверное утепление.

- Скотина заперта надежно, он до нее не доберется, - соображал вслух Николай Михайлович. - Ставни на окнах я, слава Богу, успел закрыть, и они у нас крепкие. Вот только входная дверь... Я сейчас ружье принесу: если что - буду стрелять.

- А где Сережа, он случайно во дворе не остался? Или его в село кто-то из соседей пригласил? - спросила Нина Владимировна.

- Во дворе его нет, это точно - ответила Лида. - Так что наверняка в селе. А что, он вам ничего не сказал? Все-таки ваш племянник.

Кто - он? - удивилась Нина Владимировна. - Впервые слышу. Нет у нас племянников: ни у меня, ни у мужа.

- Но вы сами его на станцию нас встречать отправили - вмешалась Валя.

- Не отправляли мы никого, - растеряно ответила Нина Владимировна. - Что за история непонятная!

- Что тут непонятного: волк-оборотень! - выругался Николай Михайлович, прислушиваясь к ударам в дверь. - Тут, пожалуй, и ружье не спасет. Но что ему здесь понадобилось?

После очередного удара дверной засов прогнулся: теперь он держался только на двух шурупах.

- Ой! - всхлипнула Валя. - Он нас убьет!

- Посмотрим, кто кого! - хмуро сказал Николай Михайлович, поднимая ружье. - Андрюша, возьми на полке топор. А вы, женщины, бегите в чулан: там дверь покрепче.

- Подождите! - закричала Лида. - Так нельзя! Если это Сережа, он должен уйти... Сережа, слышишь: я очень прошу, уйди!

Удары в дверь прекратились, послышался жалобный вой, потом все стихло.

Неужто ушел? - удивленно протянул Николай Михайлович. И, подозрительно глянув на Лиду, мрачно сказал:

- Что-то больно охотно он тебя слушается, а, девушка? Ты не с одной с ним компании?!

- Перестань! - одернула его Нина Владимировна. - Спасибо сказать должен: она нас, считай, от смерти спасла! Спать пошли, утром во всем разберемся.

Что-то пробурчав, Николай Михайлович замолчал, но, когда решали, где укладываться гостям, настоял, чтобы Лиде постелили отдельно, в самой дальней из комнат, - именно в ней, как с ужасом поняла Лида, она дала обещание стать Сережиной женой. Прижавшись щекой к подушке, Лида услышала, как щелкнул дверной замок: оберегая остальных, Николай Михайлович запер дверь на ключ. Лидины мысли металась вспугнутыми птицами; она была уверена, что до утра не сомкнет глаз, но усталость взяла свое, и уснула она быстро, хотя приятного в этом оказалось мало: сны пошли чередой, и в каждом из них Сережа, ласковый и красивый, объяснялся ей в любви, и просил обязательно приехать на озеро в ночь Богоявления.

Проснулась Лида на рассвете, но в доме уже не спали: Валя и Нина Владимировна убрали со столов, а Николай Михайлович, проклиная оборотня, чинил вместе с Андреем разбитую входную дверь, накладывая на нее полосы из железа. Обнаружив свою комнату открытой, Лида умылась и пошла на кухню чистить грязные кастрюли, невольно слушая, как Нина Владимировна рассказывает Вале, что Николай Михайлович очень дешево купил хутор три года назад: у прежних обитателей в ночь на Новый год ушел в лес и не вернулся сын, которого, кстати, звали Сергеем, и опечаленные родители решили покинуть принесшее им горе место. Ни о чем думать Лиде не хотелось: произошедшие события были настолько тяжеловесны и необъятны, что требовали спокойного, с остановками во времени, рассмотрения.

Закончив уборку, Нина Владимировна пригласила всех на завтрак, после чего тактично намекнула, что ближайшая электричка в Харьков будет через сорок минут, и у друзей ее дочери есть шанс на нее попасть. Быстро собравшись, Валя, Андрей и Лида пожелали хозяевам счастья в новом году и поспешили на станцию. По дороге домой Валя попыталась расспросить Лиду о Сергее, но, наткнувшись на нежелание разговаривать на эту тему, обиделась и замолчала.

В комнате студенческого общежития Лида оказалась одна: ее соседки, жившие в Харьковской области, по случаю праздника разъехались по домам.

Закутавшись в одеяло, Лида постаралась заснуть; трехчасовой сон и последовавшие хлопоты по приготовлению обеда окончательно успокоили ее, отгородив от прошедших суток, о событиях которых Лида решила крепко-накрепко забыть. Это решение, которое Лида следующим утром закрепила посещением парикмахерской и новой прической, могло привести к непредсказуемым последствиям, если бы вечером не приехала из Карасувбазара мама Лиза.

- Рассказывай, что случилось, - обняв и поцеловав дочку, потребовала мама Лиза. - Я в новогоднюю ночь на тебя и Дашу на ножах гадала: так твое лезвие наполовину почернело. Пришлось соседу кабанчика продать, - он давно им интересовался, - и сюда поспешить. Только правду говори, врать не вздумай!

И Лиде, собиравшейся кое о чем умолчать, пришлось подробно рассказать об ужасном происшествии.

Да-а, хуже оказалось, чем думала, - выслушав Лидин рассказ, помрачнела мама Лиза. - Ты, конечно, молодец: надавала оборотню обещаний и решила, что запросто можешь их не исполнять! Доченька, сколько раз тебя учила держаться подальше от темных сил, но если попала к ним в сети да еще договор заключила, исполняй его, иначе худо будет.

Мама, я никак не могу представить Сережу оборотнем. Он настолько интересен: я такого никогда не встречала!

Неудивительно: нечистой силе посредственности не нужны, она лучших забрать старается, - поэтому и тебя очередной жертвой наметила. Постараюсь ей помешать, а там - как кривая вывезет.

Взяв у Лиды белый пояс, мама Лиза отправила дочку в читальный зал библиотеки, велев до вечера в общежитии не появляться, - чему Лида охотно повиновалась, безоговорочно вверяя матери свое будущее. И, зайдя вечером в свою комнату, не удивилась, почувствовав запах незнакомых трав.

Наденешь вот это, - мама Лиза подала дочке ее пояс с навязанными на нем узлами, - и будешь носить, не снимая, до дня Богоявления, - а к вечеру приедешь на озеро и, когда появится оборотень, опояшешь его своим поясом. И тогда, если ничто не помешает, Сережа станет обычным человеком.

- Совсем ты пояс испортила, - оттопырила губу Лида. - Да еще эту гадость носить заставляешь! А нельзя, чтобы ты вместо меня на озеро поехала?

- Нельзя, дочка! - с сожалением ответила мама Лиза. - Это - твое дело, ты договор заключила. И не только вместо тебя - я с тобой поехать не могу: оборотень, если что не так, тебя на кусочки разорвет.

- О, господи! - вздрогнула Лида. - Ну почему именно к нашему роду нечистая сила цепляется: то покойник в доме, то ведьма, то оборотень!

- Проклятье на нас лежит, дочка. Триста лет назад великий старец Серафим проклял наш род за злодеяния нашего прапрадеда графа Мудрака, колдуна и некроманта. Это история древняя, Даша ее знает, когда-нибудь и тебе расскажу. Ладно, облачайся в свой оберег.

Лида неохотно надела пояс, представляя усмешки однокурсников, обсуждающих экстравагантные поясные узлы, - но мама Лиза говорила слишком серьезно, чтобы ее слушаться.

Следующим утром приехали соседи по комнате, и Лида повезла маму Лизу на вокзал, где, выдержав долгую давку в очереди, купила плацкартный билет на поезд до станции Симферополь.

- Ах, дочка, дочка! - стоя возле вагона и целуя на прощанье Лиду, вздохнула мама Лиза. - Испытание тебе предстоит великое, буду надеяться, что хватит у тебя нашей родовой закваски!

- Мама, я смелая, ты же знаешь!

- Знаю. Это и успокаивает, и пугает, потому что границ своей смелости не видишь. Всего доброго! Храни тебя Бог!

Поезд тронулся, и только когда исчез из вида последний вагон, Лида осознала, что остается один на один с событием невероятным и страшным, и надо собрать все мужество, чтобы выжить.

- Но если все закончится благополучно, Сережа будет мой, - внезапно поняла Лида. - Господи, счастье какое! Девчонки на курсе умрут от зависти!

Заканчивался семестр, и по традиции пятого января в институте состоялся бал, в программу которого входило избрание лучшей танцевальной пары учебного года. Когда-то, еще на третьем курсе, Лиде удалось стать победительницей в танцевальном конкурсе, и она надеялась, что в этом, завершающем году ее учебы в институте, она вновь займет первое место, тем более что Валя, забыв обиду, согласилась сосудить ей в качестве партнера прекрасно танцевавшего Андрея.

Бал получился великолепный: в нем приняли участие даже студенты других харьковских институтов. Возбужденная, с сияющими глазами и выразительным красивым лицом, Лида привлекала всеобщее внимание, и единственное, что смущало (и не только ее, как она поняла по отдельным репликам) - это пояс, уродливо обтягивающий стройный Лидин стан. Поэтому, когда объявили начало танцевального конкурса, Лида, махнув рукой на мамин наказ, быстро поменялась поясками с Валею и с удесятеренной силой ринулась участвовать в конкурсе, став несомненной победительницей. Получив в качестве приза красивую брошь, Лида, с удовольствием принимая поздравления, подошла к Вале - и остолбенела, увидев, как Валя развязывает узлы на поясе, и два из них уже развязала.

Ты что сделала, дура! - закричала Лида, выхватывая у Вали свой пояс.

Но я как лучше хотела, - испуганно ответила Валя. - Ты зачем меня оскорбляешь?

Сдерживая желание залепить Вале пощечину, Лида повернулась и, выйдя из актовоего зала, где продолжал греметь бал, поехала на трамвае в общежитие. Присмотревшись, Лида постаралась восстановить развязанные узлы в первоначальном виде, дрожа от мысли, что часть чудодейственной силы пояса наверняка утрачена, и неизвестно, во что выльется это завтра.

Ночь прошла суматошно, в странных, обрывочных снах. Поднявшись с постели, Лида подумала: не сходить ли в церковь, но, вспомнив слова мамы Лизы, что церковь нашему роду не помогает, а чаще наоборот делает, оставила эту мысль и, побродив по аллеям близлежащего парка, отправилась на электричке на встречу с оборотнем.

Смеркалось. В воздухе кружили белые снежинки. Озеро было покрыто толстым слоем льда, на котором чернели сделанные рыбаками проруби. Остановившись возле огромного дуба, Лида огляделась по сторонам, поражаясь пустоте и величию здешних мест, и приготовилась ждать. Минут через десять

неподалеку закричали птицы и, раздвинув густой кустарник, показался волк, напугавший всех в Новогоднюю ночь. Лида замерла, закрыв глаза от страха; раскрыв их, увидела волка рядом с собой. Расстегнув пальто, она быстро сняла с себя пояс и застегнула его на волке: точно так, как учила мама Лиза. Волк вздрогнул, зарычал; Лида отпрянула от него и уткнулась лицом в дерево: она читала в маминых книжках, что созерцание превращения оборотня может закончиться для человека слепотой.

- Лида! Лидочка! - услышала она Сережин голос.

Лида обернулась: возле нее стоял Сережа - счастливый, улыбающийся.

- Спасибо тебе, любимая! - продолжал говорить Сережа. - Я так в тебя верил, так верил! Теперь мы навсегда вместе!

Он сделал шаг вперед, протянул руки, - и остановился. Grimаса боли исказила его лицо.

- Что с поясом? - с трудом выговаривая слова, спросил Сережа. - В нем что-то нарушено, да?!

- Прости меня! - потупила голову Лида. - Так получилось. Это я виновата.

- Лида, Лидочка! - с мучением выдохнул Сережа. Его шатало; искореженное судорогой лицо становилось страшным, неузнаваемым. - Что ты наделала! Ведь мне, чтобы живым остаться, тебя убить придется!.. Отвернись!

Он крикнул таким напряженным, злым голосом, что Лида мгновенно вжалась лицом в дуб. Послышался наполненный мукой стон, потом, минуты через две, раздалось рычанье. Лида обернулась. Волк, злобно скаля зубы, присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Бежать было бесполезно: оторвавшись от дерева, Лида опустилась на колени и сложила перед собой руки, ожидая смерти. Волк напряг тело и вдруг замер. Подняв в небо морду, он глухо, протяжно завыл, словно прощаясь с чем-то; затем, разбежавшись, в могучем прыжке поднял свое тело в воздух, направив его на ствол дуба. Звук от удара был такой сильный, что с соседних деревьев взлетели с криком птицы. Лида услышала шум от падения тела на землю, затем жалобное, постепенно затихающее рычание. Вскочив, Лида бросилась к дереву, наткнулась руками на окровавленную морду и поняла, что волк мертв. Обхватив волчье тело, Лида прижалась к нему и заплакала, громко, по-бабьи причитая над своей и Сережиной судьбой, - невольная убийца, спасенная от смерти жертвой.

Выплакавшись, Лида оттерла снегом вымазанные в крови руки и в стущающейся темноте направилась на хутор к Пасюкам. После долгого стука калитку, держа в руках светящийся фонарь, открыл Николай Михайлович.

- Что тебе? - хмуро спросил он, увидев Лиду.

Дайте кирку и лопату, я часа через два верну, - попросила Лида.

Николай Михайлович отрицательно махнул головой, собираясь отказать, но, заметив заплаканное Лидино лицо и помятое грязное пальто, задумался и недовольно буркнул:

- Подожди здесь!

Минут через пять вынес кирку и лопату, сунул их в Лидины руки и сказал:

Больше не стучи, поняла?! Оставишь все возле ворот.

Лида поблагодарила и, повернувшись, услышала, как запирается за ее спиной калитка.

Снегопад закончился; ночь была звездной, ясной. Взвалив кирку и лопату на плечо, Лида, пройдя полем, углубилась в лес и вышла к озеру. Неподалеку от дуба нашлась большая яма, и Лида, сняв пальто, принялась ее углублять и выравнивать. Мерзлая земля поддавалась с трудом, и только часа через три, измученная и усталая, Лида закончила работу. Немного отдохнув, положила волчьё тело на большую сухую ветку и перетащила в выкопанную яму.

Прощай, любимый! - тихо сказала Лида тому, кто недавно был Сережей. Сняв с кофточки призовую брошь, она бросила ее на коченеющее тело и, взяв лопату в окровавленные от лопнувших мозолей ладони, начала зарывать могилу. Воткнув в небольшой холмик сухую осиную ветку, на подгибающихся от усталости ногах поплелась к хутору. Свалив лопату и кирку возле ворот, постояла, слушая доносившийся из дома веселый шум - Пасюки праздновали Рождество, - и медленно, с передышками, зашагала к станции, думая о том, что если ее не подберет какой-нибудь поезд (электрички так поздно не ходили), она до утра замерзнет. Но судьба проявила милосердие: минут через сорок на станции остановился проходящий поезд, а ехавшие в вагоне офицеры растерли ее лицо и руки одеколоном, заставив заодно вместо лекарства выпить стакан водки. В Харькове один из попутчиков по имени Валентин довез ее на такси до общежития и, сонную и пьяную, передал разбуженным девочкам-соседкам. Девочки, подозрительно осмотрев Валентина, повели Лиду в комнату, не зная, что только что познакомились с ее будущим мужем, - да она и сама этого не знала.

А Новый год Лида с тех пор не празднует. Открытки поздравительные разошлет, стол кушаньями для семьи накроет, а потом сядет в сторонке и о чем-то думает, думает. И молчит.

РОД

Что загрустила, Полечка? Опять с Родионом поссорилась? Рядом живя, друг дружке мешаешь, - и лишь когда расстояние отодвинет, начинаешь понимать, что теснота не только отдаляет, но и сближает, особенно когда кровью одного рода повязаны. Потому как для человека важнее рода ничего нет: род его через века ведет и прошлое с будущим соединяет. И того, кто забыл об этом, судьба сильно наказывает.

Я помню, каким тяжким было для меня лето 1954 года. Мама Лиза уезжала в Ашхабад: навсегда уезжала. Продала дом, скотину, имущество и повезла деньги Лиде - она в Ашхабаде в министерстве работала и замуж выходить собиралась. Мне из имущества мама Лиза кусок ситца на платье выделила и Славику, папе твоему - ему пять лет исполнилось, - матросский костюмчик купила. Я и слова поперек не сказала: помогла чемоданы на симферопольский поезд отвезти, - Славика пришлось заботам квартирной хозяйки, Ольги Ивановны, поручить, - поцеловала на прощанье, - и вернулась в Карасувбазар с такой холодной душой, словно ее из проруби вынули. Я понимала, почему мама Лиза так относится: замуж я не по ее воле вышла, потому и свадьбы не было, только в ЗАГСе расписались. Муж мой, Володя, был сыном председателя райисполкома, много обещал, когда в жены брал, - а оказался пьющим, никчемным человеком и, когда Славик родился, продал тайком пуховую перину, что мама Лиза в приданое дала, и подался на Север счастье искать. А отец его, Павел Яковлевич, - он большую

власть имел, в районе даже одно село - Павловка - его именем названо, - объяснил, когда за помощью пришла, что он нашего брака не хотел, к тому же в Гайворон на повышение переводится, и некогда ему обо мне и внуке думать. На том и расстались.

Зато с квартирной хозяйкой повезло. У Ольги Ивановны - женщины пожилой, с умным, приятным лицом, - дети устроились в Киеве, и она, живя одна, много времени Славику уделяла: он даже "бабушкой" ее называл. Дом Ольги Ивановны стоял в саду, в глубине двора, а мне она выделила во времянке комнату, окном на улицу выглядывавшую. Славик из этого окна любил прохожих рассматривать.

Работала я кассиром в банке, - куда еще с моими восьмью классами проситься?! На еду хватало, в остальном экономила, тем более алименты не получала: никак не мог исполнительный лист Володю отыскать. Из подружек у меня Клара Мищенко и Маша Прохоренко остались - они тоже в банке работали. Еще одну подружку, татарочку Айше, в мае сорок четвертого в Узбекистан угнали. Пришла к ней утром: во дворе скотина ревет, пес на цепи лает, вещи по комнатам разбросаны, - а двери настежь и никого из хозяев. Как я плакала тогда: мама Лиза позже пришла, живность покормила и меня увела. А в дом Айше переселенцы из Курска вселились.

Славик тихим ребенком рос. Из игрушек у него были только глиняный свисток в виде птички и тряпичная кукла Матрешка, моим отцом когда-то пошитая: для меня дороже этих игрушек ничего не было. И Славику они полюбились: посадит их в разных концах кровати и водит друг другу в гости. А еще нравилось ему из пластилина человечков лепить и в экспедиции с ними отправляться. Хороший был мальчик, не плакса.

Я стиркой и уборкой обычно в субботу, придя с работы, занималась, а в воскресенье, взяв сына за руку, бродила с ним в окрестностях Карасувбазара, рассказывая, какие древние здешние места и как много народов когда-то здесь обитало. Славик слушал, вопросы задавал и уговаривал долину Идолов посетить, хотя и объясняла ему, что место злое: в нем давным-давно тавры своим богам человеческие жертвы приносили, и сила их заклятий, на крови основанная, до сих пор там живет.

Погода в то лето была добрая, позволяла и фруктам, и овощам хорошо расти. На улицах июль в пыли купался, цветами пахло, детвора из речки Карасевки не вылезала, накупаться не могла. Хорошо было! А мне жить не хочется. После отъезда мамы Лизы прошло десять дней, но я так и не привыкла к мысли, что осталась без домашнего очага и близкого человека. Любила я маму Лизу, очень любила, - только она мне другим отвечала. Если б не сын, не знаю, что с собой сделала.

В то воскресенье, когда началась эта история, я оставила сына у Ольги Ивановны и отправилась на кладбище могилы отца и Оли посетить. Путь был неблизкий - кладбище за городом располагалось, - но в молодости длинных дорог нет. Открываю кладбищенскую калитку, нахожу могилы своих родных и застываю от изумления: могила отца от сорняков очищена, ограда белой краской выкрашена и букет незабудок на могильном холмике лежит. Потрогала краску: свежая, утром использовалась. Постояла, удивляясь, положила на отцовскую могилу сорванные в поле ромашки и к Олиной могиле подошла. Я была здесь месяц назад, и с тех пор никто к могиле не подходил. Вырвала траву, напоила

водой посаженную возле Олечкиного изголовья березку, посидела на скамеечке, мамой Лизой когда-то сделанной, и домой отправилась. И все гадала, кто мог об отцовской могиле позаботиться. Ни родных, ни друзей - никого у отца не осталось, это я точно знала.

Подхожу к дому: и вдруг ощущение появилось, что на меня смотрят. Оглядываюсь - никого. А взгляд чувствую: недобрый, пристальный. Захожу в калитку: Ольга Ивановна растревоженной наседкой спешит, Славика за руку держит. "Представляешь - рассказывает, - какая-то девушка приходила, на квартиру просилась. Повела ее вторую половину времянки показывать, а она неожиданно в вашу комнату заходит и берет твою расческу и Славин рисунок. Я говорю: «Положите обратно», - а она засмеялась злым смехом, повернулась и ушла. Я до сих пор в себя прийти не могу: сумасшедшая она, что ли?"

Успокоила я Ольгу Ивановну, забрала сыночка, повесила ему на шею крестик, что от мамы остался, и обедом занялась. А сама дрожу от страха: понимаю, для чего расческу и рисунок украли. Кто-то через них собирается беду на нас направить, а у меня из оберегов только крестик, и неизвестно, поможет он или нет: зло легче, чем добро, делать, - оно проще по замыслу и любой примитивной натуре доступно.

Ночью снились страшные, причудливые сны - я бежала куда-то и никак не могла добежать, - встала такой разбитой, словно и не ложилась. Отвела Славика в детский сад, сижу в банке, ошибку за ошибкой делаю, - даже главный бухгалтер забеспокоилась, говорит: "Иди к врачу, ты вся больная", - а я знаю, что это не болезнь: колдует кто-то, недугами на части меня раздирает. Пытаюсь помолиться, - а рот словно ниточками зашили.

Так шесть дней продолжалось, - я и без того худая была, а тут как щепка высохла. И не могу понять, кому моя жизнь мешает. Славик начал по ночам плакать, говорит, что его пугают. Совсем измучилась, пока не наступила суббота, едва не оказавшаяся для меня последней. Банк в три часа работу заканчивал; вышла я с подружками на улицу и чувствую: что-то меня в сторону уводит. Пытаюсь противиться - а ноги сами переставляются. Крикнула: "Маша, Клава, заберите Славика из детсада и у себя оставьте, я вечером приду". Они заволновались, не понимают, что творится, а я успокаиваю: "Потом объясню", - надеясь, что оно будет, это "потом".

Сопротивляться колдовской силе перестала: бесполезно, да и выяснить пора, кто и куда ведет. Дошла до юго-западной окраины Карасувбазара, направилась по тропинке вдоль леса и понимаю, что к Тайганскому водохранилищу меня выводят. Место нехорошее: в тридцатые годы Тайган - так потом его называли, - на древнем татарском кладбище, используя надгробные плиты, политзаключенные строили, и много их тут погибло. Я здесь не купалась и Славика сюда не водила: все казалось, что вода мертвечиной пахнет.

На плотине детвора брызгалась, - хочу туда повернуть, а меня, где коряг и водоворотов полно, направляют. И вдруг все мои горести волной на меня нахлынули, и такое чувство охватило, словно, куда стремилась, попала. Захожу в воду: она теплая-теплая. "Наконец-то - рассуждаю, - беды мои исчезнут. Никому я не нужна, кроме сына, - но и ему такую маму нельзя иметь, чтобы тень неудачливости на него не упала". Вода все глубже, до рта доходит, - и тут тело помимо сознания взбунтовалось, но поздно, - я под водой. Начинаю барахтаться,

выныриваю, слышу крик: "Девушка, девушка!", а я уже воды наглоталась. Круги в глазах зеленые, дно ближе, ближе, и беспомощность наступает.

Очнулась я вниз головой и вверх ногами: один мужчина меня держит, а другой из моих легких воду выдавливает. Чувствую: дышать могу, прошу:

- Опустите меня на землю.

Мужчины обрадовались, поспешили просьбу исполнить. Говорят:

- Мы боялись, что не откачаем. Кто вас так обидел, что в воду полезли?

Хорошо, рядом рыбачили, успели вытащить.

- Простите, - отвечаю. - Не буду ничего рассказывать. Врать не хочу, а правде вы не поверите.

Мужчины переглянулись, плечами пожали.

- Как пожелаете, девушка, - старший возрастом говорит. - Все в жизни случается.

Поблагодарила, попрощалась и отправилась сына у подружек забирать. А на сердце тяжесть: понимаю, что кто-то моей тоской воспользовался, чтобы наверняка погубить. И если ничего не предприиму, то на кладбище окажусь.

Сына нашла у Маши: он с ее дочкой Галей кубиками играл. Объяснила, что по срочному делу бегала, что-то о мокрой одежде придумала и со Славиком домой отправилась. Переделалась, села на кровать и так горько стало, что заплакала. Сынок мне в коленки уткнулся и тоже расплакался: в слезах до вечера и просидели.

Приготовила на керогазе ужин, уложила Славика спать и обдумываю, как врагу противостоять. Колдовать я не училась, хотя и знала, что это любому доступно: энергия мысли у всех есть, управлять ею трудно. Но и те, кто своей энергией научились пользоваться, применяют ее в обычных житейских делах, - на другое сил не хватает. Настоящие волшебники природу используют, из нее могущество черпают.

Слово - сущность предмета, и, чтобы власть над собой ослабить, хотелось имя врага узнать. Перебрала прошлое: не наносила я обид, вынуждающих чародейку против меня нанимать. Или за грехи родителей мстят?

Ночь прошла спокойно; утром попросила Ольгу Ивановну с сыном посидеть и отправилась по местам, с семьей связанных, бродить. Возле развалин дома, где Олечка погибла, постояла, цветы на ее и отцовскую могилу отнесла, в свой бывший дом, попросив у новых хозяев разрешения, зашла. Прижалась лицом к акации, которую когда-то сажала, начала вспоминать детство: родителей, брата, сестричек. Слез не было: пришло ощущение, что в этом мире не одна, они тоже со мной - живые и мертвые. "Все будет хорошо, мамочка, - прошептала, мысленно обращаясь к маме Лизе. - Ты никогда не сдавалась, - и я не сдамся. Когда Элина у нас отца увела, тебе не сладко пришлось, но ты победила".

И тут словно толкнуло: Элина. Неужели она вернулась? Тогда мне несдобровать. Но что за девушка приходила к Ольге Ивановне?

В Карачоль я добралась на попутной машине. Нашла бывший дом Элины: жившие в нем люди подтвердили, что неделю назад их посетила двадцатилетняя девушка, родившаяся, по ее словам, в этом доме. Обошла соседей: девушка назвалась Светланой, дочерью Элины, - мать погибла в войну, Светлана выросла в детском доме, приехала навестить родные места.

В Карасувбазар я возвращалась пешком, через поле. Я жалела Элину и пыталась понять причину, заставлявшую сводную сестру желать моей гибели.

Солнце продвигалось к вечеру, когда я вышла на свою улицу. Светлану я узнала сразу: она стояла, наклонив голову, исподлобья меня рассматривая. Я шла прямо на нее, думая о том, что в чертах лица этой худенькой, одетой в ситцевое платье девушки есть что-то, напоминающее отца.

- Светлана! - остановившись в трех шагах, позвала я.

Девушка вздрогнула и, вцепившись в меня глазами, с яростью крикнула: "Ненавижу!"

Тело ее напряглось; я почувствовала, как накатывается на меня, пытаюсь сжечь, палящая волна энергии. Соединив руки так, чтобы большой палец правой руки лег в середину левой ладони, я расслабилась и, окутав себя мыслями о белых облаках и голубом небе, почувствовала, как скользят мимо, не находя точек соприкосновения с моим сознанием, языки пламени. Лицо колдуньи исказила судорога: читая нараспев непонятные слова, она бросила в меня чем-то, оказавшимся каменным градом. Не меняя позы, я уплотнила облака, представив, как застревают в них камни, а потом развеяла град порывом ветра.

Светлана замерла, недоуменно глядя на меня; потом вдруг расплакалась и, повернувшись, побежала вверх по улице.

- Светлана, погоди! Давай поговорим! - закричала я. Но Светлана не остановилась.

Зайдя в дом, я поблагодарила Ольгу Ивановну за заботу о Славике и занялась ужином. Усталость отсутствовала; я не понимала, откуда взялось у меня умение противостоять колдунье, и старалась в это не вникать.

Прошло несколько дней. Светлана не показывалась; я пыталась узнать, где она квартирует, но ничего не выяснила: возможно, не добившись цели, Светлана уехала. Головные боли прекратились; я чувствовала прилив сил и желание жить. И лишь мысль омрачала, что человек родственной крови врагом оказался. Всем пренебречь можно, кроме обязанностей перед родом - это мама Лиза в меня крепко вбила.

О Светлане решила забыть, - и напрасно: поняла это в следующую субботу, когда после работы пришла в детский сад за сыном и услышала от воспитательницы, что час назад по моей записке Славика забрала черноволосая девушка.

Я оцепенела от ужаса, потом, спохватившись, сказала: "Ах, да, извините, забыла", и пошла прочь. В милицию обращаться нельзя, - война шла между мной и Светланой. Вряд ли в планы Светланы входило причинение вреда Славике: его использовали как приманку, чтобы заставить меня что-то сделать или куда-то прийти. Убедилась в этом, увидев бегущую навстречу Машу Прохоренко.

- Хорошо, что тебя отыскала! Позвонила какая-то нахалка, - задыхаясь, сообщила Маша. - Требуется, чтобы ты шла в долину Идолов. И угрожает, представляешь!?

- Спасибо, Маша! - поблагодарила подругу. - Иди домой, я во всем разберусь.

Свернув в переулок, поспешила в долину Идолов. Предстоял поединок: но почему в этом месте? Или Светлана сумела разбудить и привлечь на свою сторону таврских богов?

Перейдя по мостику Карасевку, я прошла лугом мимо сливового сада и по тропинке, огибающей заросли терновника, углубилась в малохоженную местность, утыканную соснами и камнями. Когда-то меня водил сюда Гриша: брат любил историю и часто рассказывал о таврских племенах, чьих набегов боялся Херсонес, и богах, среди которых выделялась грозная Дева.

Солнце падало за горизонт, когда показалась долина Идолов. Меня, в который раз, поразила неподвижность этого места: даже воздух словно застыл, опасаясь потревожить тень минувшего. Я никогда не видела здесь живность: птицы - и те облетали долину стороной.

Идолы были вытесаны в скале, нависающей над долиной. Вероятно, раньше их было больше, но остались два: мужчина-Воин, выставивший перед собой щит, и главная таврская богиня Дева, опирающаяся руками на меч. У подножья лежал каменный алтарь, на котором в незапамятные времена приносились в жертву пленные и рабы.

Держа Славика за шиворот, Светлана стояла на противоположной стороне долины, рядом с идолами.

- Мама! - увидев меня, рванулся Славик.

Сдержав его усилия, Светлана нагнулась, что-то шепнула сыну на ухо - и он попятился. Я побежала к ним, пересекая долину; поравнявшись с алтарем, увидела, как Светлана вычерчивает рукой, обращенной ко мне, причудливый знак, и почувствовала, что не могу сдвинуться с места. Колдунья, отпустив ворот Сладиной рубашки, вынула из сумочки флакон с зеленоватой жидкостью, открыла его и, произнося заклятье, плеснула зельем на контур Воина.

В долине потемнело, словно ее накрыли одеялом, потом вновь стало светло, и я с ужасом увидела, как оживают частично стертые веками черты каменного лица. Зашевелились губы, открылись глаза, и воздух сотрясся от рокота: "Зачем разбудила меня, смертная?"

- Прими жертвой женскую жизнь, могучий Бог! - выкрикнула колдунья.

- Женщина... в ней мало силы, - недовольно проворчал Воин. - Дай в придачу ребенка!

- Нет!

Воин удивлен был не меньше, чем я.

- Почему? - спросил он.

- Я мщу тем, кто, отняв у меня отца, привел его к гибели - только им!

Мальчик должен жить.

- Так думаешь ты, а не я, - зло усмехнулся идол. - Сюда, щенок!

Рванулась я к сыну, бредущему к алтарю, - и заплакала, поняв, что и полшага не могу сделать.

- Много я слез видел, много! - довольным голосом произнес Воин. - Не так полезны, как кровь, но развлекают.

Светлана начала лихорадочно рыться в сумочке; заметив это, Воин расхохотался:

- Собираешься противиться? Нож разрешаю взять: когда пленникам горло перережешь, старайся, чтобы кровь на алтаре осталась, - тогда живой отпущу.

Побледнела Светлана. Вижу: пытается знак сотворить, - а руки вниз опускаются и нож из сумочки вытаскивают. Закричала она, меня по имени называя: ощутив исчезновение пут, побежала я к Славику, - и будто ледяной волной накрыло, в сосульку превращая.

- Хотите не только казни, но и мучений?! - прогремел Воин. - Идите все к алтарю!

- Вот и пришел последний час, - думаю, к алтарю приближаясь. - Что ж вы, предки мои и Хранители, отдали меня и сына варварскому идолу?! И ты, Дева, почему молчишь: ты не только грозной была, но и справедливой!

И тут словно молния в долину упала: засверкали глаза пробудившейся богини.

- Что происходит? - спросила Дева

- Помоги нам, богиня, - взмолилась я. - Без вины погибаем!

- Вина всегда есть - вмешался Воин. - Даже в том, что ты по чужой земле ходишь!

- Помолчи! - осадила его Дева. - Эта земля давно не наша.

Бросив взгляд на Славика, Дева перевела его на Светлану, потом на меня, - и точно клинком душу раскроила.

- Понятно, - проговорила богиня. И, обращаясь к Светлане, спросила:

- За какую провинность ты ребенка и женщину своего рода привела на погибель?

- Я не хотела смерти ребенка, - негодуя произнесла Светлана. - По вине ее матери меня лишили отца и дома, а когда моя мать погибла, я, оказавшись в детдоме, поклялась отомстить за свое сиротство.

- Ты не там искала причину, - гневно сказала Дева. - Ты предала свой род, обрекая на гибель его представителей. И властью, дарованной мне землей и небом, я приговариваю тебя к смерти.

Светлана встрепенулась, вызываясь взглянула на богиню - и поникла головой. Я посмотрела на нее, свою несостоявшуюся младшую сестричку, и поняла, что не смирюсь с приговором богини.

- Она виновна, - обратилась я к Деве, - Но передо мной, а не перед Вами. Прошу тебя: пощади ее!

- Почему?! - взор Девы сверлил мою душу. Воин, о котором все забыли, стусевался и замолк, - казалось, он боится Девы не меньше нас.

- Она - человек моего рода. И я не смогу жить спокойно, зная, что при мне и отчасти из-за меня погиб мой родственник.

- Что ж, это я понимаю, - задумчиво проговорила Дева. - Но приговор произнесен: ты можешь выкупить ее жизнь, только пожертвовав чем-то в своей судьбе.

- Чем?

- Посмотрим, что предложит Колодец смерти.

Взор Девы слился с моим: увиденное в ее глазах было настолько страшно, что у меня заболело сердце и затуманилось сознание.

- Ты осознала пророчество? - спросила богиня.

- Да, - прошептала я.

- Ты согласна?

Я бросила взгляд на стоявшую неподалеку Светлану, на приникшего ко мне сына, - и вздохнула:.

- Согласна!

- Да будет так! - Дева повела зрачками и темнота окутала долину. Что-то загрохотало, послышался стук катящихся камней.

- Бежим! - закричала я и, подхватив Славика на руки, помчалась к неясно видневшемуся в темноте выходу из долины. Рядом мелькнул силуэт: Светлана последовала моему примеру.

Добежав до конца долины, мы остановились. Темнота исчезла; спустившаяся сверху каменная лавина полностью засыпала таврское святилище.

- Прощай! - тихо произнесла Светлана, поворачивая в сторону. - Я была не права.

- Подожди! - остановила ее. - Как умерла Элина?

- Мы прятали у себя в подвале евреев: кто-то выдал, - помолчав, вымолвила Светлана. - Когда пришли фашисты, мать всю силу потратила на меня: чтобы невидимой сделать и от смерти спасти. А сама погибла.

- Это была отважная женщина: мир ее праху! - перекрестившись, сказала я.

- Спасибо! - кивнув мне, Светлана нырнула в кусты и исчезла: больше я с ней не встречалась.

Домой пришли поздно вечером. Покормила Славика, уложила спать и долго сидела на крыльце с Ольгой Ивановной, ведя разговор ни о чем.

Утром выяснилось, что Славика нужно лечить от испуга. Полгода водила по врачам, покупала разные лекарства, но до конца не вылечила: ты слышала, Полечка, как твой папа иногда заикается, - это с той поры осталось.

Маме Лизе я о Светлане не писала: у нее своих забот хватало. Жизнь длинная: чего в ней только не бывает.

Много лет с тех времен прошло, но знаешь, Полечка: по ночам, когда годы стучатся в окно, напоминая о возрасте, я думаю о тех, с кем шла по жизни, и плачу, сознавая, что никогда их не увижу. Отпраздновав сорокалетие, погибла сбитая пьяным водителем Рая Мищенко, умерла от сердечной болезни Маша Прохоренко, в далеком Ашхабаде похоронена моя мудрая и жестокая мама Лиза, на могиле которой я так и не побывала. Пропала в необъятном мире сестра Светлана. Мое поколение исчезает, освобождая место для следующих. Я чужая для них, - как и они для меня. Но, ожидая неизбежное, я содрогаюсь, вспоминая пророчество Девы, предрекшую мне смерть в сумасшедшем доме, среди чужих людей, забытую сыном и внуками.

ЖЕНЩИНА БЕЗ ЛИЦА

Заходите, детки, заходите! Родик, что ты такой несмелый? Заболела я, внучата мои, второй день с постели не встаю. Спасибо, Саша вчера навестил, два ведра воды принес, картошку пожарил, а то и не знаю, что делала бы. Одинокому человеку всегда плохо.

А прошлую ночь мама Лиза – покойница – в дом приходила. Слышу во сне: дверь скрипит. Открываю глаза, а мама Лиза стоит возле кровати, говорит: "Пойдем, доченька!". Начала подниматься, а потом опомнилась и обратно легла. Мама Лиза еще раз позвала и ушла. "Слава Богу! – думаю. – Поживу еще".

Понимаю, почему приходила: узнала, что я письмо нашла. Старый письменный стол треснул, пыталась его починить, и случайно потайной ящик в столе обнаружила: в нем письмо и лежало. Я, конечно, его прочитала, хотя и не мне адресовано. Странное дело: отца полгода как похоронили, а мама Лиза письмо ему пишет. Я из письма многое поняла и вам хочу прочитать: события, в нем изложенные, нашего рода касаются. Только тихо сидите, не толкайтесь и мне не мешайте.

"Володенька, Володенька, как тяжело без тебя, мой милый! В каждое завтра, как в пропасть, заглядываю, боюсь в беде оказаться и одной от нее не избавиться. Как мог ты меня оставить, обещавший, что навсегда вместе?! Помнишь ресторацию на Васильевском острове: ты уговаривал остаться, не ехать в Париж, твердил, что родителей и Родину не выбирают, и Россия жива, пока есть люди, которых она воспитала. А потом - страшные времена нищеты и бегства от смерти, и вечер после похорон Олечки, когда ты просил прощения: что ошибся, и Россия - это Москва и Петербург, остальное - не наше, чужое. Помнишь мои слова, которым ты не поверил, что я горжусь нашим выбором и тем, что наши дети и

внуки будут говорить на языке отечества? Володенька, я семейные корни лишь сейчас почувствовала, и сладость хлеба, потом своим пропитанного, ощутила, - это голову кружит сильнее, чем шампанское и созерцание Темзы. Наш род в труде, а не в покое счастье находит, и девиз на гербе графов Мудраков "Не победа, а битва" с кровью, как наследство, передается.

"Вместе с проклятьем Серафима" - добавишь ты и я, как всегда, замолчу. В роду две линии идут: одна светлая, на спасение от нечистой силы настроенная, другая - ведовская, чарами проклятье поддерживающая. Мою бездетную сестру-колдунью еще до революции серебряной пулей убили, а я осталась, и теперь в своих детей всматриваюсь: кто по какой дороге пойдет? Светлая - это Лидочка, не сомневаюсь, а темная... Сначала на Олечку думала, а после ее смерти на Дашу мысли падают. Гриша - он в стороне, кроме книг, ничего не видит. А больше в нашей семье никого нет: ни родных, ни приемных.

Снова пишу тебе, Володенька. Вспомнила о беде - и она в окно заглядывает. Лида у нас заболела: да такой болезнью, что врач теряется. Лоб горячий, от еды отказывается, бредит и меня за руку держит, не отпускает. Дашу послала, чтобы знахарку Пелагею привела: вдруг сглаз или порча?! Пелагея посмотрела и говорит: "Знаю, как Лиду любишь, но это не колдовство, а судьба. Разве что, если хочешь, на другого ребенка попробую перекинуть. Выбери: Гриша или Даша?"

- Даша - отвечаю, - а что еще говорить? - а на сердце так тяжело, словно Сизифов камень толкать заставляют.

- Это для рода нужно - себя успокаиваю. - Чтобы светлая линия не прервалась.

- Хорошо, - Пелагея поднялась и к двери направилась - Где живу - знаешь. Придешь к полуночи: без твоего материнского слова заклятье не закрепится.

День провела, будто в аду. Гляжу на Дашу, на Лиду - и слезы градом катятся. Даша волнуется, обнимает меня: "Мама, что с тобой, мамочка", а я остановится не могу. Сбегала в ларек, на последние деньги купила, что повкуснее, Дашу кормлю. Она отказывается, не понимает, Лиде и Грише все относит. А я ее есть заставляю.

Уложила детей спать, а когда время к полночи приблизилось, к Пелагее отправилась. Как-то свыклась уже, что сделать придется, и даже радоваться начинаю, что Лида выздоровеет.

Ночь - как по заказу: тихая, августовская. Луна о своем думает, звезды друг дружку на землю выталкивают, белыми полосками небо расчерчивают. Прошла мост - речка журчит, спросить о чем-то хочет, - отмахнулась от нее, перекресток миновала и к Пелагеиному дому свернула: стоит пригнувшись, словно филин настороженный.

Пелагея иконы из комнаты убрала, ветками ивы окна занавесила и над каким-то варевом в котле колдует.

- Садись рядом, - приказывает. - Через полчаса все закончиться.

Открыла книгу и нараспев заклинания читает. Я робкой никогда не была, всего повидала, а тут страх за горло схватил. Тени над котлом мелькают, в чудовищные картины сплетаются, звуки ужасные раздаются. А потом лист синего пламени засверкал и Даша в нем показалась.

- Ну! - Пелагея толкает. - Говори свою волю.

- Не могу! - вдруг из меня вырвалось. Вскочила и ногой по котлу ударила: на пол все опрокинулось, комнату дымом заволкло и огонь вспыхнул.

- Дура, что наделала?! - Пелагея кричит, - Это адское пламя, его ничем не успокоишь!

И тут мне слова на ум пришли, словно шепнул кто-то: произнесла их и пламя исчезло, а дым через открывшуюся форточку вылетел.

Пелагея упала на табуретку, сидит, меня рассматривает:

- Я уже с жизнью попрощалась, - спокойно так произносит. - Совсем ты, Лиза, шальная: радуйся, что с заклиниванием повезло. Кстати, откуда оно: впервые о таком слышу?!

- Не знаю, - бормочу растеряно. - Тебе не кажется, что кто-то вместо меня все делает?

- Вряд ли: я бы почувствовала. - Пелагея с сомнением покачала головой. - Хотя история странная: напрасно я с тобой связалась. А что теперь: Лиде неделя осталась, не больше!

- Буду думать - отвечаю. - Знаешь, Пелагея, все-таки судьба - это воля Бога, а то, чем занялись, на убийство похоже"

Пелагея пожала плечами: "Тогда жди Женщину без лица. А пока уходи: мне в комнате до утра работы хватит!

Выгнала, и плату взять отказалась.

Переспала, корову подоила, свиней, кур и гусей покормила, и возле Лидиной кровати замерла. Лицо у дочери воспаленное, дышит тяжело, глаз почти не открывает: "Боже, - шепчу, - как тяжело ты наш род наказал!"

Даша поднялась с постели, зевает: "Мама, такой сон страшный снился!"

Сверкнула на нее глазами:

- Хозяйством займись, у меня руки совсем опустились.

Послушалась, побежала. Гриша в школу ушел, а я сундучок старинный с родовыми документами открыла. Когда ежовщина началась, я документы о дворянском происхождении сожгла, а письма и рукописи сохранила, - и стала просматривать: вдруг на нужное заклятье наткнусь! Кое-что высветилось: пусть и сомнительное, но позволяющее мыслям в мостик надежды выстроится.

Володенька, я помню, что ты когда-то рассказывал. Смерть - санитар земли, периодически очищающий поле жизни от дряхлеющих, больных или заблудившихся поколений. Она не от Света и не от Тьмы, она сама по себе: проводник душ в астральный мир, выбираемый человеческими делами. И план спасения дочери был рассчитан мной на краткий миг, когда Смерть общается с Хранителем судьбы, поскольку без его согласия она не заберет душу из тела.

К Пелагее сходила, ее книгу заклинаний прочитала. Знание - как гардероб с одеждой: никогда не знаешь, по какой погоде что пригодится, - чем больше его накапливаешь, тем удобнее жить получается.

Суечусь возле Лиды, а той хуже становится. Врач ходить перестал, да я и не зову: понимаю, что бессилья стесняется. Хозяйство забросила, Гриша и Даша словно бездомные, бог знает чем занимаются. Даша кота с помойки притащила: рыжий, худющий, орет по ночам, - хотела выбросить, но посмотрела, какой несчастный и перепуганный, и жалко стало. Теплой водой вымыла, покормила, - и не возразила, когда возле Лиды пристроился. Домашние животные не только для радости, но и для пользы даны: собаки энергией хозяев подпитывают, а кошки болезненные токи забирают. И Лиде легче стало: обняла Рыжика и уснула под его мурлыканье. Бедная моя девочка, кровиночка ненаглядная: свою бы жизнь вынула, только бы тебе остаться!

Женщина без лица недоступной слыла, ничьей воле не подчинялась. О ней говорили много, а знали мало, и страх перед ней был такой, что словами не передать. Находились смельчаки, на randevу напрашивавшиеся, но их за своеволие не любили и даже церковь вне кладбища хоронила. Слышала я, кое-кто в прятки с ней играть пытался, но в основном, кто к Женщине без лица обращался, на колени падали и пощады просили. Но в эту очередь я не торопилась: понимала, что собеседника уважать должны, иначе разговор не получится..

В то утро я до рассвета встала. Помолилась святым и заступникам, живность накормила, в доме убралась, Гришу и Дашу к друзьям вытолкала, велела до вечера не появляться. Посидела, отдохнула и снадобье, вечером приготовленное, приняла: оно астральный мир позволяло видеть и с его обитателями общаться. Я этот рецепт в рукописи графа Мудрака обнаружила, но не слышала, чтобы им пользовались, - и поняла, почему, увидев преображение знакомого мира. Краски исчезли и в прозрачной пустоте замерцали сущности предметов - они, оказывается, даже у камней были. Растерялась вначале, не могу понять, что есть что; но приноровилась, даже ходить, не натываясь коленками, смогла. Вышла во двор, села на лавочку, жду. За Лиду не беспокоилась: возле ее кровати еду и прочее еще раньше поставила. Час пролетел, два - калитка в воротах распахивается и Женщина без лица входит. В отличии от астральных сущностей, одежда ее всеми красками играет: сапожки красные, сафьяновые, юбка с блузкой узорами расшиты, веночек из живых цветов черноту волос оттеняет. Вот только лица не видно, какое-то меняющееся, с непонятным возрастом: то древней старухи, то девочки, то зрелой женщины. Идет к двери, на меня внимания не обращая, и тут я восклицаю:

- Пойдите: разговор есть!

Остановилась, смотрит:

- Ты меня видишь? Ах да, конечно.

Подождала и сердито так:

- Чего хочешь? Учти: я тороплюсь.

- Разговор для троих предназначен: Хранителя судьбы подождать надо.

- Войдем в дом: он там.

Зашла в комнату, я за ней. Сидит на кровати возле Лиды молодой парень в белом костюме и меня разглядывает.

- Мы слушаем, - Женщина без лица поторапливает.

Собралась заговорить - и чувствую, как астральный мир исчезать начал: действие снадобья заканчивается.

- Умоляю, - прошу испуганно, - давайте в обычный мир перейдем.

Женщина без лица отрицательно головой покачала, отвернулась и к Лиде направилась: я прыгнуть на нее собралась, чтобы от Лидиной кровати оттащить, но тут парень поднял руку:

- Выполним ее просьбу!

И тот час все вокруг привычными красками заиграло. Парень как сидел на кровати, так остался сидеть, а Женщина без лица в старуху превратилась: злую, страшную, глаза словно омут - так и тянут окунуться и в нем остаться. Совсем загипнотизировала, но тут Рыжик о мои ноги тереться начал, я и отвлеклась. Лида спит, в комнате тихо: я для старухи стул поставила и сама на табурет уселась.

Ты помнишь, Володенька, в Смольном у меня всегда "отлично" по логике выводилось. Преподавателем у нас Яков Брунс был, из остзейских немцев: он многому меня научил.

- Я сейчас не как мать, а как старшая в роду говорю. - начинаю спокойно ("Чем сильнее отвлечешься от предмета спора, тем лучше будешь его видеть" - с этой аксиомы Брунс когда-то начинал свои уроки) - Назначение рода: продолжить себя в будущем, а вы нас этого лишаете. Забирая Лиду, вы светлую линию в роду зачеркиваете. Почему?

"Чтобы противник прислушался к твоим словам, задай ему вопрос - объяснял Брунс - Это - единственная возможность заинтересовать его предметом спора, если спор изначально ему неинтересен".

Парень, до этого равнодушно смотревший в окно, повернулся ко мне, а старуха, не скрывая пренебрежения, бросила:

- Возвращаю вопрос: родов на земле миллионы. Почему к вашему должно быть особое отношение?

- Особенным нас сделало проклятие Серафима. Если от него отталкиваться, то Лидино поколение седьмое по счету: проклятье на нем завершиться или начнется заново.

- Чего вы требуете? - спросил парень. Голос у него оказался звучным и мелодичным.

- Равенства возможностей. Дайте Лиде полную жизнь, не обрывайте в малом возрасте. Сопоставимость светлой и темной линии подведут итог родовой судьбы, - и единственная надежда на то, что светлых дел окажется больше. Третий век мы живем на пределе сил, зная, что тяжелые ситуации вы, Высшие силы, не облегчите, а ухудшите. Но сейчас испытание, которое мы не выдержим.

- Не спешите с обвинениями - предостерегающе поднял руку Хранитель. - Сотворенное вами заклятье обязывает нас выслушать, но не прислушаться. Не сваливайте на нас то, что должны сделать сами. Помните Олину гибель?

- Конечно! - насторожилась я.

- Ее выбор спас всех вас, потому что в ту ночь из развалин должен был по судьбе выбраться только один из семьи.

Если Хранитель хотел меня ошеломить, то цели достиг. Я растерянно замолчала, возвращаясь мыслями в ту страшную ночь, потом опомнилась: "Об этом - потом. Главное - сегодняшнее"

- Спасибо за эти слова, но они обращены к прошлому, а я забочусь о будущем. Вы оставите Лиде жизнь?

- Нет ничего отважнее глупости - хмыкнула Женщина без лица, обращаясь к Хранителю.

- Вы нас не убедили, Елизавета Январовна! - с сочувствием сказал Хранитель. - Вы не все знаете и во многом ошибаетесь, но главное в том, что Лидина смерть предрешена судьбой, и не мне, и не ей - Хранитель кивнул головой в сторону Женщины без лица - ее изменять. У нас нет права на корректировку судеб, мы исполнители, а не законодатели.

- Надежды нет? - глухо, с отчаянием, спросила я.

- Нет - старуха начала расплываться, превращаясь в полоску тумана, то же самое происходило с парнем. Я сидела, растерянно глядя на то, что осталось от моих недавних собеседников, потом посмотрела на проснувшуюся и заматавшуюся со стоном Лиду - и залилась слезами.

- Остановитесь! - вдруг прозвучал громкий и ясный голос. - Дайте ей надежду!

В комнате сверкнул странный свет, напоминающий сплав солнечного с лунным. Вновь видимые Хранитель судьбы и Женщина без лица стояли возле Лиды и с изумлением смотрели туда же, куда и я: на Рыжика, превратившегося в ангелоподобное существо.

Несколько секунд в комнате царил абсолютная тишина: потом Женщина без лица и Хранитель судьбы покорно склонили головы и исчезли; пропал и тот, чье имя осталось неизвестным.

- Мама! - вдруг позвала Лида. - Что случилось, мама?!

Усевшись на кровати, Лида растерянно оглядывалась по сторонам. Я подошла и положила ладонь на ее лоб. Температура оказалась нормальной, болезнь отступила.

Так и закончилась, Володенька, эта история. Вспоминая ее, радуюсь за Лиду, за наш род и пытаюсь понять слова Хранителя судьбы, утверждавшего, что я ошибаюсь. Кого он имел в виду: Лиду? Он ведь не прав, Володенька?!"

Что, детки, притихли! Интересно, не правда ли?! Жизнь - череда поступков: совершаемых или пропущенных, и усилия сегодняшнего дня создают завтра, в котором мы проснемся. Живите отважно, избегайте страха и лени, и никогда не отказывайтесь постучать в дверь, куда надо войти. Даже если вас там не ждут.

СКАЗАНИЕ О ВЕЧЕСЛАВЕ МУДРАКЕ

СКИТ

Лес кричал страшными голосами, выталкивая из темноты ужас полуночных рассказов. Сверкнувшая молния высветила лесную тропу и Вечеслав обрадовался, заметив впереди поляну - большая часть пути пройдена.

- Бесовский лес, - оглянувшись Вечеслав. - Не зря нам говорили.

- Не поминай нечистого всеу, - предупредил Серафим, стараясь не отстать от широко шагавшего Вечеслава. - Накличешь.

Вячеслав знал, что младший его на год девятнадцатилетний Серафим почти пять лет пробыл в Афонском монастыре, а до этого, как и Вечеслав, учился в Киевской Могиланской академии. Вечеслав жил затворником в келье Секульского монастыря, откуда его вызвала грамота Киевского митрополита, велев прибыть в Митрополянский скит: обитель, расположенную в чаще леса, прозванного народом "Темным". Три дня назад, заночевав в Марфином монастыре, Вечеслав встретил направлявшегося в скит Серафима и предложил идти вместе.

Вот и поляна. Подождав отставшего Серафима, Вечеслав сделал шаг и замер: на противоположной стороне находилось нечто, представляющее опасность.

- Разбойники? - Вечеслав покачал головой: таившееся впереди зло отношения к человеку не имело.

Стоявший рядом Серафим начал креститься и бормотать молитвы. Словно в ответ в метрах двадцати от иноков засветилось синим светом перевернутое с ног на голову громадное изображение креста.

- Господи, помилуй! - ахнул Вечеслав, творя охранительную молитву. Бывший его наставник в Секульском монастыре, отец Нестор, рассказывал, что встретившие Символ Ложной Веры обычно погибали - физически или духовно.

Воздух вокруг них уплотнился, потяжелел и незримая сила начала вдавливать иноков в землю.

- Преклони колени, уверуй - и спасись! - раздался звучный голос. Сияние креста усилилось и стало нестерпимым.

- Изыди, проклятый! Не поддамся! - задыхаясь, крикнул Вечеслав, стараясь удержаться на ногах. Мышцы тела, казалось, лопнут, не выдержав напряжения, а он провалится в преисподнюю.

Рядом послышался стон: Серафим падал. Подняв стопудовую руку, Вечеслав схватил Серафимову ладонь и потянул к себе. - и вдруг ощутил, как часть тяжести со спины словно исчезла.

- Круг! Отец Нестор говорил о круге! - вспомнил Вечеслав.

Воздух вспыхнул, протянув огнедышащую завесу между иноками. Зажмурив глаза и крича от боли, Вечеслав протянул вторую руку сквозь стену огня и, нащупав правую ладонь Серафима, крепко ее сжал..

Огонь полыхнул удесятеренным жаром, ударил Вечеслава в лицо - и опал, бессильно скользнув вниз.

Минут пять иноки стояли со сцепленными руками, не смея поверить своему спасению, потом Вечеслав открыл глаза и посмотрел вокруг. Крест исчез - вместе с грозой и молниями, - и лес, недавно такой пугающий, наполнился звуками обыкновенной жизни: заухала где-то сова, пискнула в траве мышь, упала, задетая ветром, подгнившая ветка дерева.

- Пойдем! - Вечеслав осторожно расцепил руки - целые, без следов ожога, - и шагнул вперед. Чувствовал он себя таким усталым, словно сутки грузил на мельнице мешки с мукой, - но дух его ликовал.

- Спасибо! - догнав Вечеслава, произнес Серафим. - Если б не ты...

- А, пустое! - отмахнулся Вечеслав. - Бога поблагодарим: он нас вызволил!

Через полчаса показался Митрополянский скит. Открыв на стук ворота, привратник, зевая, объяснил, что братия служит всенощную, а для иноков приготовлена гостевая келья: пусть ложатся спать.

Утром гости предстали перед настоятелем. Прочитав митрополитовы грамоты - как Вечеслав и предполагал, у Серафима была такая же, - настоятель вызвал службу и велел поручить иноков заботам отцов Антония и Леонида.

Вечеслав достаточно постранствовал, чтобы суметь скрыть удивление при виде будущих наставников. Высокий, худой, с аккуратно подстриженной черной бородкой и пронзительными серыми глазами, отец Леонид напоминал военачальника, тогда как толстенький, безбородый, со сверкающей на голове лысиной и бесстрастным лицом отец Антоний если и походил на божьего служителя, то скорее буддийского, чем православного вероисповедания. Позже выяснилось, что Вечеслав почти угадал: отец Леонид более двадцати лет служил в Париже у иезуитов, занимаясь анализом разведывательных данных и разработкой военных операций, а отец Антоний долгие годы провел в горах Тибета, став доверенным лицом буддийского ламы. Оба тайно исповедывали православие и, получив необходимые знания и навыки - за добычей которых их когда-то отправили - вернулись на Украину, приговоренные к смерти бывшими руководителями.

Выслушав отчет иноков о путешествии, наставники долго молчали.

- Могло быть хуже - первым высказался отец Леонид. - Было отобрано шестнадцать наиболее талантливых юношей, в Митрополянский скит дошло девять. Трое погибло, один найден юродивым, трое исчезло.

- Да, могло быть хуже, - согласился отец Антоний. - Девять человек: подготовленных, со специальными знаниями - серьезная сила.

И добавил, обращаясь к инокам:

- Сейчас вам покажут келью, где будете жить. С завтрашнего дня начнутся занятия - во славу Божью. Идите.

Оставив в келье свои узелки, Вечеслав и Серафим помолились в храме, походили по окрестностях скита, познакомились с пришедшими ранее иноками и, отстояв вечернюю службу, отправились почивать.

Занятия проходили в большой комнате, напомнившую Вечеславу Могилянскую академию. Откашлявшись, отец Леонид произнес речь, запомнившуюся инокам на всю жизнь:

- Одна из легенд рассказывает, что когда Люцифер, первый и самый любимый ангел Бога, восстал, захотев неограниченной власти, те, кто поддержал его, стали "черными ангелами", а оставшиеся защищать Божественный престол получили название "белые ангелы". Но небольшая часть светлокрылых под именем "серые ангелы" отказалась участвовать в борьбе за небеса и ушла на землю, помогая людям в их нелегкой жизни.

Митрополит окрестил вас "серыми ангелами" - почему и рассказал я легенду. Ваше пребывание в ските и то, что вы в течении трех лет будете изучать, является одним из важнейших секретов нашей церкви. Все вы обладаете незаурядными способностями, умеете изгонять из человека беса, общаться с людьми разных уровней; Серафим и Макарий - ясновидящие. Каждый по году и больше исполнял обет молчания.

Я и отец Антоний научим вас искусству управлять людьми и событиями, усовершенствуем дух и тело, дадим вашему уму необходимые знания.

Украина переживает сложнейшие времена. Польский король, турецкий султан, крымский хан, русский царь стремятся превратить Украину в ленное владение, подчинить своему светскому и религиозному влиянию. Решается вопрос: быть Украине независимой или навсегда остаться под мусульманской или католической пятой.

И вы - наше главное оружие, с вами наша церковь связывает надежду на будущее.

В церковь приходят, чтобы спасти себя. Ваша задача - спасти церковь, чему необходимо учиться. Вы готовы?

- Да! - раздался дружный ответ.

Вечеслав посмотрел на иноков: их переполняло то же, что и его - восторг, вдохновение и желание до конца пройти указанный Богом путь.

ГЕТМАН

Стоя у окна, Вечеслав наблюдал, как приближается к крыльцу кавалькада всадников, составлявших охрану и свиту гетмана малороссийской Украины Ивана Выговского. По положению Выговскому полагалась карета, но разве мог запорожский казак трястись в панской игрушке - вот и ехал на буланом коне, держа в руке гетмановскую булаву и размышляя, достаточные ли почести оказывает ему Юрий Хмельницкий, предложивший встретиться для важной беседы.

Соскочив с коня, Выговский бросил поводья подбежавшему казаку и, подойдя к спускавшемуся с крыльца Юрию, обнял его и троекратно поцеловал.

- Пора! - отвернувшись от окна, Вечеслав остановился перед висевшей в углу иконой с горевшей лампадой и, опустившись на колени, начал погружаться в транс, отключая от сознания внешние воздействия. Достигнув отрешенности и

проверив энергетические поля эфирного тела - нет ли пробоин или повреждений, - Вечеслав отделил его от физического тела и отправил, нырнув в астральное пространство, в столовую, где гость и хозяин уселись за обеденную трапезу. В период учебы в Митрополянском ските отец Антоний часто ругал Вечеслава за увлечение рискованным способом сбора сведений - при столкновении с противником, умеющим пользоваться энергоинформационным оружием, захват в плен или разрушение эфирного тела означали смерть его владельца, но Вечеслав, оказавшийся самым талантливым из "серых ангелов", пропускал ворчание наставника мимо ушей, не веря в возможность противодействия. Отец Леонид говорил о существовании школ, подобных Митрополянской, у всех значительных религиозных организаций, но сферой их действий была Европа или - в меньшей степени - Азия и Московия, а не раздираемая на части поляками и татарами нищая Украина.

Астральное пространство особняка Вечеслав изучил сразу по приезде, месяц назад и, лавируя между мерцающими сущностями, быстро достиг столовой, где, перейдя из астрального поля во временно-пространственное, начал анализировать Выговского, которого он должен был заставить отказаться от гетманства, передав булаву Юрию Хмельницкому. Объект сложности не представлял: наметив, в каких местах удобней взломать эфирную оболочку Выговского и внедрить соответствующую программу, Вечеслав приготовился вернуться в астральное поле - и обнаружил, что оно исчезло. Не раздумывая, Вечеслав метнулся в сторону, успев заметить, как удар чьей-то энергии обжег угол, где только что находилось его эфирное тело.

- Кто противник? - мелькнула мысль и Вечеслав, отказавшись от бессмысленной игры в прятки, остановился и посмотрел на свиту: два упившихся казацких полковника, невероятно красивая любовница гетмана, равнодушно жующая кусочки мяса, пять казаков охраны, еще один полковник, но не пьяный и внимательно изучающий Хмельницкого, писарь - как он смотрит в мою сторону! - и усмехается. Да, это писарь.

Вечеслав оглянулся по сторонам: спасения не было. Закрывать астрал - среди "серых ангелов" это умели делать только наставники. Сейчас последует незримый для присутствующих энергетический удар - и отправиться Вечеслав к Богу раньше отмерянного природой срока.

Глаза писаря напряглись и расширились. Эфирное тело Вечеслава затрепетало, готовясь к неминуемому распаду - и в это время сидевшая рядом с писарем любовница Выговского размахнулась и ударила писаря по лицу.

- Сволочь! - взвизгнула она. - За коленки хватает!

Шум за столом стих: все уставились на виновников инцидента. Ошеломленный ударом, писарь снял блок с астрала - и Вечеслав, нырнув эфирным телом в открывшееся поле, быстро притянул его и надел на себя.

Вечеслав понимал, что его спасло чудо и нужно бежать: с таким сильным противником он не справится. Но провалить задание, от результата которого, как объяснил митрополит, зависит будущее Украины? А что подумают наставники и товарищи?

Отец Леонид учил: в поединке главное - умение определить слабые и сильные стороны противника, чтобы навязать бой в варианте, где противодействие врага окажется минимальным. Судя по грамотному действию писаря в

энергоинформационном поле, у Вечеслава остается единственная возможность - и ею нужно воспользоваться.

На решение Вечеслава повлияло рассуждение о том, что действия гетмановской любовницы не могли быть случайными - слишком целенаправленными и своевременными они были. Вечеслава спасли, - но сделавший это человек должен обладать способностью видеть энергоинформационное поле - умение уникальное и специально развиваемое только в секретных школах. Но среди учеников таких школ не могло быть женщины - это закон всех церковных и светских организаций.

Поднявшись с колен, Вечеслав направился в столовую. Судя по разговорам, обед заканчивался, и Вечеслав, открыв дверь, зашел в комнату, стремясь держаться так, чтобы от писаря его заслоняли сидевшие за столом казаки.

- А вот и мой духовник! - воскликнул Хмельницкий. - Садитесь, отец Вечеслав, отведайте, что Бог послал.

Уловив напряженный взгляд писаря, Вечеслав быстро согнулся в поклоне - и направленный в голову удар энергии лишь опалил ему волосы.

- Торопишься! - подумал Вечеслав, бросив взгляд на противника. - Да и вина много выпил.

Атакуя энергией тела, нападающий в момент броска вынужден снять с себя защитный экран, - и Вечеслав успел вбить в образовавшуюся на мгновение брешь программу, распалюющую ненависть.

- Ну и мерзкий поп! - захохотал писарь. - Так и двинул бы кулаком по роже!

- Вот и стукни его, если хочется! - толкнула писаря локтем гетмановская любовница. - Или ты, Федор, только хвастать умеешь да чужих баб за коленки хватать.

- Она мне подыгрывает, - понял Вечеслав. - Почему?

Состроив ханжескую физиономию, Вечеслав подошел к Федору и прогнусавил:

- Отринь грешные мысли и покайся, сын мой!

Расчет Вечеслава оправдался: дважды потерпев неудачу в энергоинформационном поле, подталкиваемый чувством ненависти и гогомом казаков - чтя православную церковь, казаки пренебрежительно относились к ее служителям, и сейчас посмеивались, ожидая развязки, - Федор, уверенный в своей физической силе, вскочил на ноги и, размахнувшись, нанес удар рукой, метя Вечеславу в висок. Повернув голову так, чтобы кулак лишь слегка задел лоб, Вечеслав, притворяясь оглушенным, рухнул на Федора, незаметно вонзив скрещенные пальцы в болевую точку, надолго лишаящую человека сознания. В Митрополянском ските отец Антоний ежедневно учил "серых ангелов" приемам рукопашной борьбы тибетских монахов, в одиночку побеждавших толпу противников - и знание этих, неизвестных в Европе приемов в который раз спасло Вечеславу жизнь.

Увидев упавшего на пол и застывшего без движения Федора, казаки замолчали.

- Проверь, что с ним - приказал Выговский одному из охранников.

- Дышит, - приложив ухо к груди Федора, сказал охранник. - Отступился, наверное, спяну, и ударился, когда падал.

- Вынесите его в горницу, положите на лавку - пусть проспится, - махнул рукой Выговский. - Я ему всегда говорил, что он пить не умеет. А поп жив?

- Да, милостью божьей - ответил, поднимаясь с пола, Вечеслав.

- Лоб у тебя каменный, что ли?! - поразился Выговский. - Федор коня кулаком сшибал.

- Бог милостив, - поклонился Вечеслав. - Отвел руку душегубца.

- Что ж, пообедали, потешились - пора к делу - заключил Выговский, наблюдая, как казаки выносят Федора в горницу. - Пойдем в кабинет, Юрий: что там за важный разговор?

- Идем! - повернулся Юрий, предложив жестом следовать за ним.

Натура у Юрия была безвольная, ленивая, и если б не отсвет славы знаменитого отца, не стала бы церковь делать на него ставку. Но выхода не было: Иван Выговский, заключивший в 1658 году секретный договор с поляками, а недавно, отказавшись от Переяславского договора, в союзе с татарским ханом разгромивший под Конотопом российское войско, приводил на Украину власть иноверцев. Московская церковь, разделенная на части войной между протопопом Аввакумом и патриархом Никоном, помочь не могла, и Киевский митрополит, тайно приехав в Митрополянский скит, поручил "серым ангелам" разработать и осуществить операцию по передаче гетманства Хмельницкому.

Сделав несколько шагов, Выговский оглянулся - и Вечеслав, используя эфирные провалы глаз гетмана - наиболее неустойчивое место защиты в оборонительных сооружениях человеческого организма - ввел в него программу покорности. Выговский вздрогнул, поднял руку к лицу, словно отгоняя что-то, и, тяжело вздохнув, вошел вслед за Юрием в кабинет.

Странное поведение гетмана свиту не заинтересовало: так и не встав из-за стола, она допивала вино и делилась забавными историями, только тот самый трезвый полковник хмурил брови, недоуменно глядя на дверь кабинета, да гетмановская любовница весело посматривала на Вечеслава, словно говоря: "Знаю, все знаю!"

Пройдя через горницу на улицу, Вечеслав подошел к просящему милостыню старику - через него митрополит поддерживал связь с Вечеславом.

- Немедленно уходи! - тихо произнес Вечеслав. - Скажешь митрополиту: в горнице Хмельницкого лежит без сознания писарь Выговского по имени Федор - через час он очнется и натворит много бед. Его нужно выкрасть и изолировать: он опасен. Торопись!

Молча поклонившись, нищий сунул миску для сбора медяков в грязную торбу и быстро ушел.

Вернувшись в дом, Вечеслав поспешил в свою комнату; став на колени и погрузившись в транс, отправил эфирное тело в кабинет Хмельницкого.

Разговор здесь подходил к концу.

- Ладно, откажусь я от гетманства - словно пересиливая себя, нехотя говорил Выговский. - Но старшины могут поддержать не тебя, а какого-нибудь горлохвата.

- Вот письма - улыбнулся Юрий. - Старшины - все до единого - клянутся отойти от тебя и отдать голоса мне.

Обработкой казацких старшин занимался Серафим - и справился с этим блестяще.

- Хай ему черт! - выругался Выговский, просмотрев письма. - Давай бумагу: подпишу отказ от гетманства. Прав был Федор, отговаривая от поездки!

Размашисто расписавшись, Выговский швырнул бумагу Юрию и вышел из кабинета.

- Уезжаем! - загремел его голос. - Федора не забудьте: везите на носилках.

Свита засуетилась, собираясь в дорогу. Вернувший эфирное тело Вечеслав с досадой думал о том, что митрополит запоздал и Федор, очнувшись, заставит Выговского объявить отказ недействительным.

- Пан гетман, Федор мертв! - услышал вдруг Вечеслав испуганный голос кого-то из казаков..

- Хай ему черт! - воскликнул Выговский. - Это, наверное, поп: он выходил в горницу. Схватить его!

- Пойдите, пан гетман! - раздался рассудительный голос заинтересовавшего Вечеслава полковника. - Вины попа нет. Я видел, как пани Мария, приведя Федора в сознание, лила ему в рот какое-то зелье.

- Где она? - заорал Выговский. - Где эта бисова девка?

Началась суматоха. Вскоре гетману доложили, что пани Мария, сев на коня, куда-то ускакала, передав, чтоб ее не ждали.

- Клята поездка! - ругался Выговский. - Ладно, трогай!

Стоя у окна, Вечеслав наблюдал, как кавалькада, уменьшившись на двух человек, пустилась в обратный путь.

Через месяц Казацкая Рада избрала новым гетманом Юрия Хмельницкого, подтвердившего Переяславский договор и в союзе с русским войском начавшего вытеснять с украинских земель татар и поляков.

КОРЧМА

Приближался вечер. В монашеской одежде, плаще, с котомкой за плечами Вечеслав ничем не отличался от идущих по дороге странников и сидевших на телегах крестьян. Изредка попадались военные отряды: их гомон и звон оружия был слышен издали, и Вечеслав, избегая ненужных расспросов, сходил с дороги, пережидая, когда отряд проедет мимо.

Объяснения отца Леонида, отправившего Вечеслава в путь, сводились к следующему: церковная разведка донесла, что гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко собирается принять подданство турецкого султана, пообещавшего оказать помощь в борьбе казаков против Москвы и Польши. Переговоры Киевского митрополита и Дорошенко успеха не принесли и Вечеславу поручили любыми доступными для "серого ангела" методами вразумить упрямого гетмана, избравшего опасный для Украины и уже погубивший Юрия Хмельницкого путь. Срок задания установлен не был - и Вечеслав не поспешал, задерживаясь по дню и больше в понравившихся местах.

Лето 1664 года не торопилось заканчиваться. Августовские дожди отошли, солнце поглаживало по щекам, и было приятно идти по твердой, не заболоченной грязью дороге. Утомившись, Вечеслав садился у ручья, слушал шепот воды, вспоминал детство - оно прошло неподалеку, в деревне Беличи, откуда Вечеслав, похоронив умерших от болезни родителей, десятилетним мальчишкой отправился в Киев, навсегда связав свою судьбу с церковью. Тогда это казалось счастьем, а сейчас, в тридцатилетнем возрасте, Вечеслав удивлялся своей жизни, заполненной молитвами, непрерывной тренировкой ума и тела, заданиями, обычно заканчивавшимися чьей-то смертью, и полной подчиненностью законам тайной службы, требовавших молчания и одиночества. "Серых ангелов" боялись не только враги, но и те, чьи интересы они защищали: слишком мощными и губительными умениями они владели. Отец Леонид рассказывал, что новый киевский митрополит, продолжая пользоваться услугами "серых ангелов", запретил набор учеников в школу Митрополянского скита, - зная, что из девяти "серых ангелов" в живых осталось четверо: выполняя задания, двое погибло в Италии, один - в Стамбуле, двоих убили в Варшаве. За "серыми ангелами" и

особенно их наставниками шла охота всех секретных служб Европы и Азии - и только строжайшая конспирация и непроходимая чащоба Темного леса спасала Митрополянский скит от вражеского нашествия.

Неоднократно рискуя жизнью, Вечеслав оставался жив, хотя в некоторых эпизодах - как в деле Выговского - его спасло чудо. По крохам информации, собранной отцом Леонидом, удалось потом установить, что писарь Федор был послан иезуитами, а в двух важных политических историях, случившихся в Берлине и Париже, упоминалась девушка, похожая на таинственную пани Марию.

Миновав Верхнеглебовскую рощу, Вечеслав решил заночевать в двухэтажной придорожной корчме, принадлежавшей польскому еврею. Сделал он это неохотно: монашеская одежда в подобных местах вызывала недоумение, а то и насмешки, словно ее владелец не обладал такими же естественными потребностями сна и еды, как остальные люди.

Обеденная зала пустовала, только в дальнем углу корчмы, сдвинув столы, сидело человек десять вооруженных шляхтичей, запивая вином пожаренное на вертеле мясо. Выяснив, что одна из верхних комнат свободна, Вечеслав заплатил за ночлег и, велев принести ужин в комнату, вслед за чумазым мальчишкой поднялся по лестнице. Комната оказалась просторной, но, кроме большой деревянной кровати, стола и табуретки, в ней ничего не было. Поставив на стол принесенную свечу, мальчишка сунул за пазуху полученный от Вечеслава медный грош и исчез за дверью, чтобы минут через десять появиться с подносом, на котором лежала краюха хлеба и стояли кувшин с водой и деревянная миска с кашей.

Подождав, когда за мальчишкой закроется дверь, Вечеслав закрыл ее на засов, зажег свечу, снял плащ и сел за стол. По привычке, вбитой в сознание отцом Антонием, провел рукой над едой и замер: каша была отравлена.

- Кто-то меня узнал - мелькнула мысль. - Или ждал на этой дороге.

Накинув плащ на плечи и потушив свечу, Вечеслав подошел к окну. Внизу, в сгущающейся темноте, застыл отряд польских драгун. Заметив мелькнувший в окне силуэт, начальник драгун махнул рукой: тот час вспыхнули факелы.

- Так же погиб Николай - отпрянув от окна, вспомнил Вечеслав об убитом в Варшавской гостинице "сером ангеле". - Часть засады сидела в зале, часть ждала снаружи: когда Николай, встав на подоконник, прыгнул вниз, его расстреляли в упор.

- Останусь в комнате, - решил Вечеслав. - Лишь бы не подожгли корчму, а в остальном: воля Божья!

Иллюзий у Вечеслава не было: он понимал, что обречен. От града пуль и сабельных ударов приемы не уберегут, и остается умереть, забрав на тот свет побольше врагов: чтобы живые вздрагивали от страха при упоминании о "серых ангелах". О возможном пленении Вечеслав не думал: это был слишком страшный и мучительный итог жизни, от которого спасало то, что каждый из "серых ангелов" умел останавливать сердце.

Стук в дверь раздался неожиданно и заставил Вечеслава принять боевую стойку: спрашивать постукиванием разрешения войти оставалось европейским обычаем, в Малороссии неизвестным.

Стук повторился. Решившись, Вечеслав отодвинул засов и отскочил на середину комнаты; в приоткрывшуюся дверь быстро шмыгнула невысокая, одетая в черное фигура.

- Не вздумай ударить, а то укушу, - заметив боевую стойку, рассмеялся неизвестный, - точнее, неизвестная, поскольку слова произносились женским голосом, который Вечеслав когда-то слышал.

- Вы - Мария? - всматриваясь в еле видимое в темноте женское лицо, с сомнением спросил Вечеслав.

- Близнецов у меня нет, так что угадал, - вновь засмеялась бывшая гетмановская любовница. И, посерьезнев, добавила:

- Пойдем: тихо, как мышки.

Повернувшись, Мария скользнула обратно за дверь; поколебавшись, Вечеслав последовал за ней.

Лестничная площадка, наполовину освещенная горевшими внизу факелами, была пуста; слышались голоса сидевших за столами и чего-то ожидавших шляхтичей. Опустившись на пол, Мария, держась в тени, переползла на противоположную сторону площадки и, толкнув беззвучно отворившуюся дверь, исчезла внутри темной комнаты; Вечеслав повторил ее действия, ежесекундно ожидая нападения: он не доверял этой женщине, помогавшему ему с неясными намерениями; к тому же его возмущала мысль, что он вынужден подчиняться существу, прозванному в Библии "сосудом греха".

- Придется прыгать, а потом бежать: в лесу стоят приготовленные мною лошади, - шепнула Мария.

Отодвинув рукой женщину, Вечеслав осторожно открыл окно и осмотрелся: никого, кроме расположившихся у костра метрах в тридцати от корчмы четырех драгун.

- Прыгай первая - предложил Вечеслав, думая о том, что если под окном выкопали и замаскировали яму, Мария от прыжка откажется. К его удивлению, Мария молча влезла на подоконник и бесшумным темным пятном упала вниз; Вечеслав сделал то же самое.

Пригнувшись, беглецы двинулись к опушке темнеющего вдали леса. Охрана, ослепленная бликами костра, их не заметила.

Беглецы были на середине пути, когда в корчме послышался шум, замелькали факелы. Из распахнутого окна высунулся человек, громко крикнувший:

- Монах пропал! Смотрите, он бежит в лес! Догнать его!

Сидевшая у костра охрана вскочила на лошадей и ринулась в сторону беглецов; за ними развернулся веером появившийся из-за угла корчмы отряд драгун.

Сняв и отшвырнув плащ, Вечеслав ускорил бег; рядом, хватая ртом воздух, бежала Мария. До опушки оставалось метров десять, когда Вечеслав, поняв, что от погони не уйти, остановился и, крикнув Марии: "Беги, я их задержу!", повернулся лицом к преследователям. Драгуны были так близко, что Вечеслав увидел, как падают из раздираемых уздечками ртов лошадей хлопья пены. Вечеслав поднял руку: светящийся шар энергии приподнял первого всадника и швырнул на остальных. Раздалось дикое лошадиное ржание, смешавшееся с воплями упавших драгун и выстрелами из мушкетов.

Пуля настигла Вечеслава на опушке леса; пошатнувшись, он схватился руками за ствол дерева.

- Ранен? Куда? - испуганно спросила ожидавшая Вечеслава Мария.

- В плечу, - глухо, сквозь зубы произнес Вечеслав, умиряя боль. - Идти я смогу.

- Вот и умница, вот и молодец! - заставив Вечеслава опереться на нее, ласково проговорила Мария, уводя Вечеслава в чащу кустов. - Сойдем с прямой линии: сюда, к оврагу, здесь всадники не проедут.

Несмотря на сгустившуюся темноту, белизна лунного света позволяла ориентироваться на местности; пройдя овраг, беглецы миновали ручей и вышли на поляну, где стояли привязанные к дереву две лошади. Шум погони, все более напоминавший повизгивание потерявшей дичь своры, стих; вероятно, драгуны вернулись в корчму. Как они оказались на его пути, Вечеслава не интересовало: растратив на преследователей почти всю энергию, Вечеслав не сумел остановить текущую из раны кровь и слабел с каждой минутой.

- Давай, миленький, залезай на лошадку - почувствовав его состояние, Мария втокнула Вечеслава в седло, вдела его ноги в стремяна, привязала повод уздечки к луке своего седла и, вскочив на лошадь, направилась медленным шагом через поляну вниз по тропинке.

Ехали долго. Держась за гриву коня, Вечеслав оставшуюся силу направлял на то, чтобы не упасть или не быть скинутым на землю ветвями деревьев, от которых то и дело приходилось уклоняться. Сознание мутнело: словно сквозь пелену он отметил, что лес закончился и они едут по дороге; потом началось большое село, в середине которого за высоким забором раскинулся громадный особняк. Выбежавшие во двор люди бережно сняли Вечеслава с коня и, повинаясь приказу Марии, внесли в дом, чтобы раздеть и уложить в постель. Донесли обрывки разговора - Марии и кого-то, кого она называла "господин лекарь". Устав от напряжения, Вечеслав снял контроль за мозгом - и потерял сознание.

Очнулся Вечеслав от скользящих по лицу лучей солнца. Рядом с его кроватью сидела симпатичная девушка, о чем-то сосредоточенно размышлявшая. Увидев открытые глаза Вечеслава, девушка вскочила и убежала в соседнюю комнату.

- Ваше сиятельство! - услышал Вечеслав. - Больной проснулся.

- В комнату торопливо вошла Мария. Поддержав руку на лбу Вечеслава, она удовлетворенно кивнула головой:

- Кризис миновал. Через месяц можешь бегать наперегонки с зайцем.

- Где я? - спросил Вечеслав, озираясь по сторонам. Комната была большая, с нарядной мебелью и цветным оконным витражом.

- Ты - в моем имении - ответила Мария и, поняв, чего хочет Вечеслав, объяснила:

- Я - графиня Мудрак, бывшая придворная дама французской, а потом польской королевы. Имение я купила у польского короля: он, бедняжка, постоянно нуждается в деньгах.

- Кто ты еще? - вновь спросил Вечеслав.

- Уверен, что хочешь получить ответ? - Мария села возле Вечеслава и взяла его за руку.

- Да! - кивнул Вечеслав головой.

- Я - ведунья, владею магией земли. У нас это наследственное: всему, что умею, училась у матери, пока иезуиты не сожгли ее на костре.
- Вечеслав попытался привстать, но боль ударила с такой силой, что он со стоном упал на подушку.
- Лежи, тебе нельзя вставать - испуганно проговорила Мария - Лекарь вынул пулю и обработал рану, но ты потерял много крови, да и ранение опасное - близко от сердца. Лекарь не поверил, что ты больше двадцати верст проскакал..
- Долго я был без сознания?
- Три дня.
- Та-ак! - Вечеслав задумался: как передать наставникам весть о том, что он ранен и задание выполнить не сможет
- Я могу тебе довериться? - Вечеслав испытывающе посмотрел Марии в глаза.
- Конечно! - мне кажется, я это доказала.
- Как ты оказалась в корчме?
- Я не только французская дворянка, но и польская шляхтичка. Мне много рассказывают, еще больше узнаю сама. Мне сообщили о тебе.
- Что заставило тебя спасти меня - второй раз! Ты ведь католичка.
- Я - ведунья, и мне ваши церкви одинаково безразличны, - сухо объяснила Мария. - А почему спасла... Ответ на этот вопрос все еще невероятен для меня, а для тебя и подавно: я тебя люблю - надеюсь, ты слышал, что означает это слово?
- Да - растерянно произнес Вечеслав. - Но любить можно только Господа Иисуса Христа...
- Пожалуйста: люби Господа, а я буду любить тебя. Я и в Малороссию перебралась, чтобы тебя отыскать: меня сны о тебе замучили.
- Хорошо - Вечеслав прикрыл глаза: об этой ситуации он подумает позже. - Принеси бумагу, чернила и перо: мне нужно отправить письмо.
- Через полчаса зашифрованное письмо было передано гонцу, которому Вечеслав, пообещав вознаграждение, подробно объяснил, как добраться до Митрополянского скита.
- Как реагировать на объяснение в любви, Вечеслав не знал. Во время учебы отец Антоний часто говорил "серым ангелам", что среди соблазнов, могущих помешать служению Господу, наиболее опасна женщина.
- Способ действия всех церковных организаций построен так, чтобы исключить помыслы о женщине - объяснял наставник. - Постоянные молитвы, посты, затворничество не дают времени и сил думать о чем-либо, кроме божьего служения. И в этой веками длящейся борьбе церковь проигрывает: поэтому некоторые организации - православная, протестантская - священнослужителям, работающим с мирянами, разрешили брать жен. Неприступны для "сосуда соблазна" монашеские ордена - и вы, наш элитный орден.
- Вечеслав удивлялся заботе, которой его окружили. Вечеслава кормили неизвестными и очень вкусными блюдами, Мария читала ему светские книги из своей библиотеки, пела французские и итальянские песни, рассказывала смешные истории из придворной жизни.
- Прошло десять дней, а ответа из Митрополянского скита не было.
- Не понимаю, что случилось: гонец словно сквозь землю провалился - встревожено говорила Мария. - Нужно отправить еще одного.

Вечеслав вновь написал письмо и один из Марииных слуг, держа на поводу запасного коня, поскакал в Митрополянский скит. Вернулся он через пять дней: лекарь разрешил Вечеславу встать с постели и он прогуливался в саду, когда гонец, найдя его, рассказал, что Митрополянский скит сожжен и разрушен, а его обитатели уничтожены. Кто это сделал, осталось неизвестным.

- Когда я приехал, развалины еще дымились - рассказывал гонец. - Трупы или увезли с собой, или сожгли: я ничего не нашел.

Гонец не лгал - у Вечеслава хватало умения в этом убедиться. Весть была настолько страшной, что Вечеславу стало плохо. - и его с трудом довели до кровати. Рухнуло то, чем и для чего он жил последние пятнадцать лет. Теперь куда: к новому митрополиту, относившемуся к "серым ангелам" с опасливой брезгливостью? А вдруг это он приложил руку к нападению на Митрополянский скит: кто-то ведь выдал врагу его расположение?! Или попал в плен и рассказал маршрут первый посланный Вечеславом гонец, так и не появившийся в имении? Тогда в гибели "серых ангелов" его, Вечеслава, вина.

Несколько дней Вечеслав провел в постели. Узнавшая все от гонца Мария молча сидела рядом и занималась рукоделем. Вечеслав настолько привык к ней, что, когда Мария долго отсутствовала, начинал скучать и встречал ее приход с откровенной радостью.

Вечеслав все-таки написал письмо Киевскому митрополиту - но ответа не получил. "Значит, я не нужен" - решил Вечеслав.

Время лечит - лучше трав и настоек. После выздоровления Вечеслав съездил на место бывшего Митрополянского скита, посмотрел на развалины, побродил по окрестностям и, так ничего и не выяснив, вернулся в имение Марии: единственное место, где его ждали.

В октябре Мария предложила Вечеславу стать ее мужем - и Вечеслав согласился. После свадьбы граф и графиня Мудрак уехали на год в Италию. А в ноябре 1664 года гетман Петр Дорошенко привел в Малороссию войско турецкого султана, подвергнувшего украинские земли огню и мечу.

КОЛОДЕЦ

Письмо, приглашавшее приехать в полночь на Староильменскую пустошь - и обязательно одному, никому ничего не говоря, - было примечательно тем, что внизу стоял оттиск печатки отца Леонида, носимой им в виде кольца на правой руке, а начертанный сбоку крестик - секретный знак - удостоверял подлинность подписи.

Вечеслав отодвинул бумагу, поднялся из-за стола, подошел к окну. Непонятно, как письмо оказалось в кабинете, ключ от которого Вечеслав носил с собой, - но если письмо написано отцом Леонидом, то можно не удивляться: тот умел все. Вот только... при нападении на Митрополянский скит погибли как "серые ангелы", так и их наставники - митрополит эту информацию подтвердил, добавив - беседа между ним и Вечеславом проходила с глазу на глаз, - что, по просочившимся из Варшавы сведениям, Митрополянский скит уничтожил отряд польских драгун, которым командовал человек в маске... И вдруг через семь лет - письмо.

Смуцало время и место встречи. С полуночи до часу - период суток, который Бог отдал во власть Дьявола. А на Староильменской пустоши когда-то находилось языческое капище, славившееся обилием приносимых Перуну человеческих жертв. Очень нехорошее место, но - печать, крестик...

- Папа, папа!

Вечеслав поднял голову. Проезжавшие мимо окна на пони шестилетняя Лизонька и пятилетняя Даша махали отцу ручками. Улыбнувшись им, Вечеслав вернулся к столу, еще раз перечитал письмо. Придется ехать. Мария гостит у польского короля, когда будет, неизвестно. К частым отлучкам жены, вынужденной для получения денег исполнять придворные обязанности, Вечеслав привык, как и к тому, что она не рассказывала о поездках: только целовала при возвращении и объяснялась в любви - и не было в ее словах фальши..

О перемене в судьбе Вечеслав не жалел. Митрополит предлагал высокий пост в церковной иерархии, но Вечеслав отказался: ему понравилось заниматься хозяйственными делами, охотиться, читать по вечерам старинные рукописи, воспитывать детей, которым Вечеслав не мог нарадоваться: такие умненькие и затейливые оказались его дочки!

Староильменская пустошь находилась в трех верстах от графского имения. Привязав к ветке дуба тревожно всхрапнувшего коня, Вечеслав зажег факел и, тщательно освещая тропинку - здесь водились змеи - направился к черневшим руинам капища.

Где-то рядом глухим басом ухнул филин, бесшумной тенью мелькнула сова. Ночной лес жил привычной жизнью. Вспомнилась ночь, когда Вечеслав вместе с Серафимом пробирались в Митрополянский скит: царствие тебе небесное, покойный друг!

Вот и пустошь. Свернув с тропинки, Вечеслав, осторожно переступая через каменные глыбы, вошел в полуразрушенный, с обгоревшей крышей зал, в котором когда-то пытали и казнили пленников во славу своих богов древние язычники.

- Странное место для встречи назначил отец Леонид! - в который раз подивился Вечеслав, направляясь к алтарю, - и вдруг почувствовал, как проваливается под ногами земля и он падает вниз.

Сработала выучка: подогнув ноги, Вечеслав оттолкнулся подошвами сапог от неровной каменной стенки, мелькающей при свете зажатого в руке факела, и, отлетев к противоположной стороне колодца, вжался в нее расслабленным телом, одновременно вцепившись свободной рукой в каменный выступ. Найдя для опоры носками сапог расщелины в кладке, Вечеслав повернул голову, рассматривая поймавшую его ловушку.

Раннее, пока не исчезла вода, это был колодец: большой, метра три в диаметре и не менее десяти метров в глубину. Внизу, метрах в четырех от повисшего на стене Вечеслава, виднелось наполненное сгнившими останками дно, посередине которого торчал громадный дубовый кол - на него неминуемо наткнулся бы Вечеслав, если б не прервал падение, - и метались вспугнутые светом три болотных гадюки.

- Колодец остался с языческих времен, - решил Вечеслав, - Кол и гадюк приготовили для меня: к счастью, напрасно.

В первую очередь следовало позаботиться о змеях. Вечеслав уронил факел и, когда тот достиг дна, ударом энергии взорвал факельный огонь, полыхнувший так, что от гадюк остался пепел. Жар был настолько силен, что начал тлеть кол: его мерцания оказалось достаточным, чтобы, используя неровности стенки, спуститься вниз.

Отряхнув одежду, Вечеслав присел на корточки и закрыл глаза. Несколько часов уйдет на восстановление энергии, потом нужно подумать, как подняться наверх. Особой тревоги Вечеслав не испытывал: если не выберется сам, утром начнут искать; привязанный к дереву конь и отверстие колодца покажут, где он находится. Но... кто сумел так ловко поставить ловушку? Причем с осведомленностью о тайнописи "серых ангелов" и отце Леониде.

Наверху послышался шорох. Вечеслав открыл рот, собираясь закричать, и застыл: прийти сюда ночью мог только тот, кто приготовил западню, и нельзя показывать, что затея не удалась.

Бросившись ничком возле кола, Вечеслав положил руку так, чтобы сквозь пальцы видеть верх колодца, и замер, сведя до минимума эманацию сознания. Прошло минут десять; удовлетворенный тишиной, неизвестный зажег факел и, заглянув в колодец, осветил дно. Вечеслав затаил дыхание и закрыл глаза, успев увидеть лицо в маске. Потекли минуты, показавшиеся Вечеславу вечностью; что-то больно ударило Вечеслава в грудь и скатилось по телу.

- Камень! - догадался Вечеслав. - Проверяет, жив ли!

Свет факела исчез, послышался шум: неизвестный закрывал колодец жердями и ветками.

- Коня тоже уведет, - понял Вечеслав. - Значит, на слуг надежды нет.

Наверху все стихло: неизвестный ушел.

- Лягу спать - решил Вечеслав. - Как говорил Серафим: ночи - покой, дню - хлопоты.

Став на колени, Вечеслав прочитал ежевечернюю молитву: "В руки твои, Господи Иисуси Христе, Боже наш, отдаю дух мой. Ты же меня благослови, Ты меня помилуй. И жизнь вечную даруй мне. Аминь", лег на пол и, завернувшись в плащ, погрузился в сон.

Несмотря на неудобное ложе, Вечеслав, проснувшись, почувствовал себя отдохнувшим. В колодце было темно, хотя день, скорее всего, давно наступил.

Прежде всего следовало убрать наваленные на колодец жерди, и Вечеслав, подняв руку, ударил по ним своей энергией. Результат оказался ошеломляющий: взлетев, свернутая в шар энергия врезалась в расположенное неподалеку от горловины колодца магическое зеркальное поле, срикошетившее шар с такой силой, что, если бы Вечеслав не успел поставить защитный блок, его могло расплющить.

Отдохнув, Вечеслав, используя различные магические способы, попытался снять или пройти защитный экран, - и убедился в своем бессилии. Оставалось проверить, распространяется ли чародейство на физическое тело, и Вечеслав, цепляясь за неровности стены, полез вверх - и уперся головой в нечто, напоминающее стекло. Все старания разрушить защитное поле оказались безуспешными, и оставалось радоваться, что удалось, не разбившись, спуститься вниз.

Итоги были неутешительные: Вечеслав находился в каменном мешке, лишенный воды и еды, - и единственная возможность спасения виделась в том, что в имение вернется Мария и, используя свои ведовские знания, отыщет мужа.

Сколько суток провел Вечеслав в каменной тюрьме, он так и не узнал. С распухшим от жажды языком, лишенный сил, он лежал, ожидая смерть и на что-то надеясь - как вдруг жерди, закрывавшие вход в колодец, отлетели в сторону, и в образовавшемся светлом пятне появилась веревочная лестница, по которой кто-то начал спускаться.

- Мария! Нашла! - прошептал Вечеслав, пытаясь привстать.

Спрыгнув с лестницы, неизвестный бережно приподнял Вечеславу голову и, поднеся ко рту флягу, приказал:

- Пей!

Сделав несколько глотков, Вечеслав ощутил прилив сил. На дне колодца было темно и лицо незнакомца разглядеть не удалось, но то, что это не Мария, Вечеслав понял - и почувствовал разочарование.

- Полезай наверх!

Этот голос Вечеслав когда-то слышал.

- Там отражающий экран, - начал объяснять Вечеслав.

- Он ставился на время и потерял силу - прервал его слова незнакомец. - Прав был отец Антоний, ругая тебя за то, что плохо анализируешь магические приемы противника, - ты так этому и не научился, иначе давно бы выбрался.

- Серафим! - узнал Вечеслав. - Ты жив?!.

- А что: я похож на зомби? Полезай, потом поговорим.

Подталкиваемый Серафимом, Вечеслав медленно поднялся по лестнице - и зажмурил глаза от ярких лучей солнца.

- Быстрее - торопил Серафим.

Выйдя из развалин капища, Вечеслав увидел стоящих под седлом двух лошадей.

- Садись! - велел Серафим, вскочив на одну из лошадей, - а когда Вечеслав, взобравшись в седло, повернул коня, чтобы ехать в имение, нахмурился и сказал:

- Не туда: потом объясню!

Схватив поводья коня, на котором сидел Вечеслав, Серафим повлек его за собой, не обращая внимания на удивленные протесты Вечеслава.

Ехали долго; начинало темнеть, когда всадники спешили возле стоящей на лесной поляне избышки.

- Поживем здесь, - спрыгнув с коня, Серафим подошел к Вечеславу, помогая ему удержаться на дрожащих от слабости ногах. - Дрова, припасы - все приготовлено.

Заведя Вечеслава в избу, Серафим снял с него одежду, посадил в огромную деревянную бочку, наполненную теплой водой, и начал тереть мочалкой, смывая с Вечеслава тела грязь и запах недавней тюрьмы.

Проснулся Вечеслав около полудня следующего дня. Серафима в избе не было; выпив кружку целебного отвара, Вечеслав достал из теплой печи кашу, пообедал и, выйдя на поляну, занялся упражнениями, восстанавливающими энергию тела.

Когда Серафим не появился и к вечеру, Вечеслав забеспокоился. Не найдя лошадей, решил, что если Серафим завтра не вернется, он отправится в имение пешком.

Но утром Серафим появился: хмурый и озабоченный.

- Завтракать, потом разговаривать, - категорично объявил он.

Для разговора уселись за стол.

- Начну с того, как остался жив. Через день после твоего отъезда к Дорошенко меня направили в Москву: помочь патриарху Никону схватить протопопа Аввакума и его ближайших последователей. Эта работа заняла месяцев семь, а когда вернулся, то обнаружил, что ни скита, ни "серых ангелов" не существует.

- А я? Почему не отыскал меня? - резко спросил Вечеслав.

- Я отыскал: твое нынешнее имение. Только тебя там не было: ты укатил в Италию.

- Да, - вспомнил Вечеслав. - А потом, когда я вернулся?!

- Когда ты вернулся, я был в имении несколько раз: но так, чтобы ни ты, ни тем более твоя жена об этом не знали. Как ты думаешь, кто рассказал врагам о Митрополянском ските?

- Мой гонец. - опустил голову Вечеслав. - Я догадывался, что его схватили.

- Наивный человек! - вздохнул Серафим. - Организатором и руководителем операции по уничтожению "серых ангелов" была твоя жена, графиня Мудрак, - и ты оказался одним из элементов операции. Помнишь корчму, где тебя ранили?

- Да! - кивнул головой Вечеслав, с трудом уясняя услышанное.

- Преследовавший тебя отряд был выделен польским королем в распоряжение графини Мудрак - письменное свидетельство этому я купил в Варшаве за большие деньги. Именно этот отряд взял штурмом и уничтожил Митрополянский скит, причем твое письмо помогло шляхтичам снять охрану и подойти вплотную к наставникам. И я уверен, что, когда ты раненый лежал в имении графини, тебя опоили зельем и во время сна вынудили рассказать о защитных сооружениях Митрополянского скита, в том числе о потайных ходах, - поэтому никто из обитателей скита не смог спастись.

И добавил, уколос Вечеслава взглядом:

- Ты оказался легкой добычей, брат!

- Но. когда я убегал из корчмы, меня могли не ранить, а убить, или вообще не задеть пулей, - помолчав, сказал Вечеслав.

- Я тоже подумал об этом - кивнул головой Серафим. - Поэтому побывал в лесу, где тебя ранили, и понял по траектории пули, что ее направили в тебя не драгуны, а сидевший в засаде стрелок, - уверен, графиня специально вывела тебя под его выстрел.

- Но зачем это Марии?

- Суммы денег, в которую оценили головы наших наставников и оставшихся "серых ангелов", хватило не только на путешествие в Италию, но и на несколько лет безбедной жизни. Графиня только в последние два года начала выезжать из имения, не так ли?

- Да, какие-то придворные дела, - пробормотал Вечеслав и покраснел, поняв нелепость сказанного.

- В результате ее поездок в Венеции республиканское правление сменилось на монархическое, а в одном из немецких государств вместо предполагавшегося принца взошел на престол другой.

- Хорошо! - нашел еще одно возражение Вечеслав. - А почему я остался жив после уничтожения скита?

- Не знаю! - задумчиво произнес Серафим. - Для меня это загадка. Зато я знаю, как ты оказался в колодце.

- Мария!? - ужаснулся Вечеслав. - Но зачем?

- Ты с дочерьми часто ходишь в церковь? - неожиданно спросил Серафим.

- Конечно! - утвердительно кивнул Вечеслав. - А если хочешь сообщить, что Мария в церковь не ходит, то ничего удивительного нет: она - ведунья, и к религии безразлична.

- К Богу она безразлична, а не к религии, - яростно возразил Серафим. - Слово "ведунья" означает "ведьма", причем Мария - ведьма в четвертом поколении и свои знания унаследовала от матери. У вас подрастают две дочки, которым пора учиться ведьмовскому умению, а препятствие к этому - бывший "серый ангел", живущий на зарабатываемые черной магией деньги и приучающий дочерей к православию. Кстати: ты их крестил?

- Договорились на конец лета, - растеряно ответил Вечеслав. - Раньше Мария из-за поездок не могла.

- Тогда понятно, почему Мария приговорила тебя к смерти. Думаю, она тебя любит, но своих детей и ведьмовскую сущность любит больше. Еще вопросы есть?

- Только один: митрополит знает?

- Нет. Я в церкви занимаю достаточно высокое положение, чтобы подобные вопросы решать самостоятельно.

- Откуда ты узнал, что я сижу в колодце?

- Помнишь мой дар ясновидения? Во сне я увидел тебя в каменном мешке, измученного, теряющего надежду - и поспешил из Киева. Этот же дар подсказывает, что завтра перед заходом солнца графиня придет к колодцу, чтобы удостоверится в твоей смерти: ей нужно найти тело мужа для похорон и статуса вдовы. Можешь в этом убедиться: вчера я восстановил на пустоши ту картину, которую она оставила, когда проверяла, поймался ли ты в ловушку.

Серафим встал из-за стола.

- Прощай! Пусть твоя совесть и долг перед мертвыми помогут принять решение. Я графиню не тронул раньше, не трону и сейчас: она - твоя жена. А ты мне был братом.

Серафим вышел. Вечеслав слышал, как он сел на коня и поскакал прочь.

- Ни обнялись, ни поцеловались на прощание, - подумал Вечеслав. - Словно попутчики до перекрестка.

День прошел в метаниях сердца и разума, а ночь в тяжелых, обрывочных снах. Поднявшись с первыми солнечными лучами, Вечеслав проделал комплекс упражнений, доел кашу, прибрал в избе и, оседлав оставленного Серафимом коня, поскакал к Староильменской пустоши. Доехав до середины пути, спешился, отпустил коня и отправился пешком, выверяя направление по солнцу. Подойдя к капищу со стороны, противоположной тропинке, осторожно, не оставляя следов, взобрался на полуразрушенную крышу неподалеку от колодца и, улегшись на обгоревшую балку, приглушил эманацию сознания., - настолько удачно, что пара задремавших воробьев избрала Вечеславу спину местом для поединка.

Как и предсказал Серафим, Мария появилась ближе к вечеру. Подойдя к колодцу, она остановилась, прислушиваясь и оглядываясь вокруг, удовлетворенно кивнула головой и принялась освобождать от жердей и веток верхушку колодца.

Вечеслав смотрел на жену так, словно впервые ее видел. Ему почудилось, что он обознался, и эта деловито отгаскивающая жерди женщина ему незнакома, - и когда завал был расчищен и женщина нагнулась, всматриваясь в темноту колодца, Вечеслав, отказавшись от намеченного плана, бесшумно спрыгнул с крыши и негромко позвал:

- Мария!

Женщина обернулась. Да, это была Мария, - но такого смятенного, смешанного со страхом выражения лица он никогда у нее не видел. И, не в силах сдержать сдавившую его боль, Вечеслав быстро шагнул и толкнул жену в колодец. Изогнувшись телом, Мария попыталась выпрямиться, взмахнула руками и с криком полетела вниз.

- Господи, что я наделал! - потрясенно прошептал Вечеслав.

Вытащив из-за пазухи веревочную лестницу, он закрепил ее конец и поспешно спустился на дно колодца.

Кол пробил спину и вышел из груди, рядом с сердцем. Мария была еще жива: когда Вечеслав, подхватив ее тело, попытался снять его с кола, она очнулась и, глядя Вечеславу в глаза, выдохнула:

- Не виновата: тебя обманули! Прощай!

Эти слова оказались последними.

Вытащив из колодца тело жены, Вечеслав положил его на круп коня, на котором приехала Мария, и, взгромоздившись в седло, поехал в имение. Объяснив встретившим его слугам, что графиня, упав с лошади, напоролась на сук, велел отнести покойницу в часовню и приготовить для похорон.

Пройдя в детскую, Вечеслав обнял повисших на нем дочек, взволнованно спрашивавших:

- Папа, ты уезжал, да? Ты такой старый стал и седой! Что случилось, папа?! А где мама?

- Все хорошо, доченьки! Пора спать.

Уложив детей в постель, Вечеслав сел в кресло, ожидая, когда они уснут: пусть эту ночь Лиза и Даша проведут счастливо, не зная, что остались без матери.

ПРОКЛЯТИЕ

Заботили отпечатки заметных на снегу лошадиных копыт: вдруг какой-нибудь умник спросит, что делал и кого ждал за старым сараем неизвестный наездник. Казацкое войско славилось следопытами; остается надеяться, что до темноты никто на отпечатки не наткнется, а позже все скроет навороженная на ночь метель. К тому же из корчмы все выедут пьяные, на поиски следов неспособные. Черт возьми, долго они будут бражничать?! Холодает, а пятидесятилетнее тело не так легко переносит мороз, как в молодые годы. Ага, вот они!

Толпа всадников с хохотом и свистом мчалась по снежной дороге. Впереди на буланом жеребце скакал любимец военной фортуны, полковник казацкого войска Тарас Самойленко, муж графини Елизаветы Мудрак, на которой женился два года назад, - и с тех пор, в промежутках между походами, занимался в основном тем, что пропивал в кабаках доставшееся ему приданное, заодно поколачивая пытающуюся его усюветить супругу.

Дорога, по которой мчались всадники, сворачивала на деревянный мост, связывающий берега реки Свирь, быстрое течение которой, разбиваясь о каменные выступы и бушуя в водоворотах, не позволяло воде превращаться в лед даже при сильных морозах.

Самойленко, гикнув, вырвался вперед. Он привык быть первым, этот полковник - и в военных, и в любовных битвах, - чем покорило Лизино сердце, отеснив галантным натиском окружавших ее кавалеров.

Пора! Граф Мудрак вытянул руку и, как только конь Самойленко достиг середины моста, ударил по лошадиному туловищу шаром энергии, удовлетворенно наблюдая, как, ломая перилла, с диким ржанием падает буланный вместе с наездником в яростные воды Свири.

Усмехнувшись бестолковой суеде и крикам спешивающихся казаков, граф пришпорил коня и углубился в лес, решив достичь имения круглым путем.

Смеркалось, но здешние места были знакомы и темнота не мешала. Душа ликовала, наслаждаясь удачно выполненным делом. Теперь Лизу никто по миру не пустит и оскорблять не посмеет! Если не найдут прямых доказательств, мести не будет: мало ли по какой причине шархнулся буланый в речку!

Если б не дочки, постоянно приносящие проблемы, граф свою жизнь счел бы безмятежной. Польский король после оказанных ему услуг Мудраку покровительствовал, киевская власть не трогала - слишком много секретов знал бывший "серый ангел". У Запорожской Сечи, метавшейся между Москвой, Варшавой, турками и татарами, хватало других забот. Какое-то время графу досаждали привыкшие к самоуправству шляхтичи и шайки разбойного люда, приходившие пограбить графское имение, - но после того, как Мудрак, разгромив нападавших, самолично содрал с их предводителей кожу, отпустив в таком виде на волю, набеги прекратились.

Свернув в дубовую рощу, граф осторожно спустился с горки, пересек ручеек и выехал на ведущую в имение дорогу. Никто из проезжих не встретился, лишь следы копыт тянулись узором по скатерти. Ладно, метель скроет: необходимые заклинания и магические действия граф произвел заранее.

Дорога свернула направо, мимо кладбища. Взглянув на могилы, граф улыбнулся, вспомнив, как два года назад, вычитав в старинном фолианте заклятья, занялся оживлением мертвецов. Опыты оказались успешными и ожившие скелеты, бряцая костями и грозя перепуганным проезжим, долго бродили по кладбищу, стремясь выйти за ограду. Затею испортил поп, организовавший на кладбище церковный ход и именем Христа вернувший мертвецов под землю, - а затем вздумавший обличать графа перед паствой как богоотступника и некроманта. Пришлось наслать попу видение Апокалипсиса, сделавшее из попа юродивого. С тех пор церковь в имении стоит пустая - никто из церковной братии служить здесь не хочет, - и крестьяне вынуждены молиться в соседнем селе. Графа это не печалило - он забыл, когда переступал церковный порог, - что касается слуг, то набирались они из людей лихих и верных, от Бога далеких.

Показалось двухэтажное здание усадьбы. После замужества Лизы и переезда в Киев Даши, ставшей женой французского посланника в Малороссии, дом опустел, и если бы не чтение книг и магические опыты, граф не знал бы, куда деваться от скуки. После похорон жены Мудрак несколько лет жил в Европе, - и вернулся, решив, что тамошние нравы не для него.

- У вас гость, ваше сиятельство! - вполголоса предупредил слуга, когда граф, спешившись, передал коня попечению кучера. - Кто - не сказал, но похож на священнослужителя. Ожидает в гостиной.

- Ладно, - нахмурился граф, направляясь к крыльцу, - и, внезапно остановившись, спросил:

- Ужином покормили?

- Отказался. Даже к воде не притронулся.

- Вот как, - задумался граф. Гость, пренебрегающий едой и водой приютившего его дома, мог быть только врагом. - Посмотрим, что ему надо!

В гостиной горела свеча; гость расположился в стоявшем в темном углу кресле и, казалось, дремал.

- Вечер добрый! - зайдя в гостиную, произнес граф. - Я - хозяин этого дома.
Слушаю вас!

- Добрый вечер! - отозвался гость, поднимаясь с кресла. - Я - епископ города
Киева, отец Серафим.

Граф вздрогнул:

- Серафим!

Впервые за многие годы граф ощутил холодок страха, потому что приезд
Серафима мог означать только одно.

- Да, ты все понял правильно! - грустно произнес Серафим. - Святая церковь устала от творимых тобой беззаконий и я здесь как вершитель правосудия.

- Хорошо! - согласился граф. - Присаживайся, поговорим: приговор еще не произнесен.

И, усевшись за стол красного дерева, показал на кресло напротив.

- Если тебе так удобней - с непонятной усмешкой сказал Серафим, выполняя просьбу Мудрака. - Твое противодействие нашим планам мы ощутили давно: когда было захвачено поляками и исчезло без следа направлявшееся в Киев русское посольство, когда кто-то склонил к измене гетмана Демьяна-Многогрешного, закончившего свою жизнь в Сибири, когда стража неприступной крепости Каменки открыла ночью ворота турецкому войску.

- Все - из-за денег, без политических симпатий, - перебил Серафима граф. - Доходов имения не хватало, а нужно было собрать приданное дочерям. Поэтому брался за любую работу: деньги не пахнут.

- Деньги пахнут всегда: потом, которым их заработали. Твои деньги пахли изменой.

- Я жил, стараясь никого не трогать, а если задевали меня - защищался.

- Защищался - но как? У помещика Трясовского, подавшего на тебя в сеймский суд обоснованную жалобу, ты возбудил раковое заболевание, и помещик умер за день до суда; мешавшего тебе в свите короля Казимира шляхтича Венцовского загрызли собственные собаки.

Серафим вздохнул.

- Когда-то для защиты многострадальной Украины нас, горсточку юношей, научили страшным по силе умениям, - я, кстати, как и митрополит, убежден, что школ, подобных "серым ангелам", церковь создавать не должна. Но дело было сделано: пусть не во всем благое и не всегда совпадающее по результатам с целями. Но ты предал идею этих людей и мощь, возвращенную для борьбы за Отчизну, бросил на поддержку трухлявого особняка и благосостояния своего семейства.

Серафим посмотрел на графа:

- Что скажешь, Вечеслав?

- Ничего, - Граф сидел бледный и угрюмый. - Говори, я слушаю.

- Ты похоронил Марию на церковном кладбище? - неожиданно спросил Серафим.

- Там, - кивнул головой граф. - И это подтверждает, что ведьмой она не была, - иначе церковная земля ее бы не приняла.

- Да, Вечеслав: за секунду до смерти она перестала быть ведьмой, потому что с предсмертным выдохом передала свою злую силу тому, кто был рядом: тебе, Вечеслав, превратившемуся из "серого ангела" в колдуна и некроманта Мудрака. Ты ведь после похорон Марии ни разу не зашел в церковь?

- Твоя правда, - согласился граф. - Что-то отбрасывало, не пускало. Но, поскольку мы заговорили о том времени, позволь мне кое что рассказать. Похоронив Марию, я занялся ее бумагами, убедившими меня, что Мария была тайным агентом короля и выполняла его поручения, - как ты и говорил. Среди бумаг я обнаружил переписку Марии и короля, где излагалось следующее: отец Леонид и отец Антоний, вопреки приказу митрополита, начали готовить новый набор в школу "серых ангелов". Митрополиту сообщил об этом некто из

действующих "серых ангелов", после чего митрополит решил ликвидировать Митрополянский скит: вместе с ее обитателями. Казаков привлечь к этому мерзкому делу остереглись, поэтому заплатили польскому королю, выделившему отряд драгун, который Мария довела до корчмы и передала под командование представителю митрополита.

Граф внимательно посмотрел на гостя:

- Получается, что человеком в маске, командовавшим далее драгунами, был ты, Серафим. А если так, то и колодец: твоё изобретение. Не зря показались мне странными секретный знак в письме, проверочный камень и заранее приготовленная избушка с припасами, а также твой мгновенный рост в церковной иерархии. А с Марией: вы решили убрать ее моими руками?

- Ты не прав, - мягко ответил Серафим. - Переписка поддельная и готовилось для тебя, - если начнешь Марию подозревать. И мне жаль, что так получилось: с Марией и тобой. Наверно, поэтому все эти годы я сдерживал направленный против тебя гнев церкви, но сосуд переполнился, и я ничего не могу поделать.

Лицо Серафима стало холодным и злым:

- Я видел во сне, что ты попытаешься погубить полковника Тараса Самойленко, мужа своей дочери. Тебе это удалось?

- Надеюсь, - равнодушно ответил граф. Он давно знал неизбежность этого разговора и приготовился к нему - направленный Серафиму в грудь, под поверхностью стола был прикреплен заряженный пистолет, а кресло, в котором находился Серафим, после нажатия специальной пружины сбрасывало сидевшего в нем человека в глухой каменный подвал. Оставалось пустить это оружие в действие, но граф колебался, потому что, кроме детей, Серафим оставался на земле единственным близким ему человеком.

- Значит, я опоздал! - поник головой Серафим. - Тарас Самойленко был гениальным полководцем. Через год он должен был получить гетмановскую булаву, и наши аналитики предсказали, что Самойленко сумеет разгромить вражеские армии и сделать Украину независимым государством. А теперь все пошло прахом!

- Серафим! - глухо сказал граф. - Уходи: добром прошу!

- Не могу, - печально ответил Серафим. - Ты становишься опаснее с каждым месяцем!

- Тогда прости! - опустив руку, граф спустил курок пистолета. Раздался выстрел, но Серафим продолжал сидеть, спокойно глядя на графа. Выругавшись, Мудрак нажал на пружину: кресло не шевельнулось.

- Я все обезвредил до твоего прихода, - негромко объяснил Серафим, глядя на изумленное лицо графа. - И гадал, применишь ли ты их против меня.

Серафим встал. Мудрак сидел неподвижно: ему казалось, что его тело схвачено железными тисками.

- Что человек в мире не делает, Бог все видит и в книге Своей записывает, - перекрестился Серафим. - именем Господа нашего, Иисуса Христа, проклинаю тебя, колдун и некромант Мудрак, за то, что вместо обещанных зерен принес плевелы, за то, что силы свои великие истратил на дела богомерзкие и страшные, люду и Святому Писанию противные. И не быть тебе никогда перед Ликом Господним, и во всех твоих продолжениях путь будет по местам, где человек ищет человека, но и следов его не находит. Пусть труд твой земной окажется

разорением, а любовь - горем, и не увидит душа спокойного места и светлых снов. И ты, и дети твои, и внуки, и правнуки пусть будут чужими во всех домах и делах, и не будет им покоя на старости лет, и не блаженной окажется их кончина, - и так до седьмого колена! От имени Господа нашего, Иисуса Христа, и Святой Церкви я, отец Серафим, епископ Киевский, говорю это. Аминь!

Серафим еще раз перекрестился и пошел прочь. У порога он остановился, словно не зная, говорить или нет, потом, обращаясь в сторону графского кресла, произнес:

- Ночью метели не будет!

И вышел, закрыв за собой дверь.

Утром казацкие следопыты прошли по отпечаткам копыт, найденных за сараем; через день казацкий полк Самойленко осадил и взял приступом имение графа Мудрака. Усадьба была сожжена, имущество разграблено, граф повешен на воротах дома. Потом тело сожгли, а пепел развеяли по сторонам горизонта.

ИЗ ДНЕВНИКА МЕДСЕСТРЫ

10.09.1998 года.

Столько времени не брала в руки тетрадь, а тут снова писать захотелось! Новая работа, новые впечатления! Звучит как: медсестра четвертого отделения психиатрической больницы! Сутки на дежурстве, четверо суток дома, два месяца отпуска, зарплата выше, чем в обычном стационаре.

В нашем отделении лежат старики и старухи, которым память отшибло. Болезнь Альцгеймера называется. Наполеоном себя никто не мнит, но в растерянности бродят.

В смене трое: я, санитар Вася и санитарка Юля. Днем еще врачи и обслуживающий персонал работают, а на ночь остается дежурный врач - один на шесть отделений.

С Юлькой подружилась, а Вася не понравился: ленивый, прожорливый, спит на ходу. Юлька, как только заведующий отделением Петр Николаевич представил меня ("Это ваша медсестра Оксана, распределена к нам после окончания Ялтинского медучилища"), повела меня знакомить с больницей. Шесть лечебных корпусов, баня, кухня, кочегарка - и небольшое село по соседству. Все серенькое, старенькое, грязненькое.

- Здесь на больных наплевать, каждый о себе думает, - объясняла Юлька. - Тебе лекарства выдавать будут - можешь их продавать, только осторожно. До тебя медсестрой Светка работала, она лекарства подчистую налево сплавляла, пока ее больная не умерла. Врачиха - есть одна вредная - настучала главному врачу, что из-за отсутствия уколов смерть наступила, - Светку и уволили.

Походили, осмотрели, вернулись к нашему отделению, - стоит перед приемным покоем дряхлый "Запорожец".

- Привезли кого-то, - говорит Юлька. - Пойдем глянем.

Заходим: толстый мужик в сером костюме врачу что-то рассказывает, а рядом - старушка в дорогой одежде, белых сапожках и коричневом пальто с лисьим воротником. Возле двери - два чемодана

- Не волнуйтесь, Вячеслав Владимирович, - врач говорит, - подлечим! Садитесь, Дарья Владимировна!

Старуха взглянула на врача, обернулась к мужику и просит:

- Славик, не оставляй меня здесь!

- Это ненадолго, - мужик врет. - Пусть Маша успокоится, а то собралась к матери перебираться.

- Я в Симферополе работаю, - мужик врачу объясняет. - Приезжаю только на выходные. На сиделку нет средств, а мать одна находиться не может. Если дверь на ключ закрываем, на балкон бежит, прохожих на помощь зовет, а когда квартиру открытой оставляем, бросает ее и в город уходит, пока не разыщем.

- Понимаю! - врач равнодушно кивает. - Болезнь Альцгеймера. Пройдите к сестре-хозяйке, сдайте по акту, что привезли

- Вот Петровна обрадуется! - Юлька в бок толкает. - Старуху как новогоднюю елку нарядили, Петровна за ее одежду хорошие деньги на толкучке выручит - одно пальто долларов на шестьдесят потянет!

- Так по акту.. - не поняла я.

- У Петровны все отработано, - смеется Юлька. - Она по описи примет шмотки в чемоданах, потом, после отъезда мужика, переоденет старуху в больничную пижаму, а ее одежду припрячет. А через месяц: "Ничего не знаю, ничего не помню!"

- Как-то не хорошо это! - расстроилась я.

- А-а, брось! - хлопнула Юлька меня по плечу. - Каждый имеет с того, что имеет! Поспешим: пора уколы делать.

12.10.1998 года

К работе привыкла, только добираться тяжело: когда автобус отсутствует, приходится шесть километров от города пешком идти. К ночным дежурствам приспособилась: спим с Юлькой по очереди (Васю не добудишься, но он, оказывается, родственник главного врача, поэтому его не трогают). Впрочем, больные нас ночью стараются не беспокоить, Юлька их в строгости держит.

Видела того мужика. Спрашивает: "А где мамина одежда? Почему она в старом халате и тапочках ходит?"

Петровна: "На дезинфекцию отправили, вдруг вши у нее!"

- Как: и пальто, и сапоги?! -мужик изумляется.

- Конечно! Или думаете: мы себе ее вещи забрали?

- Что вы! - мужик засмутился.

Я потом видела, как он свою мать привезенной из дома едой кормил. Она оголодала, глотает, не разжевывая (тех порций, что больным от поваров остается, и кошке не хватит), а то, что не доела, в карманы прячет.

Мужик уходит собрался, а старуха в него вцепилась, просит:

- Забери меня, Славик! Здесь плохо, дышать тяжело. Я послушная, и ем мало. Я отработаю: дрова колоть буду, воду носить!

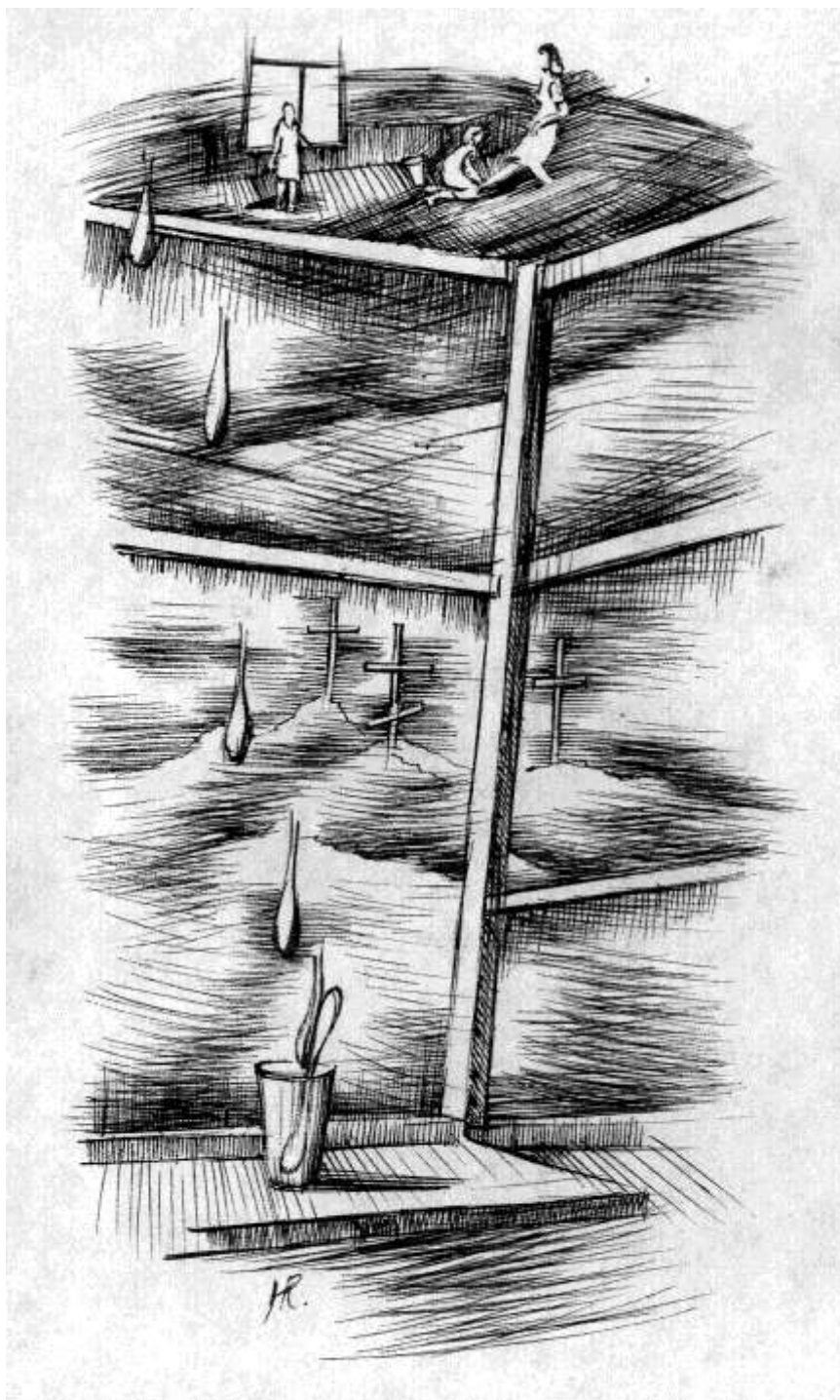
- У нас удобства в доме, - мужик вздыхает. - Побудь еще: некуда тебя забирать!

А глаза прячет и лицо бледное.

- Вот так-то! - думаю. - Когда женился, надо было не на физиономию, а на душу смотреть. Мать не зря говорит: выбирай спутника жизни не для праздника, а для беды: какой он там будет!

29.10.98 года

К нам в отделение странный больной поступил, Ивлев фамилия: по возрасту больше пятидесяти, но выглядит моложе, и тело стройное, подтянутое. Только молчит почему-то: врачи решили, что немой, а мне кажется, разговаривать не хочет.

Я еще потому его запомнила, что неожиданно в нашем отделении оказался: никто не помнит, чтобы его привозили, принимали, но документы в порядке и

даже лечение назначено. Лишь Петровна горюет: старик так бедно одет, что и копейки на нем не заработаешь.

Недавно Петровна того мужика, Вячеслава Владимировича, дурила. Он приехал в субботу, кричит: "Где сестра-хозяйка?! На улице холодина, а мать в тапочках и халате в баню ходит!" Петровна спряталась, а ее подружка в приемной объясняет, что сестра-хозяйка в город по делам отправилась. Мужик побегал, начальство поискал, - но кого найдешь в выходной день, да и толку, если б нашел. Я в следующую смену привезла старухе свои старые сапоги и куртку, они ей впору пришлись. Понимаю, что дистанцию соблюдать надо и чувствами больных не проникаться, иначе загнешься, но смотреть, как старуха по грязи под дождем раздетая бредет, тоже не могу.

Слышала разговор старухи с сыном. Она просится домой, спрашивает, почему внуки не приезжают, а сын в пол уставился и молчит.

- Неужели умру здесь?! - Старуха смотрит вокруг, словно в первый раз видит.
- Что это - затянувшийся сон? Речка, лес - существуют? А милосердие где: в плену у дракона? Или перебирает пшено вместо Золушки?

Сын покраснел, что-то бормочет. Я потом видела, как он в "Запорожце" плакал.

Что ж, Бог правильно сказал: делай, что хочешь - но плати! Хотя бы слезами.

15.11.98 г.

С Юлькой поругалась. Пошли покурить в вестибюль, стоим, болтаем, а рядом старуха, Дарья Владимировна, к окну прильнула.

- Сына высматривает, - Юлька смеется, - Третью неделю не появляется. Всегда так: первое время ездят, потом реже, а после и дорогу сюда забывают. Видела кладбище за шестым отделением: это тех, от кого родственники отказались, больница похоронила!

- А хоронят по-настоящему? - поинтересовалась я. - С попом, музыкой?

- Шутишь, да?! - ухмыльнулась Юлька. - Больные яму выкопают, в целлофановый мешок тело завернут, землей забросают, крест из двух палок собьют и табличку с именем прицепят - вот и все похороны.

- Подожди! - Я понимала, что выгляжу дурой, но тема меня задела. - У больницы есть деньги: от родственников на лекарство получают, и пенсии тех, кто сюда попал, больница на себя переводит. Почему такое отношение к людям?!

- Я тебя умней считала - Юлька удивленно меня рассматривает. - Какие здесь люди, они хуже животных! Те хоть чуть-чуть понимают, а этим что в лоб, что по лбу - одинаково.

- Просто они беспомощные - лепечу.

- То есть не повезло им? Ну и фиг с ними! - Юлька яростно докурила сигарету, швырнула в урну, промахнулась и крикнула оглянувшейся старухе:

- Ты! Подними!

Старуха посмотрела на окурок, на Юльку и отвернулась. И тогда Юлька, быстро шагнув, ударила старуху ногой. Та ойкнула и упала.

- Перестань! - схватив Юльку за плечи, оттолкнула в сторону. -

Совсем озверела!

- Ты ссоришься со мной из-за этой твари?! - Юльке собралась меня ударить, но догадалась, что получит сдачу. - Да она никто и ничто; даже ее родные порадуются, когда околет: не нужно сюда ездить, деньги и продукты, от семейного стола оторванные, передавать, мыслями на нее отвлекаться.

- Не меряй всех по себе! - разозлилась я. - Мой прадед в Освенциме погиб: он для нацистов тоже животным был.

- Ненормальная, как и эта старуха! Таких, как ты, отсюда быстро вытуривают, - угрожающе произнесла Юлька и, повернувшись, вышла.

- Плевать! - крикнула я. Нагнувшись, помогла старухе подняться на ноги.

- Ничего не болит? - спросила.

- Нет!

Оттолкнула меня и со стоном, подволакивая ногу, поплелась прочь, - Юлькин удар что-то в ней повредил.

- Для больных все, кто в белом халате, враги, - грустно подумала. - Обворовывают, держат взаперти, бьют.

Ивлев удивил. Поздно вечером поднялась на второй этаж (наш корпус двухэтажный), цветы поливаю, скандал с Юлькой переживаю, и натыкаюсь на Ивлева. Уставился на меня и шепчет:

- От старухи держись подальше!

- Конечно! - согласилась я, - что еще сумасшедшему скажешь?!

И не спросила, почему говорить начал.

26.11.1998 год.

С Юлькой общаемся только по работе. Старуха заболела, лежит в постели. Отдых, конечно, относительный - в комнатах по двенадцать человек, кровати почти вплотную стоят. Врач пытался выяснить, почему ребро сломано, но старуха молчит: то ли забыла, то ли жаловаться не хочет.

От ее сына денежный перевод и письмо получили: сломал ногу, находится в больнице.

Вчера ночью шок испытала. После полуночи решила по палатам пройтись. Обычно на дежурстве книжку читаю, а тут толкнуло что-то. Заглянула в одну палату, вторую: все спят, ночники желтым огнем светятся, дождь по зарешеченным окнам постукивает, на ночлег просится. Захожу в комнату, где старуха лежит, и окаменеваю: стоит над старухой Ивлев с подушкой в руках и старается ее к старухиному лицу прижать, а та на него смотрит и словно отодвигает подушку глазами. И молчат оба.

- О, господи! - вскрикиваю. - Ивлев, ты что делаешь!

Ивлев оглянулся, бросил подушку на пол и в дальний угол направился. Я подбежала к старухе:

- Он вам ничего не повредил, Дарья Владимировна?

Старуха глазами меня поблагодарила, - я это так отчетливо почувствовала, словно она вслух сказала, - и отвернулась.

- Сейчас врача и санитаров вызову: Ивлева связать, - говорю ей. Смотрю в угол, где Ивлев должен быть, и вновь окаменеваю: в комнате никого нет.

- Ивлевская палата на верхнем этаже - соображаю. - Он и попасть сюда мог, только мой стол миновав. Неужели галлюцинация?! Но подушка...

Подняла ее - она с соседней, пустой кровати оказалась, - положила на место, и в палату Ивлева отправилась. Тихо, спокойно; все спят, а Ивлев даже храпит.

Конечно, никому и слова не сказала: а что говорить?!

14.12.98 г.

У меня неприятности: деньги на работе пропали! Женщина на лекарство родственнице привезла, врача не было, мне оставила. Я во внутренний карман куртки положила, а когда уколы делала, куртку сняла. Кинулась потом: денег нет. Думаю, Юлька взяла: только она видела, как я деньги прятала, но разве докажешь?! Аванс получила и почти весь отдала. Мать расстроилась: мы и так, несмотря на подработки - мама, кроме учительства, на дому шьет, а я, когда не дежурю, полы в баре мою, - еле концы с концами сводим.

На улице первый снег. Вышла из отделения свежим воздухом подышать - и тут больных на прогулку вывели. Бредут, смотрят по сторонам, словно вспоминают что-то и никак вспомнить не могут. Бедные люди!

Ивлев от меня подальше держится. Я, когда укол делала, шепнула ему: "Старуху тронешь - отравлю!". Надеюсь, поверил.

Дарья Владимировна ходить начала. При встречах мне улыбается: единственной из персонала.

Она, конечно, сумасшедшая. Прошлой ночью я прошлась по палатам, смотрю: ее кровать пустая. Перепугалась, бросилась на поиски и натыкаюсь на нее в столовой: стоит ко мне спиной и с пустотой разговаривает.

- Мама, зачем вы так?! - говорит отчетливо, словно кого-то видит. - Вы забыли, что есть Светлана. Да, темный путь. Нет, не знаю ничего. А Лида там, с вами? Я последнее письмо пять лет назад получила, потом письма возвращались. Рухнула страна, что там судьба нескольких человек! Не помню. Провалы памяти, я не всегда понимаю, где живу, что говорю. Слава Богу, немного осталось! Я кому-то мешаю, если б не ваша помощь... Сын, внуки? Потерявшая память хуже, чем мертвая - нет ни друзей, ни близких. Мама, где ты? Мама?

Замолчала и вздохнула: тяжело-тяжко. Мне отчего то неловко сделалось, за занавеску отступила и ничего не сказала, когда она мимо меня в палату плелась.

1.01.1999 года.

Первый день Нового года! Встречала его на дежурстве, устала, но спать не хочется: много впечатлений, нужно записать.

31 декабря я, Вася и Юлька нарядили выставленную в холле елку, срубленную плотником в соседнем лесу. По распоряжению главного врача вызвали из города мастера, отремонтировавшего телевизор (полгода не работал!). Из привезенных родственниками сладостей выдали больным по две конфеты и три штуки печенья: радость неопишуемая!

Новый год. Старая жизнь.

Когда уложили больных спать, Юлька вытащила шампанское, пришлось пить. Вася запасся бутылкой водки, но я проявила твердость и опустошал он ее на пару с Юлькой.

Новогодний огонек оказался скучным и я, оставив Юльку и Васю у телевизора, отправилась по палатам. Обнаружив отсутствие Дарьи Владимировны, сразу поспешила в столовую. Она была там - и не одна. Напротив нее, сидевшей на обшарпанном больничном стуле, развалился в огромном красном кресле (интересно, откуда оно у нас появилось?) Ивлев.

- Чем плох темный путь? - вопрошал Ивлев, сердито разглядывая Дарью Владимировну. - Он дает власть, богатство, силу - то, что позволяет наслаждаться земной жизнью. А упоение мстью? Хотите: ударившая вас санитарка оближет сейчас вам ноги, а потом окажется на колу в глухом ущелье?

- Зачем мне эта мерзость?! - с отвращением ответила Дарья Владимировна. - У девчонки карма: жить среди ударов, наносимых то ей, то ею. И то, к чему она идет, страшнее, чем предлагаете. Зло, причиненное даже злым людям, остается злом. Поймите: я получаю удовольствие не от страданий, а от радости мира. И полет бабочки для меня прекраснее криков варящихся в смоле врагов.

- Не упрощайте, - поморщился Ивлев. - Смола в котлах - примитивно. А молодость? Не желаете?

- Желаю - вздохнула Дарья Владимировна. - Но не от вас.

- Не все ли равно, кем совершено чудо?

- Чудо - середина явления, есть его начало и конец, остающихся во власти создателя, то есть у вас... Предложенное Вами приводит к судьбе, перечеркивающей прежнюю. Отказ от минувшей жизни означает предательство людей, помогавших ее осуществлению... Оставим разговор, он бесполезен.. Я довольна той, какой была.

- Но есть же у вас проблемы?! В чем?

Дарья Владимировна задумалась и тихо-тихо произнесла:

- В боли... Она раздирает тело, мысли. Волнуюсь за сына, внуков: как они дальше без моей помощи?!

- Боль - это хорошо: постараюсь ее увеличить. Трудная жизнь - не обязательно легкая смерть, - зло ухмыльнулся Ивлев. - Жаль терять ваш род, но он у нас не последний.

Встав, махнул рукой - и пропал вместе с креслом и Дарьей Владимировной. Растерянно зайдя в опустевшую столовую, подошла к залепленному снегом окну. Метель усиливалась, обещая наутро сугробы. "Идут белые снеги, как по нитке скользят" - вспомнилось стихотворение... Станный разговор.. Почему меня, стоявшую рядом, не заметили?! Загадка - еще одна.

23.01.99 г.

Дарья Владимировна не встает - упала с ведущих на второй этаж ступенек и сломала шейку бедра. Юлька толкнула - они на ступеньках вдвоем были, - но доказать невозможно.

В свободное от работы время читаю учебники: летом поступаю в медицинский институт.

Ивлев исчез. Говорят, выписался в канун Нового года. Получается, все привиделось.

24.02.99 г.

Стефан Цвейг писал о звездных часах, случающихся в судьбе каждого человека. Возможно, несколько таких часов я пережила прошлой ночью.

Рабочий день был обычный: процедуры, хлопоты, разговоры. Около двадцати трех часов, сделав больным уколы, присела на диван отдохнуть и незаметно уснула.

Разбудила вспышка яркого света. Открыла глаза и ахнула: комната для персонала, где я находилась, превратилась в огромный, переливающийся цветами радуги зал, в котором вместо дальней стены плавал ускользящий в бесконечность туман. Неподалеку от меня в серебристом кресле сидела Дарья Владимировна, всматривающаяся в мелькающие в тумане тени. Это были люди: появляясь из тумана, они подходили к Дарье Владимировне, кланялись и останавливались возле боковых стен. Я поразила разнообразию одежды: жупаны, плащи, сарафаны, кожанка, рясы, камзолы... Различные по возрасту и схожие обликом, они молча приветствовали прибывающих, теснясь и освобождая им место.

- Люди одного рода исчезнувших времен, - догадалась я. - Настоящее переливается в прошлое, как река в океан, и там остается, всегда готовое вернуться. Сейчас - один из таких моментов.

Наряды гостей осовременились: замелькали фраки, длинные и короткие платья, куртки, пиджаки, блузки. Лицо Дарьи Владимировны оживилось и я увидела направляющуюся к нам семью. Обогнав всех, торопилась шестилетняя девочка; за ней бойко цокала каблучками симпатичная девушка с надменным лицом, - ее поддерживал под руку парень в солдатском обмундировании. Последними шли властная, ослепительно красивая женщина и влюбленно поглядывающий на нее высокий мужчина.

Остановившись, пришедшие низко поклонились; Дарья Владимировна махнула рукой, предлагая девочке и женщине встать слева и справа от кресла. Просив лицом, девочка побежала на указанное место, а женщина, поколебавшись, отрицательно качнула головой и вслед за мужчиной и парнем отошла к стене. Зато надменная девушка, с вызовом глянув на Дарью Владимировну, гордо направилась к креслу, - и остановилась, услышав негодующий возглас присутствующих. Покраснев от злости, девушка сердито передернула плечами и вернулась к семье.

Поток гостей иссяк: все застыли в ожидании. Издалека, приближаясь, послышались шаги: показался пятидесятилетний старик в дорогом камзоле и парике. Гордо подняв голову и ни на кого не глядя, он подошел к креслу и нехотя, пересиливая себя, опустился на колени. Наступила тишина. Все смотрели на старика: кто с ненавистью, кто с презрением. Я обратила внимание на Дарью Владимировну: ее лицо выражало сочувствие.

- Встаньте, граф! - сказала она. - Мы сейчас на одном корабле проклятия и не будем разбираться, какая причина забросила туда всех триста лет назад.

Граф удивленно посмотрел на Дарью Владимировну, потом на стоявшую рядом девочку - и побледнел, словно что-то увидел. Оглянувшись, он медленно повел взором, рассматривая окружающих, - и поник головой.

- Простите! - глухо произнес старик. - Как много боли, и вся - на мне!

- Встаньте, граф! - раздался заполнивший зал голос - он принадлежал появившемуся возле кресла старцу в епископском облачении. - Вы и ваш род прощены! Свидетель этих слов: присутствующая здесь представитель другого рода врачующая больных Оксана.

Я почувствовала на себе множество взоров.

- Я медсестра, а не врач! - вырвалось у меня.

- Будешь врачом - и не только им! - улыбнулся мне старец и торжественно поднял руки:

- Срок проклятия истек. Живое - живым, мертвому - мертвое! Пребывайте с Господом и с миром! Аминь!

Зал растворился в клубах сгущающегося тумана. Послышался далекий, исчезающий в пространстве голос: "Простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды.." - и настала тишина.

- Проснись! - кто-то тряс меня за плечо.

Я открыла глаза: возле меня стояла Юлька.

- Там твоей старухе плохо, - насмешливо сказала Юлька. - Займись, а то еще окочурится в нашу смену!

Подхватившись, я побежала к Дарье Владимировне. Ее лицо посинело, она задыхалась. Я быстро сделала уколы и позвала дежурного врача.

- Молодец, правильно лекарства подобрала - одобрил мои действия врач. - Больная скоро заснет, хотя, - врач философски пожал плечами, - пару дней протянет, не больше.

27.02.1999 г.

Умерла Дарья Владимировна около часа ночи. Уколы не помогли, она стонала от боли, просила какую-то Олечку быстрее ее забрать, спрашивала, почему не пришли попрощаться внуки и сын, звала их. Последние слова ее были: "Славик, где ты? Славик?!"

1.03.1999 года

Врач поручил Юльке передать родственникам, чтобы увезли тело, но никто не приехал и заведующий отделением велел похоронить покойницу на больничном кладбище. Заняв денег, я заплатила столяру за гроб, оббила его купленной тканью, потом передела Дарью Владимировну в неукраденные остатки одежды и вместе с больными отнесла тело в выкопанную утром яму.

Дул холодный ветер, пряча неяркое солнце за свинцовыми тучами; местами еще лежал снег, напоминая о недавней зиме. Два деревенских мужика быстро забросали могилу землей, воткнули большой деревянный крест и, весело переговариваясь, отправились в кафе пропивать полученные от меня гривны; торопясь на обед, ушли больные, со скандалом поделив врученную мной для поминок колбасу и хлеб.

Это были не первые похороны, в которых я принимала участие, но никогда так горько не плакала душа и не болело сердце. Я стояла, одна-одинешенька, у могилы почти незнакомой мне женщины, и думала о том, как неблагодарна

жизнь, и как несправедливо разбрасывает она зерна благополучия. "Сотворил Бог небо и землю, отделил свет от тьмы и назвал свет днем, а тьму ночью..." Зачем?!

6.03.1999 год

Пошла в полдень на кладбище и у могилы Дарьи Владимировны увидела плачущего толстяка - сына, которого она так и не дождалась. Неподалеку стояли девочка и мальчик в школьной форме, рядом - парень моих лет и симпатичная брюнетка, сердито выговаривавшая толстяку:

- Поехали, час здесь стоим. Счетчик на такси включен, - вдруг денег не хватит! Мы не виноваты, что из больницы никто о смерти не сообщил.

- Юлька: и тут подлость сделала! - ахнула я. - Напрасно я так плохо о родственниках думала.

Подождав, когда опирающийся на костыли толстяк и его семья усядутся в тут же тронувшуюся с места "Волгу", подошла к могиле. Несколько венков, множество цветов: толстяк скупил все, что было на цветочном рынке. Наверное, он действительно любил свою мать.

"Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, а сияние Луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой – славою твоею"...

Пусть будет земля Вам пухом, Дарья Владимировна! Я много думала и поняла: судьбу образует мысль, соединенная с поступком. Мы идем в новый день, сгибаясь от тяжести прошлого, - но все таки идем, стараясь победить там, где не побеждал никто. Удача ведет под руку только слепых - зрячие в ней не нуждаются. Жизнь заканчивается не смертью, а новой жизнью; закат пролагает дорогу рассвету.

Царствия Вам небесного, Дарья Владимировна! Трудом и добротой, а не силой и храбростью, спасли вы свой род. Нет над вашей могилой мраморного памятника и не выстроится пирамида, да и тропинка к ней зарастет сорной травой, - но что благодарность людей перед благодарностью Бога?!

Покойтесь с миром, удивительная женщина, объяснившая мне, как жить.

СОДЕРЖАНИЕ:

Истории, рассказанные вчера

Интерлюдия.....	
Дом.....	
Ворожея.....	
Кладбище.....	
Сон.....	
Упырь.....	
Домовой.....	
Новый год.....	
Род.....	
Женщина без лица.....	
Сказание о Вечеславе Мудраке.....	
Из дневника медсестры.....	